

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9(75), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издвался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 5 от 23.06.2023.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Крацова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать . Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/672 . Тираж 25 экз.

Бесплатно. Дата выхода в свет «27» сентября 2024г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94, 92

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА И СИБИРИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГОРОЖАНЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Бочарникова А. В.

*Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности
Российской академии наук – обособленное структурное подразделение
ФГБУН «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский
центр Российской академии наук»
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
E-mail: aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru*

Культура, быт и жизненный уклад народов являются объектом исследования этнографов с точки зрения изучения обычаев и фольклора. В научной литературе нередко опускается момент, что коренными малочисленными народами Севера считают себя не только те, кто кочует в тундре или тайге, но и жители поселков, горожане, чьи образ жизни и культура очень слабо отличаются от доминирующего населения – русских, белорусов, армян. Рассматривается проблема самоидентификации народов Севера и Сибири в городских условиях и на примере модельных интервью. В полуструктурированных биографических интервью участвовали люди разного возраста и разных национальностей (шорцы, вепсы, эвенки), но их объединило то, что они переехали из тайги или поселков в город, имели большой опыт участия в работе общественных организаций.

Ключевые слова: идентичность, этничность, вепсы, шорцы, эвенки

Введение

Одной из актуальных проблем является отток молодежи и, в целом, трудоспособного населения, из маленьких городов и поселках на Севере, причины которого очевидны – отсутствие работы, проблемы с социальной инфраструктурой – закрытие школ, больниц и детских садов. Некоторые из молодых людей приезжали учиться в университет, вышли замуж и остались в больших городах. При этом реакцией на современные процессы глобализации является интерес к национальным культурам, который иногда проявляется как патриотизм на местном уровне. Респонденты, которых опросили в течение 2020–2021, в основном, имеют опыт общественной активности в прошлом, они переехали из поселков в большие города, но для них важно было помнить о своих корнях. Даже, проживая в мегаполисах и городах, отдаленных от родных поселков, они считают важным передать какие-то традиции детям, а также напомнить о том, что важно любить свою историю [2, с. 38]. Дети и внуки представителей малочисленных этносов, родились уже в городе, но осознают, что их родители, бабушки и с дедушки жили на Севере, особенно значимым для них становится об этом помнить, если родители рассказывали о прошлом или же сохранились детские воспоминания.

Когда речь идет о городском населении, мы не можем вполне использовать определение, принятое в российском законодательстве, о том, что «коренные

малочисленные народы выделяются от остальных тем, что ведут особый образ жизни – занимаются оленеводством, традиционными охотой и рыболовством» [8, с. 46]. В данной статье мы стремимся определить, что собой представляет идентичность коренных малочисленных народов Севера, живущих или родившихся в городе.

В XX веке в советской этнографии существовали 2 основные концепции природы этносов, принятые в разных школах: петербургская [14; 15], согласно которой этнос является биологическим феноменом, и московская [7], называющая этнос социальным явлением. Однако, даже, если придерживаться петербургской точки зрения, не совсем понятно, как определить национальность, если семья смешанная (или мы не знаем своих корней), да и внешне отличить саамов от русских непросто.

В советское и постсоветское время исследованиями идентичности занимались социологи, психологи и культурологи. Социальную концепцию идентичности разрабатывали В. А. Ядов [16] и Л. М. Дробижева [4]. В. А. Ядов обращает внимание на то, что идентичность определяется чувством принадлежности к какой-то социальной общности: Социальная идентификация предполагает нестрогое обозначение групповых идентификаций, когда человек ориентируется в системе «свой-чужой» [16]. Получается, что одновременно человек может связывать себя с разными общностями, он – чукча, юкагир и при этом россиянин.

У Л. М. Дробижевой более четкое определение этничности: она предлагает рассмотреть общероссийскую идентичность, которая включает формируемые представления, чувства и нормы объяснения. Трансформация исторической памяти происходит одновременно с мифологизацией прошлого, на которую влияют интересы элит: становится престижно или не престижно относиться к малочисленным этносам [5, с. 8]. По большому счету, когда человек, определяя свою национальность, обращается не к реальному прошлому, а в значительной степени, трансформированному.

В 2021–2022 году был проведен ряд интервью среди лидеров общественных организаций коренных малочисленных народов, и также тех, кто живет в городе, но заинтересовались прошлым своего народа и историей родителей.

Вепсы («Быть вепсом – знать свой язык и помнить о корнях»)

Коренные малочисленные народы, проживающие в Ленинградской области, р. Карелии и Вологоде, были больше подвержены длительным ассимиляционным процессам, чем коренные народы Сибири, что было связано с близостью территорий их проживания к крупным русским городам – Новгороду, Петербургу, Пскову и интенсивными торговыми, экономическими и культурными контактами с русским населением [13].

Образ жизни и внешность коренных финно-угорских народов Севера-Запада мало отличаются от русских. Среди вепсов в XIX веке было не так много смешанных браков. В поселке Винницы Ленинградской области вепсы брали жен из Озер, Пелдуш, из Мягкозера, из Ладвы. Часто ленинградские вепсы находили жен в Вологодской области – в деревне Кривозеро. Дорога проходила через Немжу, шла в

Вологодскую область прямо через Пашозеро, Капшозеро, Паймик, Щучье озеро. Вепсовская гряда доходила до Кривозеро. [10, с. 156].

Респондент 1, 72 года, родился в поселке Немжа Ленинградской области, в этом поселке исторически проживали вепсы. В Немже была только начальная школа, поэтому ее жители учились, а потом работали в поселке Винницы, который был изначально русским селом. В Подпорожском и Лодейнопольском районах вепские поселки соседствовали с русскими. Он говорил на русском и вепском языке, как и его родители. Бабушка говорила хорошо по-вепски. Часто в деревню приезжал двоюродный брат, который его научил читать, а первой прочитанной книгой стали «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. Он вспоминал:

«Первая книжка, которую привез Юра, сын сестры матери, была «Севастопольские рассказы». Мы на чердаке располагались, у нас были кровати полог, фонарик у него был на батарейке, мы читаем. Он мне говорит: «Давай за мной это слово повторяй, читай». Исподволь заставлял меня читать, повторять и, я начал тихонько-тихонько. Он мне книгу эту оставил. Я всю зиму эту книгу читал. В школу я когда пошел, я уже читал. Русский язык я хорошо знал. Другие ученики все говорили на вепском языке» [11].

До того, как приехал брат, респондент русские слова читал, обращая внимания на заметки в газетах, которыми был обклеен дом. Первые четыре класса учился в деревне Немже, а его родители жили в деревне Алексеевской, в которой сейчас два человека живет. В 5 классе стал учиться в Винницах. В школе в Винницах были вепские и русские классы, он попал в вепский класс. В вепских классах дети говорили на вепском между собой, обучение проходило на русском языке.

Помимо деревни Алексеевской в Подпорожском районе существовала деревня Трифоевка (название которой совпало с фамилией респондента), ее переименовали в Савинскую (от «сави» по-вепски глина). В деревне Трифоевка он нашел свой родовой дом. О деревне у респондента остались следующие воспоминания:

«Согласно записям в летописи, национальность была названа «чудь». Глины там много красной. Я еще в детстве думал, что кирпич красный, потому что глина красная. Потом, когда уже повзрослел, увидел, что из серой глины тоже красный кирпич. Такое детское воображение» [11].

Родители работали в Немже в колхозе (в деревне было три колхоза), первым председателем колхоза был Иван Максимович Трифоев, который организовал бесплатное питание работников фермы. Было построено много домов. В послевоенное время, в 1945 году родственники респондента уехали в Выборг, где давали квартиру или финский дом, они выбрали дом. Он хотел учиться на журналиста, но брат говорил, что очень важно получить серьезную профессию, которая бы оплачивалась.

Респондент учился в Техническом училище в Выборге, получил специальность «механик судового оборудования». После окончания училища служил в армии, где получил специальность механика самолетного радиооборудования. В интервью респондент говорил о том, как важно любить Родину и ее защищать.

После армии учился в Политехническом институте на факультете радиоинформатики и технической кибернетики, по окончании которого отправился работать на северный флот:

«Так сложилось, что я отслужил 32 года. Я в академию поступил. Во время службы в морском флоте я получил медаль за боевые заслуги, когда были учения «Океан». На этих учениях мы продемонстрировали устройство радиоэлектронной борьбы. Я занимался радиоэлектронной борьбой – созданием активных помех» [11].

Помимо работы респондент был секретарем партийной организации, о советском периоде вспоминал тепло:

«Когда я учился в Военно-Морской академии, мне сказали: «Виктор Павлович, сын крестьянина должен быть в партии».

Вплоть до 90-гг, до военной пенсии, история вепсов, языка и культуры респондента 1 занимала мало. На вопрос, когда возник интерес к вепсской культуре и языку, ответил, что, когда он вышел на пенсию. В 1992 году к нему подошла руководитель Вепсского общества в Петрозаводске и предложила основать литературное общество, раз теперь он не военный. Поскольку почти все участники Вепсского общества живут в городе, оно представляет собой литературный клуб. Деятельность связана только с культурой, скорее, это просто клуб любителей вепсского языка, встречи энтузиастов, в последние годы (после 2020 года) проходившие в интернете.

Родным языком респондент 1 называют русский, потому что он на нем думает. Сам респондент пишет как на русском, так и вепсском языке: «Я и на вепсском языке пишу. Есть стихи на вепсском языке. Мне ближе русский язык: учили в школе на русском языке, если бы учили на вепсском, я был бы чисто вепским поэтом. У меня вся лексика в голове есть. У меня все книги, грамота на русском языке. Слова на вепсском языке у меня есть, но грамматики нет на вепсском языке. Приходится, чтобы не исказить эти слова посмотреть в словаре» [11].

Еще одной проблемой для использования вепсского языка становится то, что письменный язык сконструирован на основе латиницы, что мешает пожилым людям его использовать. Таким образом, выпускаемую специально для вепсов в Петрозаводске газету «Кодима» по-вепски не смогли читать пенсионеры, которые как раз говорили на этом языке в детстве. Для респондента быть вепсом - прежде всего, означает обращаться к истории, изучать свое прошлое и учить язык.

Респондент 2 (54 года) родился в Ленинграде, мать вепсянка, жила в поселке Володарская Подпорожского района Ленинградской области (сейчас переехала в Германию). Интерес к вепсской культуре возник, когда он оканчивал консерваторию. В данном случае у респондента не было каких-то детских воспоминаний, а культуру вепсов он изучал как бы со стороны. Он ездил в экспедиции, чтобы поговорить с информантами, которые сохранили язык: в Ленинградскую область, в Карелию, в Сибирь. Мама респондента говорила на вепсском языке, но ее диалект не сохранился, поскольку он очень сильно отличался от письменного языка в Петрозаводске, а сами деревни, существовавшие еще в советское время, многие исчезли.

Вепсский фольклор, по сравнению с фольклором других прибалтийско-финских народов, очень плохо сохранился, что осложняет возрождение культуры – он постоянно додумывается. В поселках очень немногие люди знают вепсский язык, так в Винницах, он с уверенностью назвал два человека, которые им владеют [12].

Про сохранение письменности респондент 2 рассказывал:

«В Ленинградской области также была подготовка акции вепсского языка «Вода», были экспедиции почти во все вепсские деревни. М. сказал, что катастрофическое ухудшение языка, что лучше всего разговаривали южные вепсы. Когда он ездил раньше, за 10 лет до этого, они великолепно разговаривали на вепском. Когда он приехал во второй раз, те же самые люди не могли изобразить на вепском, говорили очень плохо. Когда мы приехали в Сибирь, тракторист местный стал рассказывать про запчасти, тракториста, Ельцина на вепском языке, все по-вепски, мы были поражены» – рассказывал респондент. Из сибирских переселенцев в 90гг. вепсский язык знали 5–6 семей, остальные просто знали, что они «чухари, из Ленинградской области» [12].

В Ленинградской области много деревень, которые обрусели, в 1 половину XIX века, но сохранили субстрат вепсского языка, в том числе в Капшинских деревнях. Когда в поселке Винницы организовали праздник «Вепское дерево» жители говорили: «Мы не вепсы и праздника нам не нужен» (ПМА 2022).

Респондент 2 изучал культуру и язык, как исследователь и уже взрослым, а не с рождения, поэтому у него более критическое отношение к культуре со стороны. Для того, чтобы получить представление о сохранившихся вепсах и других народах Ленинградской области, обращаются к данным Переписи (Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики), но работать с ними проблематично даже специалистам по этнографии и демографии. В советское время переписчики переходили в колхозы, брали похозяйственные книги, всем жителям колхоза писали национальность «русские» (в итоге, респондент рассказывал про бабушку с дедушкой, которые по-русски не говорили, но были записаны как русские).

В Переписи 2021 года не было переписчиков в деревнях, более того, все записывались, как хотели, она стала еще более сомнительным источником для интерпретации. По поводу сложной ситуацией, связанной с невозможностью посчитать численность вепсов, респондент прокомментировал: «В позапрошлую Перепись проводили мощную пропаганду, объясняли местному населению, что надо записываться водью или ижорой. В результате, у них было 4 тыс. води, владеющим ижорским языком, очень много. Цифры не имели отношения к действительности» [12].

В Петрозаводске после Переписи 1989 года было записано 15 тыс. вепсов, такая большая цифра объяснялась тем, что люди записывались, когда это могло принести выгоду:

«Откуда взялись вепсы? Зайцева сказала, что вепсами записались, потому что решили, что им за это что-то будет. Прошло время. Вепсам ничего не было за то, что они вепсы. Только хуже все стало. И они перестали записываться вепсами» [12].

Часто с вепсами, ижорами или водью идентифицируют себя, когда это становится экономически выгодным – это тоже не новая практика. В работах В. К. Арсеньева «Вымирание инородцев Амурского края» отмечается тот факт, что многие китайцы записывались тазами или удэгейцами, поскольку китайцев выдворили с этой территории.

Подсчитать реальное количество вепсов (или людей, владеющих вепским языком, что не одно и то же) сложно. Для того, чтобы записаться вепсом, сейчас не имеет значение, имеет ли человек какие-то вепские корни, или вообще какое-то отношение к вепсам. В советское время ситуация была противоположная: всех вепсов, ижору и водь записывали русскими, потому что не считали отдельным народом [9].

Выучить вепский язык непросто, поскольку он относится к финно-угорской группе, более того, язык разделен на диалекты, из которых наиболее оформленные – северный и южный, средневепский диалект – конгломерат разных говоров, у которых разная грамматика. Письменный вепский язык – искусственно созданное образование, а из-за того, что он создан на основе латиницы, на нем сложнее читать, да и он опосредованно связан с живыми диалектами.

Ситуацию с языком респондент обрисовал следующим образом: «В основном, письменный язык насаждается в Карелии, где только северный диалект, который очень далек от этого языка. Единственная задача письменного языка – это поддержание языкового пространства, поддержание языковой среды. Демографически выглядит так: старшее поколение владеет языком, среднее поколение выбито. Старшие не разговаривают с ними по-вепски. Средние, в лучшем случае, понимают. С младшим поколением никто по-вепски не говорит. Дети вепским языком очень плохо владеют или вообще не владеют...» [12]. Однако, старшее поколение не знает письменного языка, не сможет разговаривать на нем с младшим.

На вопрос о том, что нужно, чтобы считаться вепсом, респондент ответил, что необходимо знать язык:

«Пусть родственников нет, но выучил язык – это уже ближе. В Петербурге, в Подпорожье, в Лодейном поле очень много таких. Кто говорит, что я вепс, хоть я языка не знаю, родители не знают, но есть бабушка, которая говорит.

Какой вепс? Что-то вымывается раньше, что-то вымывается позже. Но язык вымывается позже. Культура вымывается очень рано, потому что она вообще традиционная. Советская власть поломала культуру своим существованием. Патриархальная семья, заветные праздники – очень быстро все исчезло – в середине 30гг. Если что-то было, то это остатки» [12].

В целом, ситуацию с языком и культурой он назвал катастрофической: если у других народов традиционная культура, фольклор отличается от других народов, то у вепсов этого нет. Население деревни катастрофически уменьшалось: в Ванозере 80 человек, в Мягозере 2 осталось. Закрываются школы и детские сады.

Эвенки («Быть – эвенкийкой, значит, помогать северянам»)

Респондент 3, 75 лет, родилась в семье оленеводов – в селе Стойба Селемджинского района Амурской области. Мама была эвенкийкой, папа – якутом. Поселок Стойба был ликвидирован в результате политики по укрупнению поселков. В Амурской области оленеводство почти полностью исчезло, что было связано со строительством БАМа и добычей золота. Золотопромышленники перерабатывают землю, пастбища разрушаются, а реки после промыва золота становятся желтыми, после них ни пить, ни питаться нельзя. Это разрушает не только оленеводство как промысел, но и у людей в населенных пунктах нет воды и питья [14, с. 198–200].

Мама говорила на эвенкийском языке, родители кочевали в тайге. Брат стал оленеводом, всю жизнь провел в тайге. В поселке была 7-летняя школа. Респондент рассказывала, что, когда встречала в тайге геологов, мечтала об этой профессии. Отец отговорил учиться на геолога: «Это так сложно, что мы в тайге живем. Иди лучше учительницей». После окончания школы она поступила в Педагогическое училище Николаевска-на-Амуре [12].

После того, как она окончила училище, она два года жила в поселке и работала учительницей. Эвенкийский язык она учила уже в поселке. К родителям она ездила на каникулы в Селемджинский район.

После двух лет работы решила поступить на специальность «учитель русского и родного языка» в РПГУ им. Герцена. Разницы между русскими и другими народами не было, но существовало разделение между городскими и «общежитскими». Сильного различия между студентами факультетами не было, все учились в центре.

Об учебе в университете у респондента 3 остались прекрасные воспоминания:

«Занятия были на Мойке, 48, было то, что редко бывает сейчас, были поточные занятия, где мы слушали лекции вместе со всеми потоками на филфаке. Чувствовали себя равными. Сейчас больше разделения, живут они в разных местах, мало точек соприкосновения с другими факультетами. Когда мы учились, у нас были знакомые ребята, с которыми мы общались, менее тесно, поскольку они городские, мы были из общежития» [12].

Важное место в обучении занимала культурная программа, которая позволила погрузиться в новую среду:

«Это тоже важно было для того, чтобы влиться, знать культуру. Это большой плюс, когда мы учились, у нас тех, кто был на гос обеспечении, была хорошо продуманная культурная программа. У нас каждое воскресенье или субботу, была куда-то экскурсия автобусная: или в музей ехали, в Эрмитаж или русский музей, по городу. Постоянно, кто хотел, ездил. Знание города у меня оттуда. Мы ездили с ансамблем выступать. В Прибалтику у нас туры были. На Валаам ездила, когда уже закончила Герцена, как руководитель со студентами. Туры были недешевые – группу вывозить, но эта была традиция. Это продумывали. Это хорошо, сейчас такого нет» [12].

В ходе обучения в университете активно включались в культурную жизнь Санкт-Петербурга, в этот период у студентов сформировалась двойная

идентичность: они связаны и со своей национальной культурой, воспринимают культурную традицию Петербурга.

Респондент активно участвовала в комсомольской деятельности, говорила, что специфика таежного воспитания в том, что в результате него люди более активные и самостоятельные, чем те, кто воспитывался в городе. Дети, которые растут в тайге или тундре, рано взрослеют: надо помогать родителям. Они уже в возрасте 5 лет принимают пойманных оленей, кормят оленей солью, поддерживают костер. Как правило, студенты, выросшие в тайге или тундре, более ответственные и взрослые. После университета респондент поступила в аспирантуру, учила эвенкийский язык, ездила в различные экспедиции.

Общественная активность, связанная с коренными народами, началась в 1990–2000 годы, когда она стала первым президентом Ассоциации коренных народов в Петербурге. На этой должности она была 12 лет. В основном, ассоциация решала вопросы материального обеспечения, оказывала финансовую помощь, это касалось всех студентов из числа коренных малочисленных народов, которые учились в Петербурге.

На вопрос о том, обязательно ли жить в поселке (тайге или тундре), чтобы быть эвенком ответила: «Язык – это часть культуры. Это же не значит, что мы все в тайге или в тундре будем жить. Сейчас вообще это невозможно, это такая утопия. Многие желают, но это не может быть действительным. Хотят сохранить оленеводство, но, насколько это можно будет сделать явью, это большой вопрос. В какой-то степени нужно это поддерживать и сохранять, потому что есть люди, которые хотят заниматься. Есть люди, которые хотят этим заниматься, но мало молодых, там физический труд нужен. Мало молодых ребят, которые хотят в тайгу поехать и в тайге жить» [12].

Многие из выпускников РПГУ им. Герцена, окончив университет, возвращаются обратно. В некоторых регионах есть структуры, которые занимаются проблемами коренных народов, но, как правило, это касается автономных округов.

Своим внукам, которые уже живут в городе, респондент привила интерес к своей культуре, рассказывала про свою работу. Обе внучки поступили на «североведение» – кафедру этнокультурологии РПГУ им. Герцена. Они родились и выросли в Петербурге, возвращаться уже не планируют. Респондент переводит Библию на эвенкийский язык. Для нее важна «северная идентичность», а сохранению народа способствует изучение культуры.

ШОРЦЫ («Быть шорцем – решать проблемы своего народа»)

Респондент 4, 67 лет, родился в таежном поселке Темиртау в Горной Шории. Мама работала в геологоразведке. После школы полгода работал помощником бурового мастера. Затем служил в армии. Когда вернулся из армии, поступил в Новокузнецкий металлургический институт, где получил специальность «инженер-электрик». По распределению работал на электрификации железных дорог.

Респондент 4 активно участвовал в деятельности комсомольской организации, ему предложили возродить комсомол, когда он устроился работать в монтажную организацию. В монтажной организации было много комсомольцев, но многие

уезжали на линейные объекты – на вторые пути БАМа и в Казахстане и уже не возвращались. Деятельность пионерской и комсомольской организации в СССР оценивает положительно: детьми и молодежью много занимались, а и система образования была лучшей в мире.

Респондента 4 пригласили в органы государственной безопасности. Респондент, когда служил, занимался противодействием буржуазному национализму. Он свою службу вспоминал с гордостью, она позволила смотреть по-другому на вопросы государственного управления, знал ее изнутри. В 1990 гг. респондент вышел в отставку. Рассказывая историю своей жизни до 1990 гг., респондент не говорил о том, что для него важно было, что он шорец, какого-то разделения между шорцами и русскими не было заметно.

В 1995 году респондент был кандидатом в депутаты Государственной Думы, поддержан губернатором Тулеевым. Одновременно его пригласили в Рабочую группу по коренным народам, а депутатом Государственной Думы стал другой кандидат.

Пока респондент работал в общественном секторе, он себя идентифицировал не столько, как шорец, сколько как «представитель коренных малочисленных народов». Для него важна работа по правам коренных народов. Участвовал в международной деятельности по трем направлениям: права коренных народов, декларация о биологическом разнообразии, организация интеллектуальной собственности.

Начиная с 2007 года, респондент работал в Совете Федерации:

«На последнем этапе я просто увидел то, что ни в одном из органов федерального уровня из органов государственной власти нет специалистов по правам коренных народов. Я не говорю о представителях коренных народов: их нет физически. Я не говорю о политиках, которые сегодня являются сенаторами, как Ледков или Отке. Я не говорю о депутатах Государственной думы, которым были, Хороля, и Ледков, и Гоголева. Специалистов нет в аппарате комитета. Я был последним, кто работал в аппарате Совета Федерации» [12].

Департамент межнациональных отношений состоит из специалистов в области культуры и образования. Основные проблемы связаны с отношениями коренных народов и недропользователей, а не с сохранением культурных праздников.

До работы с коренными народами респондент в интервью не разделял людей на группы «коренные народы» и «недропользователями», то есть те, кто не относился к коренным малочисленным народам, а работал в геологоразведке. Самоидентичность приобретается во время обучения или работы, когда человек решает, чьи интересы он защищает.

На территории Кузбасса добывается уголь и разрабатывается золото. Земли в регионе сдаются под аренду промышленникам, а охотничьи угодья сокращаются. В советское время коренные народы осуществляли промысловую охоту, а земля была государственная. Серьезные проблемы начались после перестройки, когда территорию стали снимать частники.

Из интервью с респондентом: «Ареалы земли, или территории, на которых шорцы испокон веков осуществляли свою традиционную хозяйственную деятельность, стремительно сокращаются. В Перечне мест традиционного проживания, хозяйственной деятельности есть только один населенный пункт. Сегодня границы населенных пунктов заканчиваются огородами. За населенными пунктами нет никакой территории, близко к ним прилегающих...Нет ни одного гектара угодий, закрепленного за шорскими охотниками. Все охотничьи угодья проданы с молотка. Естественно, победили не шорцы. Никакой поддержки региональная власть шорским охотникам и общинам не осуществляла, хотя у них записано в положении, что министерство культуры занимается положением шорцев и телеутов» (ПМА 2022).

Деятельность респондента касалась защиты прав коренных народов, в частности, шорцев, когда он пишет письма губернатору и в Департамент межнациональных отношений. Одной из проблем является то, что территории, где охотятся шорцы и телеуты, не включены в Перечень мест традиционной деятельности коренных народов. Для того, чтобы решить проблемы коренных народов, с точки зрения респондента, необходимо привлекать ученых, которые бы доказали необходимость создания территорий традиционного природопользования.

Респондент 4 рассказывал, что все вопросы, которые смогли решить, решались через прокуратуру. Например, чтобы заниматься охотой на территориях вокруг поселка, необходима была отметка в охотничьем билете. Министерство природных ресурсов запрещало постановку отметок, поскольку территории не были в Перечне территорий традиционного природопользования. О проблемах шорцев из интервью:

«Губернатор подписывает третий год подряд постановления о квотах и лимитах для шорцев: там ничего не выделяется. Такое ощущение, что исполнительным органам власти поставлена задача шорцам и телеутам вообще ничего не сдавать. Охоты нет. Социальной пенсии нет. Территории традиционного природопользования не образуют» [12].

Вопрос с постановкой штампа в охотничьем билете решился через прокуратуру и личные связи: респондент составил 2 обращения в прокуратуру, съездил в областную прокуратуру, после чего поставили штамп в билете.

В Горной Шории есть общественная организация – Ассоциация шорского народа – Шория, но, по мнению респондента, она не защищает права коренного населения. В качестве примера он рассказал о случае, когда чиновники из Департамента по охране объектов животного мира говорили о том, что у шорцев нет территорий для ведения традиционного образа жизни. О местных жителях и проблемах идентичности респондент рассуждал следующим образом:

«Как быть с вопросами идентичности здесь? Как сохранить шорцам то, что они являются шорцами? Они ничего этого не знают. Они безграмотны, они аполитичны. Более того, они запуганы. Они предпочитают остаться в стороне и не связываться с этими чиновниками, потому что хорошо понимают, что их могут уволить с работы» [12].

В результате деятельности золотодобывающей компании был ликвидирован национальный поселок Ильинка, где дети разговаривали на шорском языке. В поселке осталось 4 дома, остальные жители переехали в Магнитогорск. В Горной Шории существовало всего три поселка, где говорили на национальном языке, один поселок был ликвидирован. Для того, чтобы сохранить идентичность шорцев, с точки зрения респондента, необходимо, чтобы территории были отданы в безвозмездное пользование коренных народов:

«Народ будет иметь какие-то перспективы сохранить свою идентичность, когда получит решение этих вопросов. Земля, территория, доступ к природным ресурсам – тогда будет возможность вести традиционный образ жизни, который вели их предки. Что такое традиционный образ жизни? Это исторически сложившиеся способы жизнеобеспечения. Будут сохранять традиционные формы жизнеобеспечения (это возможно только при осуществлении традиционной хозяйственной деятельности). Тогда будет сохраняться родной язык, он будет применяться, потому что в тех традиционных видах хозяйственной деятельности – животноводстве, оленеводстве, табунном коневодстве, рыболовстве очень много терминов, которых нет на русском языке» [12].

При ликвидации поселков, где дети говорят на национальном языке, язык исчезает: в городах и рабочих поселках остается язык доминирующего населения. На вопрос, говорит ли респондент на шорском языке, ответил: «Я родного языка не знаю, потому что мама с бабушкой разговаривали. Бабушка помогал воспитывать нас двоих с братом. Они редко говорили на родном языке, потому что в то время стояла задача дать образование, чтобы стать успешным. Образование было только на русском языке, но я понимал разговорную речь, когда был маленьким. Общась с родственниками, с друзьями, я понимал. Потом вся моя жизнь, три высших образования, были получены в русскоязычной среде. Естественно, я был оторван от родной языковой среды, я не разговариваю на родном языке. Мои дети уже не разговаривают на родном языке» (ПМА 2022).

Когда говорили об идентичности, респондент отмечает, что, в первую очередь, ты – представитель этноса, потом гражданин РФ. Респондент до того, как он стал заниматься защитой прав коренных народов, обращал внимание на то, не говорит о национальной принадлежности, важно то, что он именно гражданин СССР. В речи разделение «коренные народы» и «доминирующее население» появилось позже. Более того, у респондента складывается тройная идентичность – принадлежность к группам «граждане России», «шорцы» и «коренные малочисленные народы Севера».

Заключение

Понимание того, что означает быть вепсом, шорцем и эвенком – национальная идентичность – очень сильно различается у респондентов, даже у одного человека менялась в течение жизни. Никто из опрошенных не придавал особое значение происхождению, акцент, когда речь шла об отличиях, был на прошлое, язык или культуру. В какой-то период, например, в детстве и юности для респондента из Шории или респондента из Ленинграда не имела значения этническая

принадлежность, после изменений, связанных с профессиональной деятельностью, когда человек вышел в отставку, или, напротив, стал участником общественного значения, отношение изменилось.

У вепсов, которые в значительной мере ассимилированы, по сравнению с народами Сибири и Севера, критерии отличия – язык и прошлое (либо человек жил в деревне, либо родственники были вепсы). Вепсы идентифицируют себя именно с вепсами, а не с коренными малочисленными народами, это связано с тем, что оба респондента активно в деятельности международных организациях коренных народов не участвовали. Общественная деятельность сводится к литературной. Большое внимание уделяется языку, потому что образ жизни и культура вепсов похожа на русскую.

Для третьего респондента из Амурской области важность самоидентичности как эвенкийки была связана с обучением в университет (поскольку она получила специальность – учитель родного и русского языка, опять же это выделяло ее от студентов из города), а потом работой, связанной с изучением культуры Севера в университете. Когда она стала президентом Ассоциации коренных народов в Петербурге, важно было не только, что она эвенкийка, но и то, что она из северного региона, член общности – коренные малочисленные народы Севера. У респондента есть понимание, что культура связана с традиционными занятиями – оленеводством, традиционную деятельность надо поддерживать, только в том случае, если есть те, кто хочет ей заниматься, но всех обратно в тундру и тайгу селить невозможно, это утопия. Эвенкийский язык она выучила позже, рассказывала внукам про эвенков.

Для четвертого респондента идентичность стала иметь решающее значение в 90гг., когда он стал работать сначала в общественных организациях, потом в государственных структурах в Москве и в Горной Шории. После деятельности общественных организаций в 1980–1990 гг., по признанию антропологов, появилась идентичность «КМНСовцы».

Респонденты, переехавшие в города, хорошо адаптировались для жизни в городах, Новокузнецке и Санкт-Петербурге, чувствуют себя горожанами, но помнят про национальную и культурную принадлежность. Самоидентификация пластична, она может быть двойной или тройной, зависит от условий.

Список использованных источников и литературы

1. Арутюнов С. А., Бромлей Ю. В. Perspectives on Ethnicity. Hague, Paris, – 1978. – 458 с.
Arutyunov S. A., Bromlej Yu. V. Perspectives on Ethnicity. Hague, Paris, – 1978. – 458 s.
2. Башкарев А. А. Развитие дорожной инфраструктуры как фактор сохранения малых этносов (на примере вепсов) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2015. – № 2 (32) – С. 36–39.
Bashkarev A. A. Razvitiye dorozhnoy infrastruktury` kak faktor soxraneniya maly`x e`tnosov (na primere vepsov) // Vestnik Yaroslavsogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya «Gumanitarny`e nauki». – 2015. – № 2 (32) – S. 36–39.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М: Аст, 2019
Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. Moskow: Ast, 2019

4. Дробижева Л. М. Историческое самосознание как часть национального самосознания народов // Традиции в современном обществе: сб.ст. М.: Политиздат, – 1990.
Drobizheva L.M. Istoricheskoe samosoznanie kak chast' nacional'nogo samosoznaniya narodov // Tradicii v sovremennom obshchestve: sb.st. M.: Politizdat, – 1990.
5. Дробижева Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – № (15). – С. 6–21.
Drobizheva L. M. Konsolidiruyushaya identichnost' v obshherossijskom, regional'nom i e'tnicheskom izmereniyax // Perspektivy. E'lektronny'j zhurnal. – 2018. – № (15). – S. 6–21
6. Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/media_official_comments/document/95095 (дата обращения 10.10.2022)
Internet Portal URL: https://rosstat.gov.ru/media_official_comments/document/95095 (10.10.2022)
7. Козлов В. И. Проблемы этнического самосознания и его место в теории этноса // Козлов В. И. Советская этнография. – 1974. – № (4). – С. 79–92.
Kozlov V. I. Problemy e'tnicheskogo samosoznaniya i ego mesto v teorii e'tnosa // Kozlov V. I. Sovetskaya e'tnografiya. – 1974. – № (4). – S. 79–92
8. Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. – 2004 – № (17). – С. 44–55.
Kryazhkov V. A. Tradicionny'j obraz zhizni korenny'x malochislenny'x narodov v konstitucionno-pravovom izmerenii // Gosudarstvo i pravo. – 2004 – № (17). – S. 44–55.
9. Манаков А. Г., Бочарникова А. В., Теренина Н. К. Факторы динамики численности разделенных границами частей малочисленных народов вепсов и сету (seto) // Этнография. 2022 – №3 (22). – С. 49–69.
Manakov A. G., Bocharnikova A. V., Terenina N. K. Faktory dinamiki chislennosti razdelenny'x graniczami chastej malochislenny'x narodov vepsov i setu (seto) // E'tnografiya. 2022 – №3 (22). – S. 49–69.
10. Петухов А. В. Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Петухов. ..Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. – 163 С.
Petuhov A. V. Administrativnaya razobshhennost' – faktor uskoreniya assimilyacii vepsov // Petuhov. ..Problemy istorii i kul'tury vepsskoj narodnosti. Petrozavodsk, 1989. – 163 S.
11. Полевые материалы автора, 2021
Polevy'e materialy avtora, 2021
12. Полевые материалы автора, 2022
Polevy'e materialy avtora, 2022
13. Строгалыщикова З. И. Об этнографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск. – 1989. – С. 27–42.
Strogal'shnikova Z. I. Ob e'tnograficheskix tendenciyax, social'no-e'konomicheskom i kul'turnom razvitii vepsskoj narodnosti // Problemy istorii i kul'tury vepsskoj narodnosti. Petrozavodsk. – 1989. – S. 27–42.
14. Тураев В. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Дальнего Востока в современных условиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – № 19. – С. 195–216.
Turaev V. A. Olenevodcheskoe khozyajstvo korenny'x narodov Dal'nego Vostoka v sovremenny'x usloviyax // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarхеologia. E'tnologiya. Antropologiya. – 2017. – № 19. – S. 195–216.
15. Хрущев С. А., Клоков К. Б. Эволюция этногеографических исследований // Проблемы этнической географии и культурного районирования. Ред. А. Г. Манаков. Псков: Изд-во АНО «Центр социального проектирования «Возрождение». 2004. С. 5–14.
Xrushhev S. A., Klokov K. B. E'voluciya e'tnogeograficheskix issledovanij // Problemy e'tnicheskoj geografii i kul'turnogo rajonirovaniya. Red. A. G. Manakov. Pskov: Izd-vo ANO «Centr social'nogo proektirovaniya «Vozrozhdenie». 2004. S. 5–14
16. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. – 1995. – № 3(4) – С. 158–181.

Yadov V. A. Social`ny`e i social`no-psixologicheskie mexanizmy` social`noj identifikacii lichnosti // Mir Rossii. – 1995. – № 3(4) – S. 158–181.

Bocharnikova A. V. Indigenous Peoples of the North and Siberia and Identity: Citizens and Immigrants

The culture, life and way of life of peoples are the object of study by ethnographers in terms of the study of customs and folklore. The scientific literature often omits the point that not only those who roam in the tundra or taiga, but also residents of villages, citizens whose lifestyle and culture are very slightly different from the dominant population consider themselves the indigenous small-number peoples of the North.

The article examines the problem of self-identification of the peoples of the North and Siberia in urban conditions and on the example of model interviews. Semi-structured biographical interviews involved people of different ages and different nationalities (Shors, Veps, Evenks), but they were united by the fact that they moved from taiga or villages to the city, had extensive experience in participating in the work of public organizations.

Keywords: identity, ethnicity, vepses, shors, evenks

УДК 910.4(1-924.71):929ПОРТЕН

**ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ В ТАВРИДУ
РОССИЙСКОГО МУЗЫКАНТА АРВЕДА ПОРТЕНА:
К 150-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ КНИГИ
«АРТИСТИЧЕСКОЕ ТУРНЕ В ГЛУБЬ РОССИИ»**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Российская Федерация, г. Симферополь
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Беднарчик Г. И.

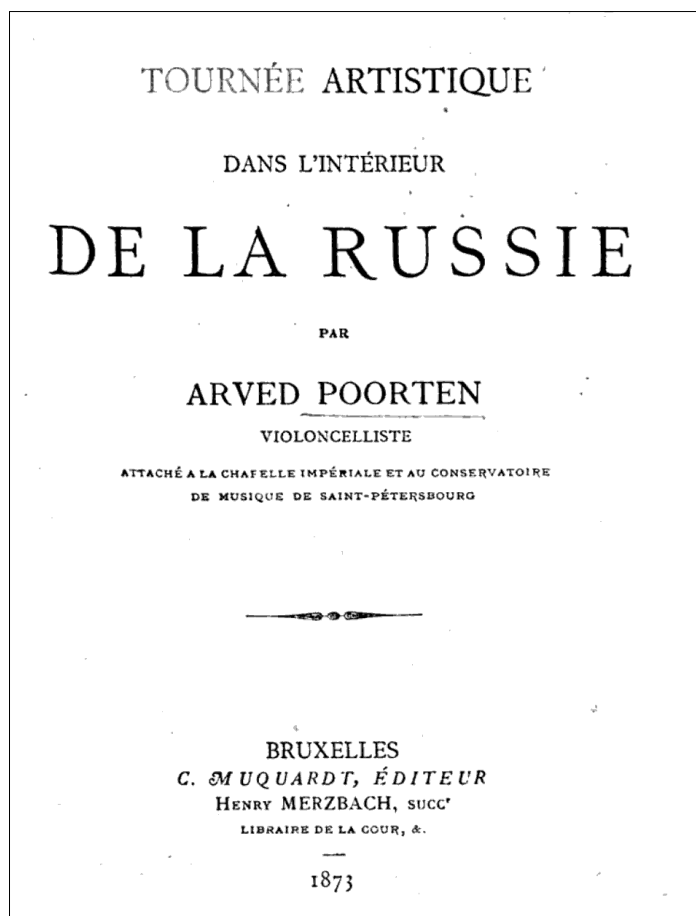
*Колледж Черниховски, г. Нетания, Израиль
E-mail: gadbed@yahoo.fr*

Среди сочинений путешественников по Крыму второй половины XIX в. представляет исторический, литературоведческий и искусствоведческий интерес книга Арведа Владимировича Портена (1836–1901), российского виолончелиста, композитора, известного на родине и за рубежом. Она опубликована в Бельгии в 1873 г. и посвящена большой гастрольной поездке маэстро по России, которая состоялась в конце апреля – августе 1868 г. Ту часть издания, которая посвящена пребыванию в Крыму, автор дополнил описанием его второго вояжа по полуострову в 1871 г. Портен и его спутники посетили Керчь, Феодосию, Ялту, Ливадию, Ореанду, Алупку, Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Евпаторию. Везде с успехом давали концерты классической музыки. Записки Арведа Портена дополняют наши знания о Крыме и его культуре XIX в., где выступали многие артисты, в том числе с мировым именем, звучала музыка великих композиторов, где была многочисленная и благодарная публика. Перед нами ещё одно видение Крыма, взгляд на полуостров человека искусства, музыканта. Описание двух крымских вояжей Портена впервые публикуется на русском языке (перевод с французского Г. И. Беднарчика).

Ключевые слова: путешественники по Крыму второй половины XIX в., Арвед Владимирович Портен, музыкальная культура Крыма.

...поезжайте в удивительный Крым...
Арвед Портен

Конец XVIII – XIX век – время, когда возник и всё более набирал силу интерес к Крыму, долгое время остававшемуся terra incognita для россиян и европейцев. Войдя в состав Российской империи, он стал доступнее и привлекательнее для многих. С разными целями на полуостров приезжали политики и экономисты, историки, натуралисты, литераторы, искусствоведы и просто любители путешествовать, знакомиться с новыми местами и их обитателями. О Крыме писали научные труды и травелоги. «Путешествия» пользовались большой популярностью.

*Титульный лист книги Арведа Портена
«Артистическое турне в глубь России» (Брюссель, 1873)*

В последнее время заметно возрос интерес к ним – научный и любительский. Произведения русских и зарубежных вояжёров конца XVIII – начала XX столетия переиздаются, новые издания дополняются сведениями об их авторах, комментариями, иллюстрациями. Это большая и очень полезная во всех отношениях работа. Сочинения путешественников разные по объёму, информативности, достоверности. Но каждый, кто обращается к ним, может найти для себя то, что важно и интересно именно ему.

Особо нужно сказать об авторах путевых записок – людях в большинстве своём образованных, увлечённых, владеющих хорошим литературным слогом.

Именно таким предстаёт пред нами Арвед Портен – российский виолончелист, композитор, известный на родине и за границей [см. о нём: 1; 2, с. 251–255; 4; 5; 6,

с. 232–233]. Он много и успешно гастролировал в городах России, включая крымские.

Жизнь и творчество

Арвед (Арвид) Владимирович Портен (Поортен) родился 1 (13) мая 1836 года в Риге – в те времена центре Лифляндской губернии Российской империи. Его предки «принадлежали к старинному шведскому дворянскому роду», один из прадедов являлся «наместником гор<ода> Нарвы до завоевания Лифляндии Петром Великим» [1, с. 320]. Его отец, кораблестроитель, человек состоятельный, настолько увлекался музыкой, что организовал семейный квартет, одним из участников которого был Арвед. В доме Портенев проводились музыкальные вечера, их посещали такие знаменитости как Рихард Вагнер, Генрик Венявский, Анри Вьётан, Ференц Лист, Антон и Николай Рубинштейны, Адриен Серве. «Услышав игру известного виолончелиста Х<ристиана> Келлермана, юный Арвед воспылил желанием играть на виолончели» [2, с. 251].

Учёба Арведа пришлось на 50-е гг. XIX столетия. Его учителя — известные виолончелисты, композиторы, педагоги: на родине, в Риге, – Карл Фридрих фон Лутца и Карл Маркс-Маркус; в Дрезденской консерватории – Фридрих Куммер; в Брюссельской консерватории – Адриен-Франсуа Серве. На конкурсе виолончелистов в Брюссельской консерватории Портен получил первую премию. После чего начал ездить с концертами по Европе – в Англию, Бельгию, Голландию, Испанию, Португалию, Францию. В кругу профессионалов и любителей музыки завоевал известность блестящего исполнителя.

Уже в 1857 г. музыкальный критик Бертольд Дамке писал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 114): «Г<осподин> Портен, из Риги, один из лучших виртуозов, какие только когда-нибудь образовались в превосходной школе Серве. Уже обладая весьма замечательно развитым механизмом, этот молодой артист в особенности отличается своим жаром и увлекательной выразительностью своего гения. В этом отношении он может стать наряду с величайшими виолончелистами. Он участвовал в весьма многих концертах, и почти всегда публика, которая его чрезвычайно любит, отдавала ему пальму первенства. <...> Портен отличается также и как композитор. Он написал для своего инструмента несколько весьма хороших произведений» [цит. по: 2, с. 251–252].

С 1860 г. Арвед Портен живёт в Петербурге. Выступает в концертах, его талант высоко оценивается музыкальными критиками в российской прессе. В 1861 г. он поступает на работу в театр – в оркестр Итальянской оперы. В начале 1870-х гг. назначается «в помощь (адъюнктом. – Э.П., Г.Б.) знаменитому виолончелисту К<арлу> Ю<льевичу> Давыдову¹ вторым профессором Санкт-Петербургской консерватории» [1, с. 320], в которой работали знаменитые музыканты, в том числе

---

¹ Карл Юльевич Давыдов (1838–1889), виолончелист, композитор, педагог; в 1876–1887 гг. занимал пост директора Санкт-Петербургской консерватории (ныне Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

давно знакомые Арведу Владимировичу Генрик Иосифович Венявский, Антон Григорьевич Рубинштейн¹.

С 1874 г. Портен, из-за болезни покинув Петербург, живёт в Варшаве, затем во Франции (в Париже), в Бельгии, где становится профессором Гентской консерватории; ездит с концертами по Европе, а в России «нет почти года, где бы А<рвед> В<ладимирович> не бывал и не пожинал лавры своей художественной игрою» [1, с. 320]. Выступает во многих российских городах («в центральных и южных губерниях, на Урале и в Прибалтике, в Крыму и Средней Азии, в Сибири и на Дальнем Востоке» [2, с. 254]), в некоторых – не единожды, удостоивается высочайшей оценки музыкальных критиков. В особенности следует отметить его частые совместные выступления с Антоном Рубинштейном. Портена связывали с ним давние узы дружбы. Л. С. Гинзбург отмечает, что в некоторых городах Арвед Портен оказывался едва ли не первым виолончелистом, дававшим концерты; исполняя произведения европейских и российских композиторов, он способствовал музыкальному просвещению провинциальных слушателей [2, с. 254]. Это высказывание имеет прямое отношение к Крыму, где Портен выступал с концертами во многих городах.

В связи с последним («по слухам») выступлением Портена, состоявшимся в апреле 1892 г. в Риге, В. Е. Чешихин отметил: «...г<осподин> Портен выказал все достоинства первоклассного виолончелиста: выровненный во всех регистрах тон, чуждый всякой слащавости, мужественный и благородный; <...> темперамент нервный, но сильный; замечательное чувство формы и общей идеи композиции, выражающееся в широкой разработке мелодического рисунка и в глубоком проникновении в дух композиции»; «в игре г<осподина> Портена чисто французская выдержка техники вообще и фразировки в особенности гармонически примирена с итальянским темпераментом, а иногда и с чисто славянским лиризмом!.. Во всём сказывается бывшая звезда – виртуоз-европеец» [6, с. 232–233].

Арвед Владимирович исполнял произведения выдающихся мастеров: Йозефа Гайдна, Георга Гольтермана, Михаила Глинки, Феликса Мендельсона, Станислава Монюшко, Вольфганга Моцарта, Антона Рубинштейна, Адриана Серве, Роберта Фолькмана, Фредерика Шопена, Карла Шуберта, Франца Шуберта, Роберта Шумана, знакомил любителей музыки и с собственными сочинениями. Наверняка столь же разнообразным был и репертуар его крымских гастролой.

Арвед Портен вошёл в историю музыки не только как исполнитель-виолончелист и педагог, но и как композитор, создатель пьес для одной и для нескольких виолончелей (в том числе трио для виолончелей с фортепиано на мотивы оперы Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»)), а также автор трудов, посвящённых музыкальной культуре. В 1890 г. в Париже вышло сочинение Портена «Завещание музыканта», которое автор посвятил Антону

---

¹ Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) был инициатором создания консерватории, открытие которой состоялось в 1862 г.

Рубинштейну, и уже в следующем году его опубликовали в Санкт-Петербурге в русском переводе [9].

В конце жизни Арвед Владимирович жил в Риге, там он умер 7 (20) марта 1901 г. «Многие газеты и журналы посвятили Портену пространные некрологи», называя его выдающимся русским виолончелистом-виртуозом [2, с. 255].

О книге «Артистическое турне вглубь России»

Арвед Владимирович Портен известен и как писатель. Объездивший всю Европу и подолгу там находившийся, он пожелал запечатлеть на бумаге свои воспоминания о гастрольных поездках по России и поделиться с читателями своими впечатлениями о родной ему стране и её людях. Книги «Артистическое турне вглубь России» и «Затерянный уголок России: воспоминания артиста» написаны по-французски, рассчитаны на европейцев, впрочем, и на российских книголюбцев тоже, ведь те в своём большинстве знали французский язык. Первое из названных произведений вышло в Брюсселе в 1873 г., второе – в Париже десять лет спустя [7; 8].

Книга «Артистическое турне вглубь России», которую мы публикуем впервые на русском языке, посвящена большой гастрольной поездке по России 32-летнего музыканта Арведа Портена, которая состоялась в конце апреля – августе 1868 г.

Между путешествием и выходом книги в свет прошло пять лет. Причина задержки с публикацией указана самим Портеном в письме к послу России во Франции князю Орлову (это письмо автор счёл нужным поместить в самом начале книги), а именно: «<...> отсутствие у меня достаточных средств для реализации этого замысла». Обращение к Николаю Алексеевичу Орлову с просьбой о помощи в издании книги объяснимо. Во-первых, князь был человеком известным в России и за границей (он являлся послом России поочерёдно в Бельгии, Австрии, Англии, а в 1871–1882 гг. – во Франции) и очень богатым. Во-вторых, как отмечает в письме Портен, отличался «просвещённой благосклонностью к музыкантам». Князь, конечно, отозвался на просьбу российской знаменитости, много гастролировавшей в Европе, в том числе во Франции (где тогда пребывал князь Орлов) и Бельгии (где и была в конечном итоге издана книга).

Второе письмо, опубликованное в книге «Артистическое турне вглубь России», было адресовано уже Портену. Его автор – Ж. Беринжье – пишет: «Вы обратились ко мне с просьбой отретушировать Вашу рукопись. Я сделал всё возможное в этом направлении, причём главной моей целью было сохранить оригинальный, почти экзотический характер Вашего рассказа». Волнуясь за свой «малый литературный опыт», Портен обратился за помощью к корректору, который занялся литературной обработкой его книги. И надо заметить, высоко оценил сочинение музыканта в письме к нему.

Судя по всему, Портен был знаком и с князем Орловым, и с Беринжье, почему и обратился с просьбами именно к этим людям. Из уважения и благодарности к ним, а также желая быть честным перед читателями, он поместил эти два письма в начале своей книги.

Во введении к этому сочинению Арвед Владимирович делится с читателями своими представлениями о путешествиях и путешественниках. Выказывает недовольство «разбрасывающимися деньгами богатенькими русскими», которые либо критикуют всё, что связано с границей, либо, напротив, предпочитают всё только иностранное, считают себя вправе поносить Россию и при этом не удосуживаются проехаться по своей огромной и богатой стране, ближе познакомиться с её народом.

Нашего автора возмущает и то, что иностранцы совсем не знают Россию, а потому считают русских далёкими от цивилизации, себя же – образованными и цивилизованными. Портен, в отличие от многих иностранных вояжёров, убеждён, что в России созданы совсем не плохие условия для путешествий: разветвлённая сеть железных дорог, суда Черноморского пароходства (с «удобствами и обслуживанием высочайшего уровня»), гостиницы, которые начинают конкурировать с европейскими.

Следующим образом автор объясняет своё желание написать книгу «Артистическое турне вглубь России»: «Неоднократно посещая в качестве музыканта многие уголки России, я задался целью описать свою одиссею, происходившую в местах, с которыми мало знакомы сами жители этой страны и которые совсем не знают иностранцы. <...> главной целью данных записок было моё искреннее желание поделиться своими спонтанными впечатлениями об этой стране с большим будущим, которая, несмотря на все свои недостатки, обладает огромной жизненной силой, неисчерпаемыми природными богатствами и умным, добрым и гостеприимным народом» [7, р. 12].

Книга Портена посвящена его большой гастрольной поездке по городам России, и рассказ о пребывании в Крыму занимает в ней немного места. Автор далёк от научных рассуждений, не стремится к подробному описанию памятников старины, которыми изобилует Крымский полуостров (что вообще-то обычно для путешествовавших по Крыму). Между тем Портен обладает хорошим слогом, пишет легко. Натура тонкая, артистическая, он художественно воспеваает природу и необычность крымских городов, ему интересны люди, новые знакомства. Оказавшись в новом месте, схватывает самое существенное и таким образом даёт читателю представление о нём. Наш автор любит Россию, он призывает своих коллег по искусству и вообще всех-всех раскрыть эту огромную страну для себя, изучить её и понять.

Маршрут путешествия и подготовка к нему

В турне маэстро сопровождали жена (певица) и аккомпаниатор (пианист).

Ехали по маршруту: Санкт-Петербург – Нижний Новгород – Казань – Симбирск – Самара – Саратов – Царицын – Новочеркасск – Ростов – Таганрог – Керчь – Феодосия – Ялта – Ливадия – Ореанда – Алупка – Симферополь – Бахчисарай (с посещением Успенского монастыря и Чуфут-Кале) – вновь Симферополь – Севастополь (с посещением Херсонеса) – Евпатория – Одесса – Екатеринослав – Киев – возвращение в Санкт-Петербург.

Дорога была долгой, зачастую утомительной и далеко не всегда комфортной. Ехали на поездах, шли на пароходах (по Волге, Дону, Азовскому и Чёрному морям), тряслись в экипажах и даже как-то в Крыму в «почтовой телеге без рессор».

К предстоящей поездке нужно было тщательно подготовиться. «Благодаря любезности графини А., одной из самых влиятельных столичных особ» [7, р. 14], Портен обзавёлся рекомендательными письмами к губернаторам тех провинций, через которые пролегал маршрут путешествия. Не без труда нашёл он аккомпаниатора: «Мои дерзкие планы уже готовы были рухнуть, – пишет он, – когда один русский пианист, господин Е., выпускник Лейпцигской консерватории и адъюнкт консерватории Санкт-Петербурга, согласился на участие в этом авантюрном проекте» [7, р. 14].

Портен сетует на «недостаточное развитие местной прессы», которая заранее могла бы представить публике хвалебные отзывы о предстоящих гастролях артистов. Тот, «кто не имеет счастья быть известным в далёком крае, вынужден сам добывать себе популярность, и, что ещё тяжелее, снова и снова завоевывать её в каждом из посещаемых им городов»; особенно плохо то, что «непрофессионализм так называемых бродячих артистов подрывает доверие к истинным музыкантам» [7, р. 15, 16]. Впрочем, Портен зря заранее беспокоился: его концерты сопровождались аншлагами.

Гастроли и поездки по Крыму

О желании посетить Крым Арвед Владимирович пишет во введении к книге: «Я давно вынашивал идею поездки на юг России, главным образом, в Крым – край, о котором так много говорят. <...> моя первая поездка в Крым имела единственной целью просто увидеть этот уголок, который гордо называется “русской Италией”» [7, р. 12–13].

Но: «К сожалению, музыкант не является Крёзом (то есть богачём. – Э. П., Г. Б.), поэтому у меня была одна лишь возможность для реализации этого проекта: с помощью смычка открыть путь на землю Тавриды (иными словами: организовать гастрольный тур. – Э. П., Г. Б.)» [7, р. 13].

На полуостров маэстро и его спутники прибыли на корабле из Таганрога. В Крыму находились около месяца – в жарком июле 1868 г. Выступали с концертами – на корабле по дороге из Керчи в Феодосию, затем в Феодосии, Ялте, Симферополе, Севастополе.

Первым городом, который увидели, была Керчь. Там окунулись в «изумрудное» море.

В Феодосии капитан корабля так разрекламировал предстоящее выступление артистов, что «набралось зрителей на целых два концерта». Феодосия с её величественными остатками генуэзского прошлого понравилась. Портен предсказал будущее города как «первоклассного морского курорта» и высказал надежду, что к нему будет проведена необходимая для этого железная дорога (так и получилось уже в первой половине 1890-х гг.).

Ялта предстала пред путниками «маленьким райским уголком» под защитой мощной горной гряды. Там также благодаря капитану корабля на концерты приходили толпы любителей классической музыки.

В Ливадии, Ореанде и Алупке, по мнению Портена, «природа сказала своё последнее слово». В Ливадии и Алупке восхитили дворцы – Императорский и Воронцовский.

Симферополь разочаровал. Добираясь до него, почти сутки тряслись в почтовой телеге по страшной жаре и глотая пыль. В городе не нашлось приличной гостиницы. Но приятным оказалось гостеприимство губернатора Таврической губернии Григория Васильевича Жуковского, а концерты, данные в Дворянском собрании, прошли успешно.

В Бахчисарае осмотрели Ханский дворец, в нём же переночевали. Прогулялись к Успенскому монастырю (откуда ещё издали услышали прекрасную музыку и пение) и к «пещерному городу» Чуфут-Кале.

«Разорённым городом» («повсюду одни лишь руины») выглядел Севастополь. Что не удивляет: таким же в то время видели его и другие путешественники. Город долго и трудно восстанавливался после Крымской войны и через три десятилетия после неё всё ещё пребывал в руинах. И даже на территории Херсонесского городища были видны следы пребывания там французской армии: «траншеи, склеп с человеческими останками», надписи на французском языке...

Вновь в Крыму

Память о Крыме оказалась так сильна, что Портен решил ещё раз побывать там, посетить ранее виденные места и познакомиться с новыми. Вторая поездка состоялась через три года после первой – в 1871 г. Она тоже была гастрольной. В ней маэстро сопровождал всё тот же аккомпаниатор – «господин Е...». Свои новые впечатления Портен включил в текст книги, к тому времени ещё неопубликованной.

На сей раз шли по морю из Одессы, так что первая остановка была в Севастополе. Город показался более оживлённым, чем раньше, на бульваре появился павильон с танцевальным залом – в нём прошёл концерт наших музыкантов.

Затем в экипаже проехали по необыкновенным по красоте долинам – Балаклавской и Байдарской – и прибыли в уже знакомую Ялту.

Последним местом пребывания стала Евпатория, впечатление от которой оказалось самым неблагоприятным. «Довольно скучная деревня», – констатирует Портен. Впрочем, концерт прошёл, как всегда, успешно: «Зал был набит до такой степени, что под его открытыми окнами собралась целая толпа любителей музыки».

Из Евпатории, погрузившись на пароход, путники отбыли в Одессу.

Рассуждения автора

Заключение к книге – рассуждения автора о России и её людях. Портен отметил, что за годы, прошедшие со времени его большого турне (1868-го года),

многое изменилось. Благодаря тому, что появились железные дороги, русские музыканты смогли чаще организовывать гастрольные поездки по стране. Маэстро надеется, что со временем в России появятся и зарубежные музыканты. Портен не сомневается в том, что иностранцы поймут и оценят Россию, ведь она уверенно идёт навстречу прогрессу и цивилизации. А пребывание в Крыму привело его к уверенности в том, что там путник найдёт всё то привлекательное, что разбросано по разным мировым курортам.

Записки Арведа Владимировича Портена дополняют наши знания о культуре Крыма второй половины XIX столетия, где выступали многие артисты, в том числе с мировым именем, звучала музыка великих композиторов, где была многочисленная и благодарная публика. Перед нами ещё одно видение Крыма, взгляд на полуостров человека искусства, музыканта.

АРВЕД ПОРТЕН

АРТИСТИЧЕСКОЕ ТУРНЕ В ГЛУБЬ РОССИИ¹

Введение

[12] Неоднократно посещая в качестве музыканта многие уголки России, я задался целью описать свою одиссею, происходившую в местах, с которыми мало знакомы сами жители этой страны и которые совсем не знают иностранцы. Ободрённый отзывами друзей, которым я рассказывал об особо запомнившихся эпизодах моих гастролей по России, я решил опубликовать свои воспоминания и заранее прошу извинить меня за несовершенство слога. Ведь главной целью данных записок было моё искреннее желание поделиться своими спонтанными впечатлениями об этой стране с большим будущим, которая, несмотря на все свои недостатки, обладает огромной жизненной силой, неисчерпаемыми природными богатствами и умным, добрым и гостеприимным народом, с особой теплотой относящимся к музыкантам <...>.

Будучи выходцем с Севера и жителем Санкт-Петербурга, я давно вынашивал идею поездки на Юг России, главным образом, в Крым – край, о котором так много говорят с тех пор, как Её Императорское Величество стала регулярно проводить там летний отдых². Поэтому должен признаться в том, что моя первая поездка в Крым

---

¹Впервые опубликовано: Poorten Arved. Tournée artistique dans l'intérieur e la Russie. Bruxelles: G. Muquardt, ed. H. Merbach, 1873. 141 p.

Перевод с французского Г. И. Беднарчика; комментарии Э. Б. Петровой. Имеющиеся в данной публикации разделы выделены и озаглавлены авторами статьи. Цифры в квадратных скобках – номера страниц в оригинальном издании.

²Императрица Мария Александровна (1824–1880), супруга императора Александра II, много времени проводила в Крыму, в Ливадии – летней царской резиденции, в 1860 г. приобретённой для царской семьи Департаментом Уделов Министерства Императорского Двора. Александр II подарил имение супруге, по состоянию здоровья нуждавшейся в тёплом, сухом крымском климате.

имела единственной целью просто увидеть [13] этот уголок, который гордо называется «русской Италией».

К сожалению, музыкант не является Крёзом¹, поэтому у меня имелась лишь одна возможность для реализации этого проекта: с помощью смычка открыть путь на землю Тавриды, которую Глюк обессмертил в своей «Ифигении»².

Тогда, в 1868 году, ещё не существовало железной дороги, связывавшей Санкт-Петербург с Одессой, поэтому, дабы избежать утомительного путешествия на перекладных, я предпочёл, хотя и более длинный, но всё же более удобный путь на пароходе. Мне предстояло проплыть по Волге – российскому Рейну; затем по Дону – в страну казаков; спуститься к Таганрогу – порту на Азовском море; и уже оттуда достичь Крыма.

Подготовка к вояжу

Но возникло одно препятствие. Ещё до начала поездки, не будучи уверенным в том, что в российских городах, которые будут на моём пути, найдутся пианисты, способные аккомпанировать мне во время выступлений, я был вынужден обежать весь Санкт-Петербург в поисках пианиста-аккомпаниатора на всё время гастролей.

Вот тогда-то ваш покорный слуга по-настоящему ощутил то, насколько [14] сильно мы, инструменталисты, зависим от этих господ, в полной мере

---

¹Крёз (562–546 гг. до н. э.), правитель Лидийского царства, что в западной части Малой Азии. В течение довольно длительного времени Лидия была богатым государством, в VII–VI вв. до н. э. превратилась в одну из значительных сил на международной арене. Наивысшего расцвета достигла при Крёзе, славившимся своими несметными богатствами.

²Опера «Ифигения в Тавриде» австрийского композитора Кристофа Виллибальда фон Глюка (1714–1787) впервые была поставлена в Королевской академии музыки в Париже в 1779 г. В основе сюжета – трагедия «Ифигения в Тавриде» (414–413 гг. до н. э.) афинского драматурга Еврипида (485/4 – 406 гг. до н. э.).

По мифу, Ифигения, дочь микенского царя Агамемнона, предводителя греков-ахейцев в походе на Трою, тайно перенесена богиней Артемидой в далёкую Таврику, где Ифигении предстояло стать жрицей в святилище Артемиды, принадлежавшем дикому племени тавров, древнейших жителей Горного Крыма, и исполнять их кровавый обряд: приносить в жертву богине чужеземцев, оказавшихся у крымских берегов.

В драме Еврипида рассказывается, как Орест, младший брат Ифигении, и его друг Пилад по велению бога Аполлона прибывают в Таврику, чтобы привезти в Афины из таврского святилища статую Артемиды и таким образом избавиться от преследования богинь мщения эриний. Другим предстояло стать жертвами страшного обычая дикого племени. Но Ифигения спасла брата и его друга, помогла им раздобыть статую богини.

Опираясь на свидетельства античных авторов, храм Артемиды безуспешно искали путешественники и учёные XIX и XX вв. В «Географии» Страбона (60-е гг. I в. до н. э. – ок. 23/4 г. н. э.) говорится о храме херсонесской богини Девы (*греч.* Парфенос, Партенос) на мысе Парфений (Парфенион, Партений, Партенион), то есть Девичьем мысе (Страбон. VII. 4. 2). С ним чаще всего отождествляют мыс Фиолент (ныне территория Балаклавского района г. Севастополя). Если святилище Артемиды и существовало, то оно могло принадлежать древнегреческому государству Херсонесу Таврическому, но не таврам. Неслучайно Еврипид описывает храм как греческую постройку, посвящённую Артемиде-Деве – богине древнегреческой, главной богине-покровительницы Херсонеса.

пользующихся тем, что далеко не всегда музыкант-инструменталист может обеспечить себе оркестровое сопровождение. Мои дерзкие планы уже готовы были рухнуть, когда один русский пианист, господин Е., выпускник Лейпцигской консерватории и адъюнкт консерватории Санкт-Петербурга, согласился на участие в этом авантюрном проекте. <...>

Вскоре, благодаря любезности графини А., одной из самых влиятельных столичных особ, я обзавёлся рекомендательными письмами ко всем губернаторам провинций, через которые пролегал наш маршрут. Эти письма должны были обеспечивать нам покровительство местных властей и достойный приём. Далее по ходу моего повествования станет очевидным, насколько важным было наличие рекомендательных писем, учитывая тот факт, что ни моё имя, ни имена моих куда более знаменитых собратьев-музыкантов не были известны в тех местах, где мы гастролировали.

[15] Недостаточное развитие местной прессы становится для концертирующего музыканта причиной постоянных проблем. <...> Тот, кто не имеет счастья быть известным в этом далёком крае, вынужден сам добывать себе популярность, и, что ещё тяжелее, снова и снова завоёвывать её в каждом из посещаемых им городов. Ведь при почти полном отсутствии местной прессы он не может рассчитывать на то, что хвалебные отзывы о его выступлении в каком-либо населённом пункте будут опережать нашего героя по ходу его гастрольного турне. <...> Сколько раз мы слышали о том, как провинциальные любители музыки попадались на удочку непрофессионализма так называемых бродячих артистов, подрывающих доверие [16] к истинным музыкантам, вынужденным дорого платить за обман, оставленный им в наследство этими мошенниками.

А теперь вернёмся к нашему рассказу.

[17] Итак, в конце апреля 1868 года я, мой пианист, господин Е., и моя жена, обладающая чудесным голосом и согласившаяся сопровождать меня в этой поездке, сели в поезд и покинули Санкт-Петербург. <...>

По дороге в «русскую Италию»

[91] После двух месяцев кочевой жизни с её хорошими и плохими сторонами мы, наконец-то, приблизились к основной цели нашей одиссеи – вожделенному Крыму. Поднявшись на борт одного из прекраснейших пароходов Черноморской торговой компании, ваши покорные слуги ощутили, как освободились от какого-то тяжёлого бремени. Следуя лозунгу «Свободные, бодрые и весёлые», мы с наслаждением приготовились вдыхать свежий черноморский бриз и [92] наслаждаться чудесными видами Южного берега Крыма, о которых нам столько рассказывали.

Если сервис на пароходах, ходящих по Дону, можно оценить как хороший, а по Волге – как отличный, то уровень обслуживания пассажиров на линии Таганрог – Одесса выше всяческих похвал. Каюты, большие, хорошо проветриваемые и оборудованные всем необходимым, сверкают чистотой. Самое просторное помещение на судне, отведённое под столовую и под салон, обширнее и роскошнее,

чем на многих европейских пароходах. Там в наличии и обязательный для подобного уровня сервиса концертный рояль. Цена прямого билета из Таганрога в Одессу, включая превосходное обильное питание, около 40 рублей (160 франков). Утром на выбор предлагают кофе, чай или какао; в 11 часов дня нам подают обед из четырёх блюд; в 5 часов мы вкушаем дивный ужин, сопровождаемый прекрасным крымским вином; а в 8 часов вечера – всеобщий чай. Официанты облачены в элегантные ливреи и носят белые перчатки.

Все пароходы этой линии красивы, выглядят очень солидно. Ими командуют исключительно офицеры [93] высшего ранга, конкурирующие друг с другом в учтивости и любезности.

Иностранный обыватель, полный предрассудков и знающий Россию лишь в качестве «страны медведей», будет очень удивлён, встретив там подобные удобства и обслуживание высочайшего уровня, так редко наблюдаемые в Европе.

Стояла прекрасная погода. Чёрное море, без всякого сомнения, одно из лучших в мире, предоставило нам возможность в комфортной обстановке наслаждаться всеми его красотами. Покинув таганрогский рейд часа в три пополудни, нам потребовалось немало времени, прежде чем мы оказались в Чёрном море, так как его конкурент в виде Азовского моря не торопился выпускать нас из своих объятий, заставляя делать остановки в портах Бердянска, Мариуполя и Ейска. <...> После 24-часового плавания, наконец, достигли Еникальского пролива, связывающего [94] Азовское и Чёрное моря.

«Очаровательный городок» Керчь

И вот уже перед нами очаровательный городок Керчь – наша первая остановка в Тавриде. Вскоре мы явно замечаем, что покинули Азовское море: <...> вода за бортом резко изменила свои характеристики – песочный цвет Азовского моря сменился на хрустально прозрачный изумрудный оттенок Чёрного моря.

К 6 часам вечера оказываемся в Керченском порту. Решив остановиться в этом городе, сходим на берег. Однако вскоре убеждаемся, что момент для выступлений там выбран неудачно. Кстати, таковым было и мнение любезного капитана нашего парохода, он всеми силами пытался убедить нас продолжить путь до Феодосии, где в это время, в отличие от малолюдной Керчи, много отдыхающих. Мы решаем вернуться на корабль, стоянка которого в Керченском порту длилась всю ночь.

Керчь, несмотря на скоротечность пребывания в ней, [95] произвела на нас приятное впечатление. Жаль, что не удалось посетить начавшиеся там работы по возведению фортификационных сооружений, которые ведутся под руководством знаменитого генерала Тотлебена¹. Обнаружив вблизи керченской набережной

---

¹Граф Эдуард Иванович Тотлебен (1818–1884), военный инженер, генерал-майор (1855), инженер-генерал (1869), один из руководителей обороны Севастополя в годы Крымской войны.

Для контроля над судами, входившими в Керченский пролив, императором Александром II в 1856 г. было принято решение о возведении оборонительных сооружений в районе г. Керчи. Строительство началось уже в следующем году и продолжалось два десятилетия. Особая роль в них принадлежала Э. И. Тотлебену. Были проделаны технически очень сложные работы, потрачены

купальни, мы решили воспользоваться ими. Несмотря на поздний час – около 9 часов вечера, нас поразила прозрачность морской воды, а на следующий день, когда, бросив взгляд с борта судна на плещущее под нами море, мы чётко рассмотрели растущие на дне водоросли, нашему удивлению не было предела.

Сразу же возник вопрос: почему такое прозрачное море называют «Чёрным»? Возможно, издалека цвет его волны и похож на тёмный, но вблизи он явно изумрудный, а когда это море бурлит и волнуется, его цвет приобретает самые удивительные оттенки, схожие с цветами радуги. Становится понятным, почему такой великий художник, как наш Айвазовский, именно в этом море черпал вдохновение для написания своих шедевров¹.

Плавание из Керчи в Феодосию оставило в нашей памяти неизгладимые воспоминания, их можно сравнить лишь с поэтическими впечатлениями от ночи, однажды проведённой в казацкой степи. [96] По мере приближения сумерек всё огромное водное пространство вокруг нас накрывает глубокая таинственная тишина. Прекрасный лунный свет отражается на морской поверхности, подчёркивая её великолепие. Ничто не может потревожить поэзию данной минуты, кроме шума паровозных колёс, оставляющих далеко позади себя серебристый след.

Опьянённые этим зрелищем пассажиры судна, многие из которых посещали наши концерты в Таганроге, убедительно просят нас объединить в одно целое поэзию моря и музыки. Будучи под глубоким впечатлением волшебства этой ночи, мы с радостью соглашаемся удовлетворить их желание. В то время как взволнованная аудитория внимала звучащей музыке, величественное море катило волны, сопровождая безмятежный ход нашего выступления. По окончании концерта всех присутствующих объединило какое-то единое чувство искренней братской сердечности.

Ночь прошла, как во сне, в непринуждённых беседах под хрустальный звон бокалов шампанского. Луна, наконец, зашла, и мы разошлись по каютам, где, слегка убаюкиваемые морской волной, вскоре уснули в надежде на то, что в наших снах повторится эта прекрасная и, увы, скоротечная ночь!

Такая «симпатичная» Феодосия

[97] После двухдневного плавания мы достигли Феодосии, некогда процветавшей во времена генуэзского владычества². Сегодня многочисленные древние руины и тысяча воспоминаний на каждом шагу напоминают о бывших хозяевах города. По мере приближения к Феодосии меняются очертания морского

огромные средства. Крепость «Керчь» расположилась на Павловском и Ак-Бурунском мысах и прилегающих к ним землях. Главное укрепление получило название «Форт Тотлебен». Крепость «Керчь» ныне входит в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

¹ Иван Константинович Айвазовский (1817–1900), всемирно известный художник-маринист, академик Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. Родился, прожил большую часть жизни и умер в г. Феодосии. Там находится Картинная галерея его имени, открытая в 1880 г. в здании, построенном у моря по проекту самого Ивана Константиновича.

²Генуэзский период в истории Феодосии-Каффы: 70-е гг. XIII в. – 1475 г.

берега, появляются скалы причудливой формы, и все это готовит туриста к тому, что совсем скоро он сможет любоваться уникальной панорамой города. [98] У любезного капитана нашего парохода, господина С., в этом городе много друзей, и в качестве благодарности за «дивный вечер, организованный нами на борту корабля», он во время стоянки в Феодосийском порту активно рекламировал предстоящее концертное выступление. В результате набралось зрителей на целых два концерта. Космополитическая публика, состоящая, в основном, из отдыхающих, приняла нас очень тепло.

Феодосия – совсем небольшой городок с ограниченным числом жителей. Там нет чиновников высшего ранга. Между тем среди его обитателей есть звезда мирового уровня – я имею в виду великого художника Айвазовского. Господин Айвазовский живёт в прекрасной вилле¹. Можно смело сказать, что он играет в жизни города первостепенную роль. Иностранцы и горожане полагают за честь быть представленными этому человеку. Именно при виде чудесного величественного Чёрного моря однажды и раскрылось дарование простого армянского парнишки, [99] восславившего Россию.

Население Феодосии составляют армяне, греки и особенно татары, сосредоточившие в своих руках всю местную торговлю. Также здесь проживают караимы – полумагометанская, полуиудейская группа населения, по своему типу схожая с татарами. Татары относятся к караимам с неприязнью в связи с иудейской направленностью их религии. Городок, хоть и маленький, но довольно симпатичный. Он окружён красивыми местами, привлекающими туристов. На протянувшемся вдоль берега моря бульваре каждый вечер играет оркестр. Небольшая в форме подковы пляжная территория оснащена комфортабельными оздоровительными купальнями.

Феодосия имеет все предпосылки для того, чтобы стать первоклассным морским курортом типа российского Остенде². Если однажды в город будет проведена [100] ветка железной дороги, которая сегодня строится между Севастополем и Санкт-Петербургом, возможно, моё предсказание и сбудется³.

После приятного и в то же время довольно прибыльного для нас недельного пребывания в Феодосии, наконец-то настал долгожданный момент, когда мы сможем посетить чудо из чудес Крыма – маленький райский уголок под названием Ялта.

---

¹ См. прим. 8. Иван Константинович Айвазовский построил дом к началу 50-х гг. XIX в., образцом для него послужили итальянские загородные виллы эпохи Возрождения. К дому примыкает здание Картинной галереи, открытие которой состоялось 17 (29) июля 1880 г., в день рождения художника.

² Остенде – город-курорт в Бельгии (в провинции Западная Фландрия), на берегу Северного моря.

³ Железная дорога из Петербурга до Севастополя появилась в самом начале 1875 г. Путешествие было долгим, с пересадками. В 1892 г. открыли Джанкой-Феодосийскую линию Лозово-Севастопольской железной дороги; с этого времени доехать до Феодосии на поезде можно было из Джанкоя.

«Райский уголок» Ялта

Отплыв из Феодосии в 5 часов вечера, ровно через двенадцать часов мы сошли на берег Ялты. Этот милый городок расположен посреди самой очаровательной долины, какую только можно себе представить. С юга Ялта омывается морем, с севера её защищает мощная горная гряда. В момент нашего прибытия горы покрывал густой туман, который не могло развеять едва взошедшее над горизонтом солнце.

На такой же грациозной, как и весь городок, набережной, окаймлённой очаровательными строениями, мы быстро нашли жильё, хотя надо признать, что из-за большого числа отдыхающих арендная плата в Ялте явно завышена. Наш славный капитан, очень много сделавший для нас в Феодосии, так красочно описал ялтинской публике наш ночной концерт на корабле, [101] что ваших покорных слуг, как только они прибыли в этот город, ожидала целая толпа поклонников.

Находясь под впечатлением окружающих красот, мы поспешили насладиться всеми божественными дарами природы и отправились на экскурсию по живописным окрестностям Ялты.

В Ялте, по примеру фешенебельных европейских курортов, в избытке элегантные коляски и небольшие татарские лошадки с гидами, предлагающими свои услуги всем желающим совершить увлекательнейшие прогулки по этому райскому уголку земли. Я просто не в состоянии описать все прелести, созданные природой в этом удивительном крае. Нужно родиться поэтом, чтобы суметь достойно выразить словами всё то великолепие, что открылось нашему взору.

Ливадия, Ореанда и Алупка

Проехав три версты от Ялты, мы оказываемся в Ливадии, летней резиденции Её Императорского Величества¹, в отсутствие которой нам дозволено осмотреть это место. Красивая лента дороги, идущая вдоль берега моря, с обеих сторон окружённая молодой зеленью виноградников и [102] очаровательными виллами, по мягкому незаметному подъёму неожиданно подводит нас к высоко расположенной точке обзора, откуда открывается изумительная панорама с видом на Ливадию. Очарованные этими щедротами природы, как по волшебству разворачивающимися перед глазами, мы так и не можем определить, чем же нам восхищаться в первую очередь: красивым дворцом², величественным морем, высокими горами, защищающими Ливадию от северных ветров, или скалами, буйная растительность которых может соперничать с зелёным нарядом юга Италии.

Продолжая экскурсию, поднимаясь по дороге всё выше и выше, мы вдруг оказываемся среди живописных тропинок, обсаженных кипарисом и миндалем. Это

---

¹ См. прим. 4.

² В Ливадийском царском имении было два дворца: Большой Императорский – дворец Марии Александровны, супруги Александра II, и Малый – дворец, построенный для Александра III в бытность его наследником престола.

территория Ореанды, прекрасной резиденции Великого князя Константина¹. Она расположена выше Ливадии. Здесь на каждом шагу очарование соревнуется с грандиозностью; каждая лощина меняет детали окружающей нас картины, а вечно прекрасное море выполняет роль величественно-романтической рамки этого захватывающего воображение полотна.

Едем дальше, так как мы ещё не достигли конечного пункта прогулки по этому уголку с его садами, скалами и [103] плодородной землёй. После семи вёрст пути добираемся до самой южной точки крымского побережья – Алупки, имения князя Воронцова или, точнее, волшебного дворца из «Тысячи и одной ночи»².

Кажется, все сокровища природы и искусства объединились там для создания поистине сказочного «замка фей». Дворец, настоящая жемчужина архитектуры, высится посреди парка, утопающего в невообразимой зелени. Море, особенно дерзкое в этом месте, ни на секунду не исчезает из нашего поля зрения, предоставляя возможность бесконечно любоваться его огромными просторами. Можно сказать, что оно бросает вызов своим соперникам – гигантским скалам, защищающим это гнёздышко.

[104] На следующий день после этой чудесной экскурсии мы посетили ещё несколько довольно приятных мест, явно уступающих по красоте этой тройке: Ливадия – Ореанда – Алупка, где природа сказала своё последнее слово. Не будем много разглагольствовать, добавим только, что иностранец, проводя долгое время в Ялте, буквально каждый день может открывать что-то новое для себя, а покинув сей благословенный край, непременно захочет поскорее туда вернуться.

---

¹Ореанду (у Портена – Орианда) Александр I приобрёл у графа Александра Григорьевича Куселева-Безбородко в 1825 г. В том же году имение перешло к Николаю I, и тот подарил его своей супруге Александре Фёдоровне. В 1843–1852 гг. там возвели роскошный дворец. В имении были парк, фруктовый сад, виноградники. Новым хозяином имения после смерти Александры Фёдоровны в 1860 г. становится великий князь Константин Николаевич, сын Николая I и Александры Фёдоровны. Дворец до нашего времени не сохранился, он сгорел в августе 1881 г. во время пожара и не был восстановлен.

²Имение в Алупке приобретено генерал-губернатором Новороссийского края графом Михаилом Семёновичем Воронцовым (1782–1856) у генерал-майора Феодосия Дмитриевича Ревелиоти в начале 1820-х гг. С 1828 по 1848 г. там строился дворец по проекту английского архитектора Эдуарда Блора; на месте идеи Блора осуществлялись его учеником Вильямом Гунтом. Внутренние интерьеры выполнялись под руководством краснодеревщика Чарльза Вильямса. Роскошный парк создавался усилиями Карла Кебаха. Парк делится на Верхний (с Большим и Малым хаосами – нагромождением каменных глыб) и Нижний (он террасами спускается к морю). Дворцовый комплекс включает пять связанных между собой корпусов – главного, столового, шуваловского (гостевого), библиотечного и хозяйственного. На парадный двор выходит северный фасад главного корпуса дворца, он фланкирован двумя башнями – в духе замков западноевропейского средневековья. Южный фасад обращён к морю и решён в восточном стиле. Великолепны большой зал парадной столовой, голубая гостиная, китайский кабинет, зимний сад, уютны внутренние дворы.

После смерти М. С. Воронцова имение в Алупке перешло к его сыну – князю Семёну Михайловичу Воронцову (1823–1882); после – к внуку М. С. Воронцова – графу Павлу Андреевичу Шувалову (1844 (1846) – 1885); в 1904 г. хозяйкой имения становится сестра Павла Андреевича – графиня Елизавета Андреевна Шувалова (1845 – 1923 (1924)).

Ныне это Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник.

Во время продолжительного и дорогостоящего пребывания в этом городе нам, естественно, пришлось сменить лёгкую туристическую одежду на концертный костюм. Наше выступление состоялось в довольно узком клубном зале, битком набитым восторженными любителями классической музыки.

[105] Перед тем как попрощаться с этим райским уголком, я должен предупредить читателя об одном неудобстве во время купания у берегов Ялты. Дело в том, что морское дно там усеяно очень острыми маленькими камешками, поэтому отдыхающему перед заходом в воду обязательно следует надевать сандалии.

Столица Крыма – Симферополь

[107] Наш следующий пункт назначения – столица Крыма, город Симферополь. Ни паром, ни поезд, ни даже тарантас туда не ходят. Чтобы добраться до Симферополя, нам пришлось сесть в простую почтовую телегу без рессор, больше подходящую для перевозки грузов, нежели людей! Данное средство передвижения, с которым мы познакомились впервые, стало бы для нас абсолютно невыносимым, если бы не живописная дорога, которая [108] временами помогала забывать о болезненных ощущениях в разных частях тела, вызываемых ужасной дорожной тряской. Но, увы, за сорок вёрст до Симферополя мы оказались лишены и этого небольшого утешения: внезапно появившийся пейзаж стал мрачным и бесплодным, горы, растительность и море уступили место голой песчаной земле.

После подобного путешествия или, вернее сказать, после непрерывной 20-часовой тряски в условиях тропической жары и удушающей пыли, которой мы вдоволь наглотались, казалось, нам бы ринуться в любой первый попавшийся постоялый двор. Но нет, даже падая с ног от усталости, страдая от ослепляющей жары, я так и не смог заставить себя перешагнуть через порог отвратительного номера, предложенного в гостинице. Потребовался целый час, чтобы привести комнату в надлежащий вид. Что касается моего коллеги, то, изнемогая от усталости, он просто рухнул, как куль, на подобие кровати, кишасей паразитами. В отчаяние не впала только моя жена, нашедшая в себе силы разглядеть во всём этом ужасе комическую составляющую.

[109] На другой день, во время первого выхода в город, мы убедились в том, что мрачный финал вчерашней поездки служил лишь достойной прелюдией к печальному виду, который представляла собой столица Крыма. Обычно мало оживлённый город выглядел ещё более пустынным из-за полного отсутствия местного общества, которое в это время года отдыхает на морском побережье.

Без сомнения, Симферополь ещё очень далёк от того, чтобы соответствовать званию столицы такого восхитительного края. Единственный зелёный уголок там – Городской сад, в котором, слава Богу, отсутствует беседка для музыкальных выступлений¹.

---

¹ В 1820 г. таврический гражданский губернатор Александр Николаевич Баранов отдал распоряжение об устройстве общественных садов в городах Крыма – Симферополе, Севастополе, Феодосии. Городской сад разбили в центре Симферополя, на левом берегу реки Салгир. Ныне – Екатерининский сад с памятником Екатерине II.

Губернатор, почтенный старик генерал Жуковский, с большим гостеприимством, какое встретишь только в России, принял нас у себя дома¹. Несмотря на его сомнение в успехе нашего предприятия, мы всё же решились дать пробный концерт, тем более что сам генерал, заядлый меломан, выразил огромное желание послушать нас. Несмотря на июльскую жару и злополучные обстоятельства, наше выступление в зале Дворянского собрания² имело такой успех, что мы согласились дать ещё один концерт. Решительно удача улыбалась нам!

«Восточный городок» Бахчисарай

[110] В перерыве между первым и вторым концертами мы совершили экскурсию в Бахчисарай – бывшую столицу Крыма и резиденцию последнего крымского хана. Губернатор выделил свой личный семейный экипаж – что-то наподобие паланкина, в котором, сидя спиной к спине и упираясь ногами в установленную с двух сторон экипажа удлинённую подножку, помещаются от четырёх до пяти человек. После шестичасовой езды мы прибыли в Бахчисарай, и по письменному распоряжению губернатора двери Ханского дворца незамедлительно распахнулись перед нами³.

Ближе к вечеру мы решили объехать этот восточный городок. Окружавшие сумерки придавали экскурсии некий наполненный тайнами поэтический оттенок. Улицы, ведущие к дворцу, были настолько узкими, что едва позволяли паланкину, запряжённому четырьмя лошадьми, продвигаться по ним. Татары с восточными загорелыми лицами и пронзительными взглядами, сидя на корточках и покуривая [111] длинные трубки, взирали на нас с высоты своих балконов. Мы не могли понять смысла их речи. Эти люди, готовые броситься на чужаков, осмелившихся

---

¹ Григорий Васильевич Жуковский (1800–1880), генерал-лейтенант, Таврический гражданский губернатор в 1856–1871 гг. Двухэтажный губернаторский дом построен в центре Симферополя (напротив Городского сада) в 1835 г. Он довольно прост, но выделялся на фоне других, ещё более простых городских построек. Здание оказалось прочным и сохранилось до нашего времени.

² Здание Дворянского собрания построено в центре Симферополя в 1848–1852 гг. по проекту таврического губернского архитектора Константина Ивановича Гоняева. Здание сохранилось до нашего времени.

³ Архитектурный комплекс резиденции правителей Крымского ханства – Бахчисарайский дворец – начал формироваться в 30-х гг. XVI в. при хане Сахиб Гирее I (годы правления – 1532–1551). Он возводился на протяжении длительного времени, претерпел множество ремонтов и реконструкций, так что его первоначальный облик заметно изменился. Наиболее значительные перестройки связаны с разрушениями, нанесёнными пожаром в 1736 г. Реконструкция дворца была проведена при хане Селямет Гирее II (годы правления – 1740–1743).

Комплекс Ханского дворца включает: въездные ворота, сторожевую надвратную башню, ворота в Посольский дворик, Главный дворцовый корпус (с порталом – Демир-Капу; Залом Дивана – совета и суда; покоями хана), Фонтанный дворик (с Золотым фонтаном и Фонтаном слёз), Малую дворцовую мечеть, Летнюю беседку (с Золотым кабинетом на втором этаже), Гаремный корпус, Соколиную башню, Большую ханскую мечеть (Биюк Хан-Джами), ханское кладбище, конюшенный корпус, библиотечный корпус, мавзолеем Диляры-бикеч, баню Сары-Гюзель. Ныне Ханский дворец – часть Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

потревожить их покой, сурово поглядывали на нас, будто на хищников в клетке. Кажется, они явно сожалеют о тех далёких временах, когда подобного рода святотатство было бы строго наказано.

Вернувшись в роскошный дворец, как к себе домой, мы гордо возлегли на покрытые парчой оттоманки, принимая себя за самого хана, когда нашу нирвану внезапно прервали дикие крики, раздавшиеся со стороны улицы. Подумав о пожаре, мы выбежали наружу.

Излишняя предосторожность! Весь этот шум создают служители магометанской религии, которые, бегая по городу, «скромно» созывают верующих на вечернюю молитву. Допущенные в мечеть, мы присутствуем при таинстве поклонения Полумесяцу.

Хорошо выспавшись на ханских ложах, только утром, проснувшись, мы ощутили присутствие клопов – вечных спутников Востока. [112] Это очаровательное насекомое умудрилось обосноваться даже в царском дворце и, в отсутствие одалисок¹, со сладострастием набросилось на тела несчастных музыкантов.

Построенный в восточном стиле дворец с крышей, украшенной большим количеством башенок, со стороны улицы представляет собой одну сплошную непроницаемую стену. Все его узкие зарешёченные окна выходят на большой красивый двор, мощённый каменными плитами и обсаженный по всей окружности тополями.

Становится грустно при виде пустынного парка, окружающего дворец и его хозяйственные постройки. Именно там находится сохранившийся до наших дней гарем. А вот и прелестный садик с фонтаном, где полуодетые прекрасные наложницы проводили часть времени, всем своим видом стараясь очаровать хозяина, который в тот момент, спрятавшись в небольшом потаённом уголке, наблюдал за разворачивавшимся перед его глазами волнующим спектаклем.

Увы! Мы прибыли туда слишком поздно! Уже давно нет тех соблазнительных одалисок! Вместо них перед нами – одна лишь печаль и однообразие заброшенного цветника.

В небольшом углублении первого этажа дворца установлен знаменитый печальный так называемый [113] Фонтан слёз. Легенда гласит, что вместо воды в нём текут слёзы прекрасной княжны Потоцкой, выкраденной из своей семьи и попавшей в лапы страшного хана; став пленницей дворца, она вскоре умерла от отчаяния².

---

¹ Одалиска – прислужница в ханском гареме. У Портена – наложница в гареме.

² Мраморный Фонтан слёз (Сельсебиль – «райский источник»), произведение иранского мастера Омера, появился во дворце в 1764 г. Создан он в память о рано ушедшей из жизни жены хана Крым Гирея (годы его правления – 1758–1764, 1768–1769). По легенде, к этому грозному, бессердечному хану пришла любовь к молоденькой невольнице Диляре. Когда она умерла, не выдержав жизни в гареме, Крым Гирей заказал Омелу такой фонтан, чтобы камень плакал так, как плачет его, хана, сердце. По преданию, фонтан установили у стены усыпальницы (дюрбе) Диляры-бикеч. Когда дворец готовили к приезду императрицы Екатерины II (1787 г.), его перенесли в Фонтанный дворик дворца,

После осмотра ханской резиденции, где на каждом шагу встречаются свидетельства изысканного вкуса и необузданных страстей последнего крымскотатарского Сарданапала¹, ещё несколько дополнительных часов мы уделяем прогулке по загадочным окрестностям Бахчисарая, несущим отпечаток поэтического очарования. Сидя верхом на маленьких татарских лошадаках, с любопытством смотрим на женщин, увы, полностью укутанных в фередже².

Внезапно до наших ушей доносятся величественные звуки христианского гимна в исполнении хора прекрасных мужских голосов. Не галлюцинация ли это? Перед нами высится огромная скала, и именно оттуда исходит дивная музыка. Остановившись, с благоговением прислушиваемся к чудесному пению. Присмотревшись внимательнее, замечаем [114] вырубленную в скале таинственную лестницу, ведущую в монастырь, откуда, без сомнения, и слышится эта прекрасная музыка. Поднимаемся по лестнице на головокружительную высоту и узнаём, что находимся в обители Святой Девы Марии, где в давние времена нашли приют несчастные христиане, бежавшие от языческих преследований³.

Прогулка завершилась посещением древней татарской крепости Чуфут-Кале, представляющей собою нагромождение развалин, свидетельствующих о воинственном духе диких орд и их упорном сопротивлении России⁴.

где он находится и сейчас. Говорили, что возлюбленной невольницей хана была чужеземка – христианка.

Историю, связанную с похищенной татарами полячкой Марией Потоцкой, любимой женой хана, которую из ревности убила одна из ханских жён, Александр Сергеевич Пушкин слышал от Софьи Киселёвой (урожд. Потоцкой) и Раевских (с ними поэт путешествовал по Крыму в 1820 г.). Легенда легла в основу сюжета его поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823 гг.). Посетителям дворца всё чаще стали пересказывать легенду так, как она подана у Пушкина. Её услышал в Бахчисарае и Портен.

¹ Сарданапал – имя мифического правителя Ассирийского царства, известное из сочинений античных авторов. Обитая в хорошо укрепленном и надёжно охраняемом дворце, он проводил время в праздности и удовольствиях, среди роскоши; находясь в окружении женщин (наложниц), царь и сам был женоподобным, изнеженным. Прототипами Сарданапала называли разных реально существовавших ассирийских царей (например, Ашшурбанапала, Синаххериба). Его имя стало нарицательным, иносказательно Сарданапал – любитель удовольствий, утончённой роскоши. Именно это имел в виду Портен, назвав крымского хана Сарданапалом.

² Фередже – покрывало, накидка, окутывающая голову и фигуру.

³ Свято-Успенский монастырь находится близ Бахчисарая, в балке Майрам-Дере. Он основан, по-видимому, в иконоборческую эпоху, в VIII–X вв. После переселения христиан из Крыма в Северное Приазовье (в 1778 г.) опустел. В 1850 г. там был открыт Успенский скит. В 1921 г. монастырь закрыли. Ныне он вновь действующий.

⁴ Чуфут-Кале – «пещерный город» на юго-восточной окраине Бахчисарая. Крепость возникла там, по-видимому, в VI в., принадлежала гото-аланам, федератам Византии. В середине XIV в. её захватили татары и назвали Кырк-Ор (Кырк-Ёр, Кырк-Йер). В XV в. она стала резиденцией первых крымских ханов – Хаджи Гирея, Менгли Гирея I. В конце XVI – начале XVII в. татары покидают Кырк-Ор, в нём остаются караимы и немного армян, с середины XVII в. – только караимы. Они и назвали город Чуфут-Кале – «иудейская крепость». В конце XVIII в. в городе жили ок. 1200 человек. Но уже тогда жители начали его покидать, переселяться в другие места Крыма. К началу XX в. он опустел.

Ныне «пещерный город» Чуфут-Кале входит в состав Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. На территории городища сохранились крепостные сооружения,

Ещё один концерт в Симферополе

По возвращении в Симферополь нас ожидал второй концерт. Направляясь в Дворянское собрание в 9 часов вечера, мы проезжали при удушающей жаре по пустынным улицам города и были почти уверены в том, что играть придётся при пустом зале. Нам сообщили, что продано совсем небольшое количество билетов. На душе было тяжело.

Однако в своих размышлениях мы совершенно забыли о нашем почтенном благодетеле-губернаторе. А вот и он в сопровождении многочисленной публики. Никогда ещё мы не чувствовали себя такими воодушевлёнными, как [115] на этом втором концерте, прошедшем с ещё бóльшим успехом, чем первый. После выступления нас ожидал замечательный ужин у губернатора. Этот удивительный человек вновь распорядился предоставить в наше распоряжение свой паланкин для предстоящей поездки в Севастополь, избавив своих гостей от неудобств передвижения на телеге.

Героический Севастополь и древний Херсонес

[117] Семь часов по живописной дороге, которая знакомит нас с небольшими речками Альма и Чёрная, а также с местом Инкерманского сражения¹, и вот мы уже в легендарном Севастополе. Кто не помнит всех перипетий великой драмы, разыгравшейся там в 1854 году, кто не помнит о долгой обороне этого героического города?

[118] Да будет позволено мне, гастролирующему музыканту, рассказать о впечатлениях, вынесенных от посещения этого разорённого города, который и шестнадцать лет спустя после тех печальных событий являет собой скорбную картину. Прогуливаясь по лежащим в руинах улицам, невозможно представить, что эти руины – результат бомбардировок той войны. Это больше похоже на последствия какого-то ужасного землетрясения. Руины, повсюду одни лишь руины, сквозь которые всё же проглядывает прошлое величие разрушенного города.

Будучи уверенными в том, что нам предстоит провести ночь в какой-нибудь развалюхе, мы очень удивились, когда извозчик остановился перед отелем весьма благоприятного вида. Нам объяснили, что в этом здании во время обороны Севастополя располагалась штаб-квартира знаменитого генерала Тотлебена². Это абсолютно нетронутое строение выглядит удивительным посреди развалин.

остатки жилых домов, искусственные пещеры, колодцы, мечеть, мавзолей дочери хана Тохтамышша Джанике-ханым, два караимских молельных дома.

¹ В Инкерманском сражении (24 октября (5 ноября) 1854 г.) наши войска потерпели поражение. Потери были значительными с обеих сторон. Но после этого кровопролитного сражения защитники Севастополя получили передышку, давшую им возможность усилить оборону города.

² См. прим. 7. Портен говорит о доме Эдуарда Ивановича Тотлебена на Екатерининской улице (ныне ул. Ленина; дом разрушен в годы Великой Отечественной войны, сейчас на этом месте находится Екатерининский сквер с памятником Екатерине II). Этот особняк был построен после Крымской войны, в 60-х гг. XIX в. – вот почему он выделялся на фоне руин, доставшихся Севастополю в Крымскую войну. В этом доме Тотлебен фактически не жил, так как находился в

Наш первый вопрос: «Далеко ли отсюда башня Малахова кургана?»¹. «Подойдите к окну, господа, и вы увидите её отсюда», – ответил портень. И действительно: над великолепным севастопольским портом, [119] где природа особенно постаралась, замечаем вдалеке невзрачный священный холм, на котором было пролито столько крови!

В центре Севастополя возвышается бульвар. По нему, особенно по вечерам, прогуливается публика, часто можно встретить морских офицеров с их семьями². Во всём городе только на этом бульваре растут несколько довольно чахлах деревьев. Дело в том, что почва в Севастополе очень сухая, и все улицы покрыты толстым слоем пыли, изо дня в день увеличивающимся за счёт штукатурки, которая отваливается от разрушенных стен.

Окрестности Севастополя очаровательны, хотя на них и лежит грустный отпечаток воспоминаний о кровавой эпохе.

Древний Херсонес особо соблазняет туриста своей меланхоличной поэтичностью³. Возведённый на высоком плато и горделиво возвышающийся над морем, Херсонес, где сейчас расположен процветающий монастырь, в своё время являлся территорией, на которой располагалось подразделение французской армии, оставившее многочисленные следы своего пребывания там⁴.

Петербурге и ездил во многие места, занимаясь постройкой укреплений. 14 (26) сентября 1869 г. в пяти комнатах первого этажа дома Тотлебена открыли музей Севастопольской обороны 1854–1855 гг. (в 1895 г. его коллекцию перенесли в здание, специально построенное для Музея Черноморского флота, где он и сейчас находится). Часть дома Тотлебена могли использовать и как гостиницу. А штаб-квартира Э. И. Тотлебена, по-видимому, находилась в казематах Николаевской батареи (как и другие штабы в годы обороны Севастополя).

¹ Малахов курган (выс. 97 м над у. м.) расположен в юго-западной части Корабельной стороны г. Севастополя. Название получил по имени капитана Черноморского флота Михаила Михайловича Малахова, чей дом находился у подножия кургана. В первой половине 1854 г. на кургане построили бастион 4-й дистанции оборонительной линии (позже названный Корниловским) – подковообразную двухъярусную башню (выс. 8,5 м; толщина стен нижнего яруса – 1,5 м). Противники неоднократно штурмовали Малахов курган. Там получили смертельные ранения вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов (1806–1854) и адмирал Павел Степанович Нахимов (1802–1855). Сейчас в башне Малахова кургана располагается экспозиция Музея героической обороны и освобождения Севастополя.

² Обустройство бульвара началось в 30-х гг. XIX в. Назывался он Мичманским, предназначался для флотских офицеров. (Позже его стали называть Матросским.) В годы Крымской войны бульвар сильно пострадал, к его восстановлению приступили много времени спустя. Портен видел его до восстановления.

³ Херсонес Таврический – город на территории Гераклеийского полуострова, на берегу Карантинной бухты, основанный в V в. до н. э. выходцами из древнегреческого (дорийского) города Гераклеи Понтийской (что на южном побережье Чёрного моря). Принято считать, что античный период в истории Херсонеса длился до середины VI в. н. э. В средневековый (византийский) период город назывался Херсоном (Корсунем), просуществовал он до середины XV в. н. э. Ныне его руины – основная часть Историко-археологического заповедника «Херсонес Таврический» в Севастополе.

⁴ Свято-Владимирский мужской монастырь, посвящённый великому киевскому князю Владимиру, в 988 г. принявшему христианство в Херсоне-Корсуни, вырос из киновии, основанной в 1850 г. на том месте, где находились руины античного Херсонеса (средневекового Херсона). Во время Крымской войны на территории Херсонесского городища размещались французские войска. После их ухода вся местность там была изрыта траншеями, котлованами. Киновию восстанавливали фактически заново.

Ещё сегодня можно увидеть траншеи, склеп с человеческими останками и дорогу, [120] ведущую к пороховому складу, на стенах которого можно прочесть большое количество надписей на французском языке, в том числе и такую: «Да здравствует Наполеон Третий!». Бывший император теперь может спать спокойно вечным сном, будучи уверенным в том, что его имя навсегда останется там, если только какой-нибудь турист из Франции не заменит эту надпись на другую: «Да здравствует республика!».

В качестве места для концерта выбираем довольно большое, расположенное на первом этаже гостиницы помещение, окна которого выходят на улицу. Надо признать, что тем вечером снаружи собралось много народу, однако внутри с билетами оказалось только несколько военных – они, в общем-то, и окупили наши затраты на выступление. Впрочем, мы получили удовлетворение уже от того, что дали концерт в легендарном Севастополе!

Второе пребывание в Крыму: год 1871-й.

Севастополь, Балаклава, Байдары, Ялта, Евпатория

[121] В этот город вместе с моим верным компаньоном господином Е... мы вернулись в 1871 году – настолько сильным было наше желание повторить гастрольный тур по Крыму. Севастополь стал более оживлённым, бульвар обзавёлся элегантным павильоном с танцевальным залом – в нём мы успешно провели концерт. Вот, главным образом, и все изменения, что произошли там за это время. Если я и упоминаю о второй поездке по Крыму, то делаю это исключительно из необходимости отдать дань восхищения [122] красоте одного удивительного места, которое нам не удалось посетить три года назад.

Прибыв на этот раз в Севастополь напрямую из Одессы, мы покрываем в экипаже расстояние в 65 вёрст, отделяющее Севастополь от Ялты. Проезжаем Балаклавскую долину – одну из самых восхитительных, которые встречались до этого. Во время войны там размещался лагерь английских войск¹. После Балаклавы дорога постоянно идёт вверх и почти незаметно достигает изумительной высоты.

К 11 часам вечера приезжаем на почтовую станцию и останавливаемся на ночлег. Перед восходом солнца экипаж запрягают лошадьми. Следует довольно крутой подъём, ведущий на вершину гигантских скальных нагромождений. Перед нами возникает вырубленная в скале огромная арка – Байдарские ворота². Это последнее препятствие на пути к необыкновенному сюрпризу, ожидающему туриста. Мы проехали через эти ворота, и перед нами открылся ослепительный вид на окружающую природу. Только что взошедшее солнце бросило первые лучи на

---

¹ Англичане позаботились о своём комфортном пребывании на чужой территории: построили в Балаклаве укрепления, дороги (в том числе железную дорогу), набережную, пристани, наладили телеграфную связь; там появились магазины, гостиницы.

² Байдарские ворота (Байдарский перевал, Байдар-Богаз) – горный перевал (выс. 503 м над у. м.) на южной оконечности Байдарской долины. В этом месте в 1848 г. по проекту южнобережного архитектора Карла Ивановича Эшлимана построена монументальная каменная арка – собственно ворота. Её возведение приурочили к окончанию постройки дороги, соединившей Севастополь с Ялтой.

внезапно возникшее, как по волшебству, безбрежное море. [123] У наших ног в обрамлении прекрасных мраморовидных и порфириовидных скал простиралась цветущая Байдарская долина¹. Поражённые, потеряв дар речи, мы молча взирали на восхитительную картину, созданную самим Богом.

Покинув эту единственную в своём роде точку обзора, продолжаем путь по великолепной горной дороге. Слева – горы, справа – море. Околдованные этими чарами, оставив позади Алупку, Ореанду и Ливадию, прибываем в Ялту. Жители этого края, привычные к окружающим их прелестям, однозначно отдают предпочтение Байдарской долине, по своей красоте превосходящей все другие места Крыма.

Возвращаясь к своему первоначальному повествованию, хочу настоятельно посоветовать всем путешествующим по Тавриде выбрать именно Байдарскую дорогу для передвижения по Южному берегу Крыма.

[125] Покинув Севастополь, наш пароход бросает якорь на рейде Евпатории. По причине отсутствия там порта, добираемся до берега на лодке. То, что я сейчас скажу, явно не понравится евпаторийскому исправнику, но, честно говоря, несмотря на всю красоту местных пляжей, вынужден назвать этот город довольно скучной деревней. [126] Это место абсолютно однообразно, пустынно и высушено солнцем. Евпатория, населённая в основном караимами, лишена каких бы то ни было туристических удобств, в связи с чем нам пришлось поселиться в какой-то конуре, хозяином которой оказался не внушающий никакого доверия смуглый мужчина со свирепым взглядом.

В качестве компенсации должен отметить, что наше выступление там прошло «на ура». И это благодаря доброжелательности любезного исправника, который разбил в лепёшку, но превратил помещение для судебных заседаний в концертный зал. Закатив рукава, он расставлял стулья, наклеивал на них номера, отдавал направо и налево различные указания и – предел самоотверженности – даже согласился поработать кассиром. Зал был набит до такой степени, что под его открытыми окнами собралась целая толпа любителей музыки, пришедших со своими стульями и фонарями. Бродячие торговцы установили на улице палатки с фруктами и освежающими напитками. В покупателях (наших возбуждённых меломанах) недостатка не было, учитывая [127] сенегальскую жару, царившую в тот вечер.

Пребывание в Евпатории было коротким. Воспользовавшись первым же пароходом, мы покинули прекрасный Крым и по завершении 20-часового плавания прибыли в Одессу. <...>

И в заключение

[139] После этого путешествия в России произошли большие изменения. Сегодня, благодаря головокружительной скорости, с которой там развиваются все

---

¹ Байдарская долина – обширная межгорная котловина в юго-западной части Главной Крымской гряды.

средства коммуникации, почти вся европейская часть страны покрыта огромной сетью железных дорог. Эти новые удобства способствовали тому, что я ещё неоднократно посещал милые моему сердцу края, пересекая Россию с севера на юг и с запада на восток, знакомясь [140] с новыми местами или навещая старые, где меня ждали многочисленные друзья. И повсюду, в любое время года вашему покорному слуге было уготовлено самое сердечное гостеприимство. С тех пор многие русские музыканты успешно проделали гастрольные туры по России, и недалеко то время, когда наши зарубежные коллеги заинтересуются посещением российских земель. Без сомнения, там они встретят самый горячий приём, благодарную публику, широкое поле деятельности и почувствуют, что их усилия вознаграждены, а их талант по достоинству оценён.

Перед тем, как я завершу своё скромное повествование, да будет дозволено мне подчеркнуть, насколько нынешняя Россия заслужила высокую оценку своих достижений со стороны других стран. Но разве размышления о России не должны стать более глубокими, более справедливыми, одним словом, более достоверными? Все ли соседи России правильно понимают её внутреннюю организацию, её нравы, обычаи, значение её новых учреждений? Полностью ли оценивают её огромный потенциал? А кто по-настоящему знаком с её писателями и поэтами? [141] А с музыкантами? В лучшем случае знают одного-двух, самых знаменитых.

Россия достойна всеобщего внимания. Эта большая страна идёт огромными шагами навстречу прогрессу и цивилизации. При мудром, просвещённом правлении Александра II её, без сомнения, ожидает блестящее будущее.

Список использованных источников и литературы

1. А. В. Портен (некролог) // Нива. СПб., 1901. № 16. С. 318, 320.
A. V. Porten (nekrolog) // Niva. SPb., 1901. № 16. S. 318, 320.
2. Гинзбург Л. С. История виолончельного искусства. М: Музыка, 1965. Кн. 3 (Русская классическая школа: 1860–1917). 618 с.
Ginzburg L. S. Istoriya violonchel'nogo iskusstva. M: Muzyka, 1965. Kn. 3 (Russkaya klassicheskaya shkola: 1860–1917). 618 s.
3. Портен А. Завещание музыканта. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1891. 222 с.
Porten A. Zaveshchanie muzykanta. SPb.: tip. V. Bezobrazovai K°, 1891. 222 s.
4. Портен Арвед // Энциклопедический словарь. СПб.: изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. Т. 24а. С. 600.
Porten Arved // Enciklopedicheskiy slovar. SPb.: izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron, 1898. T. 24a. S. 600.
5. Портен Арвед Владимирович // Риман Г. Музыкальный словарь / пер. с 5-го нем. изд. Б. П. Юргенсона, под ред. Ю. Д. Энгеля. М.: изд-во П. И. Юргенсона, 1904. Т. 3. С. 1042–1043.
Porten Arved Vladimirovich // Riman G. Muzykal'nyj slovar / per. s 5-go nem. izd. B. P. Yurgensona, pod red. Yu. D. Engelya. M.: izd-vo P. I. Yurgensona, 1904. T. 3. S. 1042–1043.
6. Чешихин В. Е. Отголоски оперы и концерта: заметки музыкального литератора (1888–1895 гг.). СПб.: тип. Н. Ф. Финдейзена, 1896. 255 с.
Cheshihin V. E. Otgoloski opery i koncerta: zametki muzykal'nogo literatora (1888–1895 gg.). SPb.: tip. N. F. Findejzena, 1896. 255 s.
7. Poorten A. Tournee artistique dans l'intérieur de la Russie. Bruxelles: G. Muquardt, ed. H. Merbach, 1873. 141 p.
8. Poorten A. Un coin perdu de la Russie: souvenirs d'artiste. Paris: Auguste Ghio, 1883. 246 p.
9. Poorten A. Le testament d'un musicien. Paris: Librairie Fischbacher, 1890. 247 p.

Petrova E. B., Bednarchik G. I. Two trips to Taurida russian musician Arved Porten: on the 150th anniversary of the publication of the book «Artistic tour into the depths of Russia»

Among the works of travelers in the Crimea of the second half of the XIX century, the book of Russian cellist and composer Arved Porten (1836–1901) is of historical, literary and art criticism interest. It was published in Belgium in 1873 and is dedicated to the maestro's great tour of Russia, which took place at the end of April – in August 1868. The author supplemented the part of the publication devoted to his stay in the Crimea with a description of his second voyage on the peninsula in 1871. Porten and his companions visited Kerch, Feodosia, Yalta, Livadia, Oreanda, Alupka, Simferopol, Bakhchisarai, Sevastopol, Yevpatoria. Classical music concerts were given everywhere with success. Arved Porten's notes complement our knowledge of Crimea and its culture of the XIX century, where many artists, including world-renowned ones, performed, music by great composers sounded, there was a large and grateful audience. It is another vision of the Crimea, a look at the peninsula by a man of art. The description of two Crimean voyages of Porten is published for the first time in Russian (translated from French by G. I. Bednarchik).

Keywords: travelers in the Crimea of the second half of the XIX century, Arved Porten, musical culture of the Crimea.

УДК 94(477.75) «1941 /1945»

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРЫМ ГЛАЗАМИ ПОДВОДНИКА: ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

Постникова Е. Г.

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
Российская Федерация, г. Магнитогорск
E-mail: ekaterinapost@mail.ru*

С позиций современной военно-исторической антропологии и психологии рассмотрены проблемы послевоенного восстановления Крыма и выхода из войны фронтовиков-подводников. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводятся уникальные источники – военные и послевоенные (1944–1946 гг.) «крымские» дневники матроса-подводника Северного и Черноморского флотов Сенникова Георгия Ивановича. Показано, что дневники выполняли две важнейшие функции: функцию памяти и психотерапевтическую функцию. Функция памяти реализуется в том, что в дневнике подводника запечатлены характерные черты облика послевоенного Крыма, отражены этапы его восстановления, зафиксированы ключевые события последнего года Второй Мировой войны на Черном море. Психотерапевтическая функция ведения дневника в послевоенные годы проявляется в возможности фиксации и отработки внутренних состояний, связанных с посттравматическим синдромом, послевоенной депрессией и адаптацией фронтовиков к мирной жизни. Анализ послевоенного дневника подводника убедительно показывает, что посттравматический синдром у фронтовиков, участников ВОВ, несомненно, имел место и проявлялся не менее ярко и травматично, чем у участников современных локальных войн, которым принято ставить диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР). Проблему выхода из войны фронтовиков Великой Отечественной войны изучать надо, потому что это-документы фронтовиков содержат не только описание симптомов послевоенной депрессии и посттравматического расстройства, но и фиксируют действенные способы их преодоления, лечения, выработанные послевоенным поколением.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, восстановление Крыма, послевоенный Крым, проблема выхода из войны, посттравматический синдром.

Сражения с немецко-фашистскими захватчиками за полуостров Крым, освобождение Крыма, вклад Черноморского флота в Победу занимают особое место в истории Великой Отечественной войны. Опыт послевоенного восстановления Крыма, как и опыт адаптации фронтового поколения к мирной жизни, преодоления посттравматического синдрома, послевоенной депрессии участниками войны не менее важен для исторической науки. Исследования последних лет, посвященные восстановлению послевоенного Крыма, в основном затрагивают историко-экономический аспект проблемы. В работах Сеитовой Э. И., Гармашовой Е. П., Прошиной В. А. дается оценка ущерба и масштабов разрушений инфраструктуры и хозяйства Крыма, причиненных немецко-фашистскими захватчиками, описываются этапы восстановления Крыма [15; 1]. Еще одним важным аспектом изучения истории восстановления Крыма стало исследование проблемы миграции на полуостров в первые послевоенные годы, изучается динамика изменений в административно-территориальном и демографическом отношениях. Из последних

исследований, посвященных этой проблеме, выделим статьи Сеитовой Э. И. и Сибирякова И. В. [15; 19]. Проблеме меморизации памяти о Великой Отечественной войне в период восстановления Крыма 1944 г. по 1953 г. после немецкой оккупации посвящены исследования Исака И. А., Попова А. Д., Романько О. В. [3; 9]. Отдельный блок исследований посвящен восстановлению социально-культурной жизни Крыма. В работах Непомнящего А. А., Ломакина, Д. И. Бебешко Е. В. освещаются вопросы послевоенного восстановления высших образовательных учреждений Крыма, в частности, Крымского государственного педагогического института имени М.В. Фрунзе и Крымского государственного медицинского института имени И.В. Сталина [5; 6]. Отдельный вопрос – восстановление культурных объектов Крыма, например, послевоенному восстановлению Массандровского дворца посвящены работы Плужник И. В. [8].

О послевоенном восстановлении страны и о фронтовом поколении невозможно говорить, не затрагивая проблему «выхода из войны» (определение Сенявской Е. С.). Е. С. Сенявская отмечает: «Человеку нелегко привыкнуть к войне – к ее опасностям и лишениям, к иной шкале жизненных ценностей и приоритетов. (...) Но и вернуться к спокойному, мирному существованию человеку, проведенному на фронте хотя бы несколько недель, не менее сложно. Обратный процесс перестройки психики протекает болезненно и порой затягивается на годы» [18]. В современном общественном дискурсе активно обсуждается вопрос поствоенного (посттравматического) синдрома у ветеранов Великой Отечественной войны, о котором в советское время не принято было говорить вообще. Существует мнение, что «наши ветераны ВОВ еще и после войны снимались в комедиях и снимали добрые детские фильмы. И никакого ПТСР (посттравматического стрессового расстройства)» [7]. Другие участники дискуссии с этим мнением категорически не согласны и говорят, что это «миф» [7] и что именно отсроченным посттравматическим синдромом объясняется тот факт, что «после завершения войны немало героев и орденосцев переселилось в тюрьмы и лагеря» [14]. Эта общественная дискуссия вызвана недостаточной проработанностью в современной военно-исторической антропологии вопроса выхода из войны фронтовиков Великой Отечественной войны. По сути, кроме Е. С. Сенявской, никто этим вопросом серьезно не занимался. Этим отчасти объясняется актуальность нашего исследования.

В центре статьи – две проблемы: проблема восстановления Крыма (в историко-культурном аспекте) и проблема выхода комбатантов из войны (в аспекте военно-исторической антропологии и психологии). Два, казалось бы, не связанных друг с другом вопроса в судьбе подводников Северного флота, прошедших Великую Отечественную войну на Баренцевом море и переброшенных в мае 1944 г. в Крым на Черноморский флот, знаменательным образом соединились. Дневник матроса-подводника Г. И. Сенникова позволяет нам взглянуть на послевоенный Крым глазами комбатанта, привыкшего за два года войны к суровым боевым походам на Севере и внезапно очутившегося в только что освобожденном послевоенном Крыму. Война для матросов-подводников фактически закончилась, и перед ними

встал вопрос, что делать после войны и как переживать теперь этот «мир», как в него вписываться. Две выше обозначенные проблемы нашли отражение в дневнике фронтовика, так как соотносятся основными функциями военного дневника: функцией памяти (позволяет запечатлеть образ послевоенного Крыма) и терапевтической функцией (позволяет справиться со стрессом и посттравматическим синдромом, сохранить «человека в себе»).

Материалом для нашего исследования стали эго-документы матроса-подводника Георгия Ивановича Сенникова. Георгий Иванович Сенников родился в Омске 1923 г. Сразу после выпускного в школе в июне 1941 г. добровольцем отправился на фронт. За время войны успел побывать на трех флотах СССР: Тихоокеанском, Северном и Черноморском. В 1941 г. он учился в школе подводного плавания во Владивостоке (Тихоокеанский флот). Получил специальность штурманского электрика. Воевал Георгий Иванович на подводных лодках класса «малютка» ПЛ «М-107» и «М-119» в 1942–1944 гг. на Баренцевом море (Северный флот). В мае 1944 г. несколько «малюток», в том числе ПЛ «М-119», перевели в Крым (Черноморский флот). Демобилизовался Георгий Иванович Сенников в феврале 1947 г. с ЧФ (Фото 1).

Фото 1. Сенников Г. И. Балаклава, 1946 г.

Начиная с 1943 г. и потом всю жизнь Георгий Иванович вел дневники. В семье Сенниковых-Постниковых (г. Магнитогорск) сохранились три тетради (формат А3) военных и послевоенных дневников Георгия Ивановича. Первая тетрадь охватывает события войны на Севере, мы условно назвали ее «северная тетрадь». Вторая тетрадь – Крым (Черноморский флот) – с сентября 1944-го по август 1945 г. (158 стр.), третья тетрадь – с октября 1945 по май 1946 г. – Крым, Балаклава (157 стр.). Вторая и третья (крымские) тетради отражают процесс выхода из войны, позволяют отследить проявления посттравматического синдрома, исследовать проблему адаптации фронтовиков к мирной жизни, дают представление о повседневной жизни послевоенного Крыма.

Здесь следует отметить, что когда «малютки» с Севера прибыли на Черноморский флот на базу подводных лодок в г. Балаклава, Крым уже был освобожден от фашистских захватчиков (12 мая 1944 г.). Формально Вторая Мировая война еще не завершилась, но подводники, прибывшие с Северного флота в Крым, оказались в уникальной ситуации «с корабля на бал», а, вернее, «из войны на курорт». Зададимся вопросами: каким Крым увидели подводники СФ? Каковы были их первые впечатления? Какие исторические события, связанные с Крымским полуостровом и Черноморским флотом, зафиксированы в дневнике подводника? Как военные моряки, для которых война внезапно закончилась, вписались в мирное время, переживали ли они посттравматический синдром, послевоенную депрессию и как с ними справлялись?

Первое впечатление североморских моряков, после полугодовой полярной ночи и «чахлых северных березок» впервые увидевших роскошные южные ночи и пышную природу Крыма, – это, конечно, восторг и блаженство.

«Шестаков на руле.¹ Он сидит на крышке нактоуза магнитного компаса. Ноги его заложены за люк. Рукой в перчатке он лениво держится за ручку переключателя. *На морде – блаженство.* Курит и голосит:

Из-за пары растрепанных кос,

С оборванцем подрался матрос...

Вот это вахта! *Где вы, страшные по напряжению походы в Баренцовом море!?*» [13, с. 31].

Впечатление от красоты природы, разноцветья и пьянящего крымского воздуха заставляет фронтовиков утвердиться в мысли, что война закончилась, и дистанцироваться от нее как от чего-то давно прошедшего: «До Золотой балки – три километра. Но что это за путь! Тропинка вьется по дну неглубокого каньона, возле ручья. Пирамидальные тополя упираются в небо, а склоны холмов покрыты, как цветным ковром, бесконечными порослями цветов. Особенно много маков. Местами поляны из-за обилия их горят как огонь. И какой воздух кругом. Как дышится. Неважно, что тропинку там и сям пересекают остатки окопов и под ноги часто попадают ржавые немецкие каски и исковерканные винтовки. *Война была, но*

---

¹ Шестаков Иван Федорович, 1920 г.р., краснофлотец, рулевой ПЛ «М-119».

была когда-то, и у нас нет никакого желания вспоминать ее. Об этом же говорит нам свежий цветок мака, бойко растущий из дырки в заброшенной немецкой каске» [13, с. 40].

Тепло Черного моря и красота Крыма оказали исцеляющее воздействие на вышедших из войны североморцев настолько сильное, что приглушили посттравматический синдром и смягчили впечатление от разрушений и последствий войны на черноморском побережье. Краснофлотец не сразу увидел, что Севастополь разрушен даже больше, чем Мурманск: «Кажется, только вчера я понял, как зверски разрушен Севастополь. Можно пройти город от одного конца в другой прямо по домам, т.к. они, эти дома, целые кварталы, представляют из себя груды камней и мусора, на которых предприимчивые жители уже протоптали тропинки. Владимирский собор. Перед главным входом – мемориальные доски с именами Нахимова, Корнилова, Истомина. (...) И все это изуродовано, загажено, покрыто пылью. Бронза и позолота содраны. На стенах, рядом с именами великих людей – непристойнейшие надписи и рисунки углем» [13, с. 105]. В другом месте появляется такая запись: «Наша лодка стоит в плавучем доке в маленькой бухте на Корабельной стороне. (...) На крутом берегу залива высятся стены и *металлические переплетения того, что считается городом Севастополем*» [13, с. 43].

Восстановление Севастополя началось сразу же после освобождения города 9 мая 1944 года. Исследователи фиксируют: «Были уничтожены городские коммуникации, транспорт, связь, более 90% построек. Из 6402 жилых домов было полностью разрушено 5379, в центре города осталось 7 полуразрушенных зданий» [1]. В одном из этих чудом уцелевших домов жила девушка Нина, инженер, 21 год, которой увлекся молодой матрос: «Она живет в громадном четырехэтажном доме, из которого немецкая бомба сделала два, уничтожив всю середину. Этот дом населяют люди «высшего общества», инженеры, всякие специалисты и т.д. На матросскую форменку там смотрят весьма неприязненно» [13, с. 46].

Знакомство подводника с Севастополем, его мирными жителями и их послевоенным бытом проходило под знаком первой послевоенной влюбленности, что определяет и выбор характерных деталей, фиксацию бытовых практик и тональность повествования. Вот что описывает подводник: поход в кино с возлюбленной, свидание на Малаховом кургане, чудом сохранившиеся памятники и исторические места города.

К началу летнего сезона 1945 г. на Приморском бульваре был построен летний кинотеатр на 700 мест [1]. В дневнике появляется такая запись: «Кино было под открытым небом. Мы опаздывали к началу и еле нашли местечко, где бы можно было приткнуться» [13, с. 46].

Упоминает подводник и Малахов курган, памятник двух героических оборон г. Севастополь, где проходили самые ожесточенные схватки как Крымской, так и Великой Отечественной войн. Но по началу влюбленный матрос Малахов курган видит и «не видит»: «Ночь на Малаховом кургане. Мы сидели на скамье у памятника погибшему летчику, а у наших ног расстилался весь Севастополь. Но *я не видел его. Я видел весь мир, всю прелесть вселенной, всю гармонию вещей и*

красок, из которых складывается жизнь». Из этой записи видно, что чувство влюбленности и красота Крыма стали в прямом смысле слова лекарством для израненной войной души подводника, помогли ему справиться с посттравматическим синдромом, обычно сопровождающим «выход» комбатанта из войны [13, с. 47]. В другой записи, сделанной позже, состояние Малахова кургана описано точнее и реалистичнее: «На Малаховом кургане – колочая проволока и блиндажи. На стенках казематов – надписи на французском, итальянском и немецком языках. Это общий памятник 1854 и 1941» [13, с. 75].

Несколько записей в Крымском дневнике подводника посвящены Панораме обороны Севастополя. Известно, что здание Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг. было восстановлено только в 1953 году [4, с. 105]. Описывая страшные разрушения в Севастополе, Георгий Иванович отмечает: «Кажется, один музей первой обороны Севастополя только и уцелел на весь город. Или, может быть, он уже восстановлен? (...) Здание Панорамы разбито. А где знаменитое полотно Рубо? Говорят, его вывезли. Хорошо, если так...» [13, с. 74]. Действительно, полотно работы Рубо, о котором упоминается в дневнике, серьезно пострадало в огне. И, несмотря на то, что части картины были вырезаны и вынесены из горящего здания, восстановить его оказалось невозможно, о чем Сенников в 1945 г. знать не мог. И только к 100-летию первой обороны Севастополя живописное полотно воссоздали советские художники.

«На Историческом бульваре возвышается гигантский бронзовый памятник Тотлебену. Но без головы. Любопытно: немцы все памятники увезли. Оставили одного Тотлебена. Не потому ли, что он по национальности немец?» – размышляет автор дневника [13, с. 74]. Отметим здесь, что памятник Эдуарду Ивановичу Тотлебену, созданный в 1903 году, был восстановлен в 1945 году. Судьба этого памятника очень волновала подводника. Уже в последнем, третьем дневнике, относящемся к 1946 г., появляется запись: «В Севастополе, неизвестно, с какими мыслями я слазил к Панораме, чтоб взглянуть, как сделали голову Тотлебену» [13, с. 136].

Будучи культурным человеком, мечтающий стать художником и писателем, молодой подводник с болью фиксирует разрушение культурных памятников и дворцов Крыма: «Сколько дворцов, сколько прекрасных зданий, набережных, парков превращены в бесформенные груды развалин, загажены, исковерканы до неузнаваемости. Здесь, в Крыму, среди обломков дворца, *мы раскопали с Сашкой¹ мраморную голову Венеры*. Мы не знаем, чьей она работы, несомненно только, что большого мастера. Когда-то ей цены не было, сейчас это кусок мрамора. Вот дворец, разгромленный, исковерканный. Высоко поднимаются зубчатые стены с готическими вырезами окон» [13, с. 23]. На данном этапе исследования трудно установить, о каком именно дворце идет речь в этой записи, возможно, о

---

¹ Елфимов Александр Прокопьевич, 1921 г.р., (в дневнике Г.И. Сашка) – рулевой «М-107». Демобилизовался в 1948 г. В 1962 году он стал членом Союза художников, одним из первых профессиональных художников в Новокузнецке. Посвятил ряд работ подводникам СФ. Самая известная – автопортрет «Подводник» (1974–1985 гг.).

Воронцовском дворце. Голову Венеры, найденную в развалинах дворца, матросы нарисовали. Кто именно сделал этот карандашный рисунок, Георгий Иванович Сенников или его друг Александр Елфимов, не известно, но сам рисунок сохранился (Рис 1.)

Рис.1. Голова Венеры. Балаклава, 1945 г.

Далее в дневнике речь идет о восстановлении этого дворца: «Сейчас на реставрации его работают сотни румынских и итальянских военнопленных. У них жалкий вид: оборванные, грязные, заросшие. Завоеватели! Здание террасами лепится по скале. Здесь масса неожиданных закоулков, увитых плющом, балконов с каменными вазами. Когда-то в них были цветы. Теперь – мусор. Наверху, на горе, –

бывшее поле сражения. Еще недавно здесь грохотали жаркие бои. До сих пор оно осталось таким, каким оно было после сражения. Там все заминировано, и туда никто не ходит. *Трое из нашего экипажа остались там навсегда, поплатившись за излишнее любопытство.* Проволочные заграждения, окопы, разбросанное в беспорядке оружие и ...трупы. Кости в истлевших немецких мундирах, оскаленные черепа в касках. Завоеватели! Здесь нет, кажется, метра квадратного...» [13, с. 23].

Характерными чертами облика послевоенного Крыма, поразившими краснофлотца и зафиксированными в дневнике, являются масштабные разрушения и огромные площади заминированного пространства, где гибли прошедшие всю войну матросы и мирные жители Крыма, и восстановительные работы, отчасти выполняемые военнопленными «завоевателями»: немцами, румынами, итальянцами. «Петропавловская церковь. Низкое длинное здание с колоннадой вокруг всего фасада. Вокруг нее суетятся пленные немцы. Церковь восстанавливается». [13, с. 105]. К разминированию Крыма были привлечены 335-й и 90-й инженерные батальоны Черноморского флота. В период 1944–1945 годов было извлечено 337632 взрывоопасных установок [4, с. 37].

Следы войны: груды искореженной техники, скелеты, мины, разрушенные памятники – зафиксированы в эго-документе Сенникова, например, в записи от 9 мая 1946 г. читаем: «В полутора километрах от Камаров на высокой безлюдной горе стоит башня, полуразрушенная башня. Это Итальянское кладбище – исторический памятник первой обороны Севастополя. Я был сегодня там. (...) Кругом таблички с надписями: «Опасно. Мины». И все-таки я влез в минное поле – длинное пространство земли перед окопами, пересеченное проволокой. В одном месте на ней висел обломленный эбонитовый ударник мины. (...) Я обошел уже больше половины внутреннего четырехугольного двора, когда внимание мое привлек белый человеческий череп, устремивший на меня черный взгляд пустых глазных впадин. Только тогда я с ужасом заметил, что камни, по которым я так хладнокровно ходил, были не камнями, а человеческими костями. Они виднелись всюду, берцовые кости, ребра, обломки черепов, белые кисти рук, еще, казалось, сжимавшие ружейные приклады и ручки гранат, в изобилии валяющиеся тут же. Небольшой колодец и подземелье под башней были набиты скелетами доверху. Яркий блеск солнца над головой. Мертвая тишина кладбища. И эти тысячи скелетов вокруг. Мне стало жутко. Часовня. Крыша здания снесена, а белый камень стен густо исцерблен пулями. Небольшая четырехугольная комната внутри. Напротив входа – алтарь с черным мраморным крестом. И алтарь, и крест разбиты. Мраморные доски по краям алтаря с именами видных итальянцев: «Генерал-кавалер Фердинандо...». И всюду цифра 1856. Но цифры 1941–1945 затмили все, хотя и не были нигде начертаны. В полуобрушенном блиндаже – скелет в немецкой стальной каске. В прорехи истлевого мундира видны кости ребер. Но пальцы рук все еще держатся за ручки пулемета» [13, с. 134–135]. В дневнике матроса сохранилась фотография разбитой часовни Итальянского кладбища и рисунок скелета в немецкой каске (Рис. 2).

Рис. 2. Страницы «крымского» дневника Г. И. Сенникова, май 1946 г.

В эго-документе матроса-подводника зафиксирован первоначальный этап меморизации памяти о Великой Отечественной войне в Крыму. В том, как описывает подводник Корабельную бухту, чувствуется поклонение еще свежим могилам, уже ставшим «святыми»: «Рядом с доком из зеленой глубины бухты поднимаются оружейные башни и мостики затопленного эсминца. Немного дальше – трубы и мачты большого транспорта. Эти остатки кораблей и разрушенные корпуса завода создают впечатление кладбища, по которому ходишь с невольным благоговением. Здесь царит тишина, и трудно представить себе, что так недавно здесь все грохотало и вздрагивало в клубах огня и дыма» [13, с. 43].

Как отмечает Исак И. А., на первом этапе меморизации памяти о Великой Отечественной войне в Севастополе (1944–1953 гг.) основная инициатива исходила от военнослужащих армии и флота» [3, с. 48]. Матрос не только описывает и делает рисунок уже созданных памятников, посвященных отгремевшей войне, например, памятника таманцам, но создает собственный эскиз памятника подводникам Великой Отечественной войны, откликнувшись на инициативу командования ЧФ. И рисунок памятника таманцам, и эскиз памятника подводникам сохранились в дневнике Сенникова.

В 1944 году по проекту скульптора Т. П. Погосяна, инженера В. Р. Коптева на Безымянной высоте на юго-западной окраине города установлен памятник воинам

242-й Таманской Краснознаменной ордена Кутузова II степени горно-стрелковой дивизии. Во время одной из очередных «вылазок в горы» с друзьями-подводниками и Анной Сергеевной – женой командира подводной лодки – Георгий Иванович сделал акварельный рисунок памятника, а в дневнике появилась такая запись: «Сидели, болтали... Я рисовал памятник. А. С. ругала нас с Сашкой, когда мы принимались ковыряться в немецких гранатах и минах. Как мать. Борька дринькал на гитаре...» [13, с. 91]. На рисунке надпись: «Январь 1946. Балаклава. На сопке возле памятника таманцам» (Рис. 3).

*Рис. 3. Памятник таманцам.
Рисунок Сенникова Г. И. Крым, 1945 г.*

Последняя запись послевоенного крымского дневника посвящена работе над эскизом памятника погибшим подводникам: «На бригаде объявили конкурс на памятник погибшим подводникам. Я не утерпел, тоже ввязался. Зачем? Мало полярного урока? Мой проект был до дьявола прост: бронзовая лодка в ажурных мраморных волнах. Постамент – тоже из мрамора (Благо, в Балаклаве – его хоть

отбавляй. Ведь и мавзолей Ленина сделан из Балаклавского мрамора). На трех сторонах постамента – барельеф – картины из боевой жизни подводников: торпедирование транспорта, среди мин и т.д. На четвертой – текст. Лодку могли отлить в любой мастерской. Вылепить барельеф брались мы с Сашкой. Проект расхвалили и...отказали. Мотивировка: слишком сложен и дорогостоящ! Взяли другой – цементный обелиск. Это, конечно, дешевле. Но где их только не наткано, этих обелисков! Зато дешево! (...) Вот и в Полярном тоже обелиск воткнули. Кербель¹ не мог постараться. А ведь он здорово лепил! «Боевые знамена склоните у святых могил...» [13, с. 138] (Рис. 4).

Рис. 4. Сенников Г. И. Эскиз памятника погибшим подводникам. Крым, 1946

Одна из основных функций военных дневников – функция памяти, проявляющаяся, в том числе, в фиксации исторических событий, вольным или невольным участником или свидетелем которых оказался дневниковед [10, с. 626]. Самым значительным историческим событием, свидетелем которого стали

¹ Кербель Лев Николаевич – советский и российский скульптор, педагог, профессор. Вице-президент Академии художеств СССР с 1988 по 2003 год. Лев Кербель был призван на Северный флот, где служил военным художником.

подводники Черноморского флота, была Ялтинская конференция, состоявшаяся в феврале 1945 г. в Крыму. В дневнике матроса Сенникова этому событию посвящена очень небольшая запись, написанная короткими лаконичными фразами: «Ялтинская конференция. Рузвельт и Черчилль в Балаклаве. Меня чуть не разодрали на части из-за бинокля. Мое знакомство с командующим военно-морским флотом адмиралом Кузнецовым. И печальный итог знакомства в виде выговора комдива» [13, с. 76]. В чем именно провинился матрос и за что получил выговор, он не уточняет.

Из других значимых событий последнего года войны на Черном море в дневнике упомянуты разгром румынского флота и победа над Болгарией. В декабре 1944 года Сенников пишет о возвращении сил Черноморского флота из Румынии («не операция, а потеха») и плавбазе «Констанца», которую «привели с собой» [13, с. 24]. А осенью 1945 г. появляется запись о передаче королю Михаю I остатков румынского флота [13, с. 73–74, 80].

Еще раньше, 10 сентября 1944 года, в дневнике появляется запись о капитуляции Болгарии: «В один из таких вечеров он (Женька-радиот) сообщает нам о капитуляции Болгарии – последнего очага войны на Черном море. Это действует на нас странно: *мы радуемся и в то же время с недоумением спрашиваем друг друга, с кем же мы теперь воевать будем? Не воевать – состояние для нас просто непонятное*» [13, с. 13]. Скорее всего, в сообщении шла речь о государственном перевороте и создании правительства Отечественного фронта 7 сентября 1944 г., хотя в любом случае Болгария вышла из войны с СССР.

Эта запись для нас очень важна и показательна еще по одной причине. В ней, пожалуй, впервые автор обозначает проблему, вставшую перед подводниками, а что дальше («с кем мы теперь воевать будем»), и фиксирует состояние непонимания, растерянности перед наступающим послевоенным «завтра» («не воевать – состояние для нас просто непонятное»). Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которую специалисты по военно-исторической антропологии и психологии обозначают как проблему «выхода комбатантов из войны». По утверждению Е. С. Сенявской: «Проблема «выхода из войны» не менее, а быть может, и более сложна, чем проблема «вхождения» в нее» [16, с. 91].

В Крымском дневнике Сенникова есть один парадокс: восторженные описания южной природы сопровождаются фиксацией состояния «душевной боли». Вот характерная запись: «А по ночам... выйдешь на палубу – там теплая южная ночь, синее небо с яркими рубинами звезд и бесконечная гладь моря. Лунная дорожка сверкает до самого горизонта. На «Эльбрусе» крутят радиолу, и по всему рейду разносятся звуки гавайской гитары. *А в душе – боль*» [13, с. 20]. Можно утверждать, что состояние «душевной боли» – одно из лейтмотивных в дневнике наряду с радостью от победы и восторгом от жизни. Настроения восторга и эйфории вдруг сменяются депрессией и упадком сил.

Ощущение «душевной боли» преследует подводника. Появляется оно всегда неожиданно и, казалось бы, без повода. Но больше всего «боли» в описании впечатлений от отпуска в родном городе. В июле 1945 г. Г. И. Сенников получил месячный отпуск и отправился из Крыма в родной город Омск. Впечатления от

этого отпуска он записал в дневнике в августе 1945 г. : «Только что я вернулся из поездки в Омск. Я был там не миг, а почти целый месяц. Рад я? Доволен? Нет! *Новое разочарование, новая боль – больше ничего*» [13, с. 57]. И еще раз: «Видеть и слышать все это было мучительно больно» [13, с. 58]. И снова: «*Больно было так, как ни разу на фронте за все самые тяжелые годы*» [13, с. 59].

Состояние, переданное в дневнике автором, очень напоминает посттравматический синдром или послевоенную депрессию, «болезненные реакции человеческой психики на травмирующие явления войны, как правило проявляющиеся отсроченно, уже в мирной обстановке, и имеющие пролонгированный, долговременный характер» [17, с. 48]. Одним из следствий такого состояния является «ощущение себя отделенными или отверженными от окружающей среды, в той или иной форме и степени отторгающей фронтовиков как нечто чужеродное, вызывающее дисбаланс, неприятие и даже страх» [17, с. 48]. Посмотрим, как сам автор дневника объясняет причины «этой боли».

Одно из самых неприятных впечатлений фронтовика от жизни послевоенного, находившегося в глубоком тылу города «мелочность» и «торгашеский» характер бытовых взаимоотношений «мирных» людей, и даже, как ему показалось, «потребительское» отношение к вернувшимся с войны: «Люди превратились в мелких коммерсантов, обывателей, весь интерес которых сводился к сегодняшнему обеду. На танцевальных площадках знакомых мне с детства садов верховодили какие-то молодые люди в бостоновых костюмах и с сытыми физиономиями, не нюхавшие пороха, но державшиеся тем не менее с самым нахальным видом. А сколько безобразных сцен увидел я! Сколько мужчин, вернувшихся с фронта, нашли возле жен занятое место. Я собственными ушами слышал, как одна из этих паскуд заявила: «Для кого День победы праздник, а для меня – горе. Я думала, война еще будет продолжаться и моего еще ухлопают где-нибудь, а он живой вернулся!». Приехавших из Германии встречали с распростертыми объятиями, но не боевыми делами интересовались, а количеством чемоданов, которые он привез с собой» [13, с. 58].

Болезненное открытие – недооцененность подвига фронтовиков: «И никто не думал о том, что *ведь я и подобные мне своей кровью и жизнью дали ему эту возможность*. «*Война кончилась, и слишком многие постарались забыть ее поскорей*» [13, с. 59]. «Мне было скучно и тошно. Омская обстановка погрузила меня в какое-то *оцепенение*, из которого ничто, даже она, не могла меня вывести. *Не так я представлял себе все это. Не к тому стремился...*» [13, с. 61].

Из эмоций и ощущений, характерных для посттравматического синдрома и послевоенной депрессии, самые постоянные (лейтмотивные): больно, скучно, тошно, опустошенность страшная, растерянность, оцепенение, ощущение изменений окружающего мира в худшую сторону, потеря интереса к жизни и желания стремиться к чему-либо. Читаем в дневнике: «*Опустошенность страшная. И не только в душе, но и во всем теле, во всем существе. Все изменилось, все стало хуже. Хуже – вот что самое страшное. Может быть, это своеобразный закат нашей жизни, может быть, все именно к этому и должно идти?*» [13, с. 61]. Окружающая

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРЫМ ГЛАЗАМИ ПОДВОДНИКА:
ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

послевоенная действительность вызывает у вернувшегося с войны человека растерянность, появляются сомнения в своем психическом состоянии и умственном развитии: «Ничего не понять. А может быть, я просто идиот?» [13, с. 61]. Действительность буквально убивает: «Это убило меня до такой степени, что пропал всякий интерес стремиться к чему-то еще» [13, с. 61].

Страницы из крымского дневника Сенникова Г. И. Тетрадь 2.
С. 62–64. Апрель 1944 г.

Также для послевоенной депрессии характерно чувство вины и одновременно зависти к тем, кто погиб. В дневнике подводника появляется страшная мысль: «Но тогда жизнь – подлейшая и скучная штука, и те, что остались там и никогда не вернутся, счастливее нас...» [13, с. 61].

С облегчением воспринимает фронтовик возвращение на Черноморский флот, в Крым, к своим боевым товарищам, под защиту «матросского братства». Но и в Крыму чувство одиночества, противопоставленности моряков-подводников мирному послевоенному обществу иногда прорывается в записях матроса. Так, например, в один из моментов Георгий Иванович пишет о своей зависти к девушке, с которой познакомился в городе и которая вернулась домой, к маме, ложится спать в своем доме в свою постель, а «мы... Мы пойдем на нашу подводную лодку, холодную и сырую, как гроб» [13, с. 84]. Восприятие лодки как гроба встречалось и

во фронтовом северном дневнике матроса, но если там оно связано со страхом смерти, своеобразной инициацией, то сейчас дневниковед этой ассоциацией подчеркивает чувство одиночества [11, с. 193]. Уютный мир остается на берегу, а они – подводники – опять одни в этом Черном холодном море, никому не нужные, оторванные от земли. Читаем в дневнике Сенникова: «На душе пусто и холодно. Чувствуешь себя каким-то заброшенным, забытым, одиноким. Где-то там, в темноте, далеко-далеко земля. Кто-нибудь сейчас там танцует в ярко освещенном зале, беззаботно болтает, смеется. У них нет на душе этой тяжести, мышцы и нервы их не напряжены до такого предела, и вряд ли кто-нибудь вообще думает сейчас о крошечном кораблике, одиноко болтающемся в штормовом холодном море» [13, с. 84].

Рис. 5. Страницы из крымского дневника Сенникова Г. И. апрель, 1946 г.

Хотя, конечно, не принято было говорить о посттравматическом стрессовом расстройстве у участников Великой Отечественной войны, да и сам этот диагноз ПТСР появился намного позднее и ставится участникам современных локальных войн Афганской, Чеченской и др., тем не менее сам синдром у фронтовиков, участников ВОВ, несомненно, был и проявлялся не менее ярко и травматично. Характерными следствиями посттравматического стрессового расстройства можно

считать пьянство, дебоширство, агрессивное поведение, череду самоубийств и вообще «глупых» смертей после войны. В послевоенном дневнике Георгия Ивановича немало свидетельств проявления посттравматического синдрома и его следствий в среде матросов Черноморского флота. Приведем здесь всего одну запись: «В это время на кораблях началось вообще что-то страшное. Не проходило ночи, чтоб на лодки не притаскивали целые кучи мертвецки пьяных матросов и, что еще хуже, избитых до потери сознания. Однажды ночью на «Львов» принесли троих матросов. На каждом из них было до десятка ножевых ран (...) Целые дни мы обычно болтались в море (к счастью) с утра до вечера. После пьяных бессонных ночей все выглядит бледно. Головы сами собой клонились на маховики и штурвалы приборов. Бесчисленные тревоги выматывали остатки сил. Но лишь только по радио получали сигнал конца учений и на горизонте всплывала узкая полоса Колхиды, усталости как не бывало. Все начинали деятельно готовиться к предстоящему бедламу. Очевидно, это дух недалекой демобилизации действовал так разлагающе. Иначе что?» Рисунок к этой записи сохранился (рис. 5) [13, с. 111]. Отметим здесь, что большинство записей, связанных с неуставными отношениями, алкоголем, агрессией и общением с женщинами «легкого поведения», относятся к пребыванию лодки в порту города Поти, а не Балаклавы или Севастополя [12, с. 2039].

Праздник в Севастополе (?) Крым, 1945–46 гг.

По причине отсутствия профессиональной психологической помощи «лечились» подводники сами, чем могли. Приглушить постравматичеий синдром помогала природа Крыма. Матрос фиксирует терапевтическое воздействие «пикников», которые иногда устраивала команда подводной лодки, например, подробно рассказывает о походе на Айю: «Решили пойти на Айю, т.к. путь здесь короче, да и суше – скалы. (...) Ах, какое чудесное чувство переживали мы в тот вечер! Все окружающее было каким-то воздушным, сказочным. В душе не прекращал звучать целый симфонический оркестр, были бы крылья, взлетел бы над этой райской землей» [13, с. 65–66]. Другими интуитивно найденными «лекарствами» для Сенникова были творчество, чтение и ведение дневника: «Внизу, под обрывом скалы, почти у самой воды, я облюбовал себе укромное местечко и целыми днями пропадаю здесь. Со мной – неизменные мои спутники: книги и краски» [13, с. 12].

Сенников Г. И. Крым, 1945–1946 гг.

Говоря о матросском братстве, невозможно не упомянуть о матросском юморе («травле матросской») как об универсальном «лекарстве» от страха и депрессии. Фронтные тетради Сенникова являются кладезем матросского юмора, благодаря

чему чтение их оставляет очень светлое впечатление, несмотря на трагичность описываемых автором событий и состояний. Юмор, как заметила Е. Емельянцева, всегда играет важную роль в поведенческих нормах подводников [2, с. 493]. Остроумно описаны курьезные ситуации, которые случались с лодкой и матросами в Крыму. Рядом с героическим и пафосным существует курьезное и смешное. Этот контраст особенно любит подмечать молодой моряк. Вот лишь один характерный рассказ «7 ноября 1945 г. Парад в Севастополе. Стоим на якоре в Южной бухте, в линии подводных лодок, выстроенных для парада. Место наше – самое классическое, метрах в 50-ти от бульвара, напротив памятника Погибшим кораблям. Наши мальчики уже успели наладить беспроводную связь с бульваром (он до отказа забит севастопольцами, пришедшими взглянуть на морской парад). Бухта опять полна кораблями. Вся Северная забита громадами крейсеров и линкора, Южная – миноносцами и МО. Мы расположились на выходе, и прямо на корме у нас стоит красавец «Рион» – трехмачтовый парусник. (...) Парад был сегодня утром. Корабли обходил командующий на катере. Стреляли. Орал. Потом в бухту, как ретивые кони, на полном ходу влетели болгарские торпедные катера. (...) подняли громадную волну, стоившую нам многих хлопот.

Мы стояли строем на палубе, придерживаясь за спиной руками о леер. Волной от катеров лодку раскачало. Мы непроизвольно навалились на леер, и он лопнул. Весь экипаж, как по команде, взмахнув в воздухе ногами, оказался за бортом в ледяной воде. Картина, вероятно, была потрясающей и вызвала бурю восторга на берегу. Из всей команды на палубе остались только я (т.к. держался за стойку антенны, т.е. был крайним) и Ромка (он был правофланговым и стоял у ограждения рубки).¹ Дальнейшее было как в кино. Я пытался поймать за ногу акустика, который висел вниз головой, потому что за вторую ногу его плотно держал лопнувший трос. Он яростно колотил свободной ногой по корпусу лодки и пускал пузыри. Ромка с помощью багра выуживал остальных. Кто-то утопил сапог. Кто-то, уже выбравшись на палубу, снова нырнул подбирать плавающие на воде бескозырки. А берег орал, улюлюкал и задыхался в хохоте. (...) Потом куда бы мы ни пришли, всюду одни и те же разговоры о том, что подводники сегодня показали класс подводного плавания» [13, с. 86].

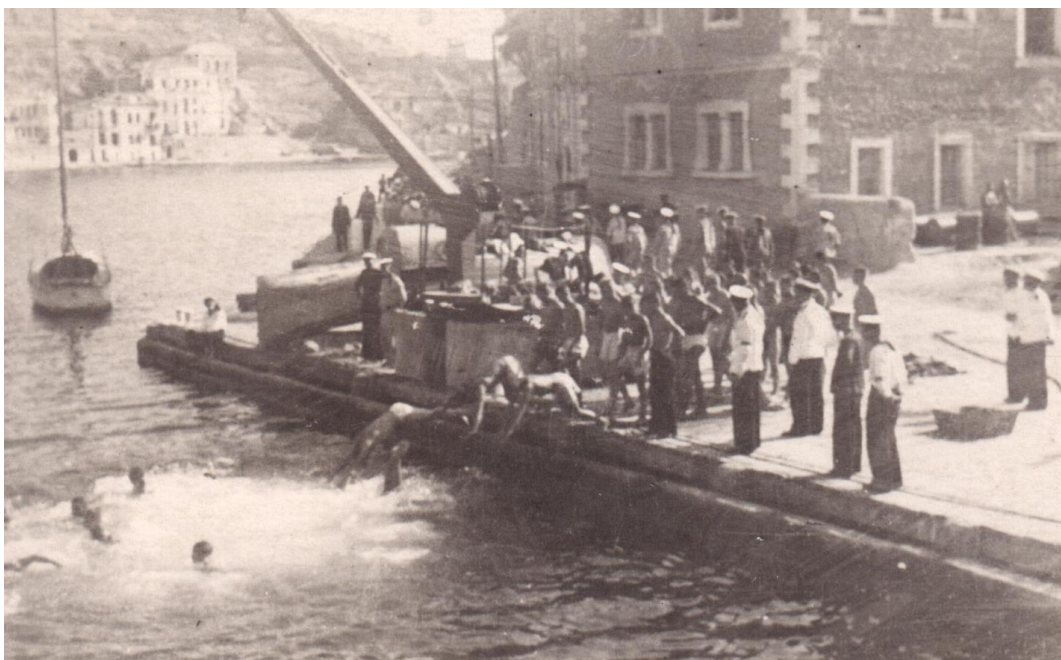
Подведем некоторые итоги. Анализ военного и послевоенного (с октября 1944 по май 1946 гг.) «крымских» дневников матроса-подводника Сенникова показал, что эго-документы выполняли две важнейшие функции: функцию памяти и психотерапевтическую функцию. Функция памяти реализуется в том, что в дневнике подводника запечатлены характерные черты облика послевоенного Крыма, отражены этапы его восстановления, зафиксированы ключевые события последнего года Второй Мировой войны, связанные с Черным морем. Типичными внешними атрибутами облика послевоенного Крыма, поразившими краснофлотца и запечатленными в его дневнике, являются масштабные разрушения городской

---

¹ Сорокин Роман Романович, 1920 г.р. – электрик 3-го класса ПЛ «М-114» (в дневнике Ромка).

застройки и исторических памятников (Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг., Владимирского собора, Итальянского кладбища, дворцов Крыма), огромные площади заминированного пространства, неубранная с улиц городов техника и трупы (скелеты) на местах ожесточенных боев, восстановительные работы, отчасти выполняемые военнопленными «завоевателями»: немцами, румынами, итальянцами. В эго-документе матроса-подводника зафиксирован первоначальный этап меморизации памяти о Великой Отечественной войне в Крыму. В «крымском» дневнике подводника отмечены исторические события, вольным или невольным участником или свидетелем которых оказался дневниковед: Ялтинская конференция, разгром румынского флота и победа над Болгарией, передача королю Михаю I остатков румынского флота.

Праздник в Балаклаве (?). Крым, 1945–1946 гг.

Психотерапевтическая функция ведения дневника в послевоенные годы проявляется в возможности фиксации и отработки внутренних состояний, связанных с посттравматическим синдромом, послевоенной депрессией и адаптацией фронтовиков к «мирной» жизни. Анализ послевоенного дневника подводника убедительно показывает, что посттравматический синдром у фронтовиков, участников Великой Отечественной войны проявлялся не менее ярко и травматично, чем у участников современных локальных войн, которым принято ставить ПТСР. Характерными следствиями посттравматического стрессового

расстройства можно считать пьянство, дебоширство, агрессивное поведение, случаи самоубийств и «глухих» смертей среди фронтовиков после войны. Настроения восторга от Победы и эйфории от мира вдруг сменяются депрессией и упадком сил. Из эмоций и ощущений, характерных для посттравматического синдрома и послевоенной депрессии, самыми постоянными (лейтмотивными) являются ощущение душевной боли, скука, «опустошенность страшная», растерянность, оцепенение, ощущение изменений окружающего мира в худшую сторону, потеря интереса к жизни и желания стремиться к чему-либо. Также для послевоенной депрессии характерно чувство вины и одновременно зависти к тем, кто погиб, и болезненное открытие – недооцененность подвига фронтовиков.

Проблему «выхода из войны» фронтовиков Великой Отечественной войны изучать надо хотя бы для того, что эго-документы фронтовиков содержат не только описание симптомов послевоенной депрессии и ПТСР, но и фиксируют действенные способы их преодоления, лечения, выработанные послевоенным поколением.

Список использованных источников и литературы

1. Гармашова Е. П., Прошина В. А. Послевоенное восстановление социально-культурной жизни г. Севастополь // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2022. – № 5. – URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2022/5/history/Garmashova_Proshina.pdf (Дата обращения: 29.03.2023).
Garmashova E. P., Proshina V. A. Poslevoennoe vosstanovlenie social'no-kul'turnoj zhizni g. Sevastopol' // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Dnevnik nauki». – 2022. – № 5. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2022/5/history/Garmashova_Proshina.pdf (Data obrashhenija: 29.03.2023).
2. Емельянцева Е. Лаборатории "биороботов": техника и эмоции на атомной подводной лодке (1960–1980-е годы) // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / сб. статей под ред.: Плампер Я., Шахадат Ш., Эли М. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 480–501.
Emel'janceva E. Laboratorii "biorobotov": tehnika i jemocii na atomnoj podvodnoj lodke (1960–1980-e gody) // Rossijskaja imperija chuvstv. Podhody k kul'turnoj istorii jemocij / sb. statej pod red.: Plamper Ja., Shahadat Sh., Jeli M. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. –S. 480-501.
3. Исак И. А. Меморизация событий Великой Отечественной войны в послевоенном Севастополе в 1944–1953 г. // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России: к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. материалы региональной научно-практической конференции. – Симферополь, 2020. – С. 46–50.
Isak I. A. Memorizacija sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny v poslevoennom Sevastopole v 1944–1953 g. // Aktual'nye voprosy istorii, istoriografii i istochnikovedenija Rossii: k 75-letiju Pobedy sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne. materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Simferopol', 2020. – S. 46–50.
4. Моторин Д. К. Возрожденный Севастополь : Очерки о восстановлении города, 1944–1953 гг. / Д. К. Моторин ; Отв. ред. Н. К. Проскуряков. – Москва: Наука, 1984. – 271 с.
Motorin D. K. Vozrozhdenyj Sevastopol' : Ocherki o vosstanovlenii goroda, 1944–1953 gg. / D. K. Motorin ; Otv. red. N. K. Proskurjakov. – Moskva : Nauka, 1984. – 271 s.
5. Непомнящий А. А. Ломакин Д. И. Бебешко Е. В. «Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М.В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов государственного архива Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – С. 84–105.

Nepomnjashhij A. A. Lomakin D. I. . Bebeshko E. V. «Rabotali nesmotrja ni na chto»: Krymskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut imeni M.V. Frunze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: po materialam fondov gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. – S. 84–105.

6. Непомнящий А. А. Ломакин Д. И. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: крымский государственный медицинский институт имени И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам из государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 103–127.

Nepomnjashhij A. A. Lomakin D. I. «Preodolevaja nechelovecheskie trudnosti»: krymskij gosudarstvennyj medicinskij institut imeni I.V. Stalina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po dokumentam iz gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. – 2020. – Т. 25. – № 2. – S. 103–127.

7. О мифе об отсутствии посттравматического синдрома у солдат Великой Отечественной. Дискуссия. // Живой журнал (Официальный сайт). URL: <https://lewhobotov.livejournal.com/970181.html> (дата обращения: 10.08. 2022).

O mife ob otsustsvii posttravmaticheskogo sindroma u soldat Velikoj Otechestvennoj. Diskussija. // Zhivoj zhurnal (Oficial'nyj sajt). URL: <https://lewhobotov.livejournal.com/970181.html> (data obrashhenija: 10.08. 2022).

8. Плужник И. В. Массандровский дворец в послевоенный период (1940–1950) // Крымский архив. – 2016. – №2 (21). – С. 85–95.

Pluzhnik I. V. Massandrovskij dvorec v poslevoennyj period (1940-1950) // Krymskij arhiv. – 2016. – №2 (21). – S. 85-95.

9. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 2 (179). – С. 55–62.

Popov A. D., Roman'ko O. V. Pamjatniki velikoj Otechestvennoj vojny v pozdnij sovetskij period: mnogoobrazie social'nyh funkcij i praktik // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 2 (179). – S. 55-62.

10. Постникова Е. Г., Волкова В. Б. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника // QuaestioRossica. – Т. 8. – 2020. – № 2. – С. 623–638.

Postnikova E. G., Volkova V. B. Jeto moj mir: frontovye dnevniki matrosa-podvodnika // QuaestioRossica. – Т. 8. – 2020. – № 2. – S. 623–638.

11. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника Матроса Северного флота Г.И. Сенникова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – № 4(202). – С. 190–207.

Postnikova E. G., Ljubeckij A. E. Strahi podvodnikov Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam dnevnika Matrosa Severnogo flota G.I. Sennikova // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. – Serija 2: Gumanitarnye nauki. – 2020. – Т. 22. – № 4(202). – S. 190–207.

12. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е., Сенникова К. Г. Женщина и любовь на войне во фронтовом дневнике матроса-подводника: гендерно-антопологический аспект // Манускрипт. – 2021. – Т.14. – № 10. – С. 2033–2046.

Postnikova E. G., Ljubeckij A. E., Sennikova K. G. Zhenshhina i ljubov' na vojne vo frontovom dnevnike matrosa-podvodnika: genderno-antopologicheskij aspekt // Manuskript. – 2021. – Т.14. – № 10. – S. 2033–2046.

13. Постникова Е. Г. «Мы – подводники»: военные дневники матроса-подводника СФ Г. И. Сенникова. В 2-х т. – Т. 2. – Магнитогорск: «МГТУ им. Г. И. Носова», 2021. – 344 с.

Postnikova E. G. «My – podvodniki»: voennye dnevniki matrosa-podvodnika SF G.I. Sennikova. V 2-h tt. – Т. II. – Magnitogorsk: «MGU im. G. I. Nosova», 2021. – 344 s.

14. Посттравматический синдром у ветеранов. Дискуссия // Живой журнал (Официальный сайт). URL: <https://users.livejournal.com/-zmei/217789.html> (дата обращения: 10.08. 2022).

Posttraumatischeskij sindrom u veteranov. Diskussija. // Zhivoj zhurnal (Oficial'nyj sajt). URL: <https://users.livejournal.com/-zmei/217789.html> (data obrashhenija: 10.08.2022).

15. Сеитова Э. И. Послевоенный Крым: административно-территориальное устройство и демография // *Пространство и время*. – 2014. – №2(16). – С.181–188.

Seitova Je. I. Poslevoennyj Krym: administrativno-territorial'noe ustrojstvo i demografija // *Prostranstvo i vremja*. – 2014. – №2(16). – С.181–188.

16. Сениявская Е. С. Психология комбатантов и посттравматический синдром // Е.С. Сениявская / *Психология войны в XX в.: исторический опыт России*. – Москва, 1999. – С. 91–98.

Senjavskaja E. S. Psihologija kombatanov i posttraumatischeskij sindrom // E.S. Sinjavskaja / *Psihologija vojny v XX v.: istoricheskiy opyt Rossii*. – Moskva, 1999. – S. 91–98.

17. Сениявская Е. С. «Потерянное поколение» в войнах России XX века: исторический аспект // *Психология реабилитации участников боевых действий: учебное пособие/ Под общ. ред А. Г. Караяни, М. С. Полянского*. – М.: Военный университет, 2003. – С. 45–49.

Senjavskaja E. S. «Poterjannoe pokolenie» v vojnah Rossii XX veka: istoricheskiy aspekt // *Psihologija reabilitacii uchastnikov boevyh dejstvij: uchebnoe posobie/ Pod obshh. red A.G. Karajani, M.S. Poljanskogo*. – M.: Voennyj universitet, 2003. – S. 45–49.

18. Сениявская Е. С. Психология комбатантов и посттравматический синдром // *Войны XX столетия: социальная роль, идеология, психология*. URL: <https://his.1sept.ru/articlef.php?ID=199904303> (дата обращения: 10.01. 2022).

Senjavskaja E. S. Psihologija kombatanov i posttraumatischeskij sindrom // *Vojny XX stoletija: social'naja rol', ideologija, psihologija*. URL: <https://his.1sept.ru/articlef.php?ID=199904303> (data obrashhenija: 10.01.2022).

19. Сибиряков И. В. Восстановление советского Севастополя и проблемы культурно-исторической адаптации его новых жителей // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т.19. – №2. – С. 48–54.

Sibirjakov I. V. Vosstanovlenie sovetskogo Sevastopolja i problemy kul'turno-istoricheskoy adaptacii ego novyh zhitelej // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2019. – Т.19. – №2. – С. 48–54.

Postnikova E. G. Post-war Crimea from the eyes of a submarine sailor: the problem of «exit» from the war

The aim of the article is to study through the lens of military-historical anthropology and psychology such problems as the post-war renewal of Crimea and the «exit» of submarine sailors from the war. The study is novel in that it introduces into the science discourse unique war and post-war sources (1944–1946) – «Crimea» diaries by Georgiy Ivanovich Sennikov, the submarine sailor of the Northern and Black Sea Fleets. It is clear from the conclusion that the diaries have performed two important functions: the memory function and psychotherapeutic one. The memory function is realized in the fact that the diary of the submarine sailor captures the characteristic features of the post-war Crimea and reflects the stages of its reconstruction. The diary keeps the key events of the last year of the World War II on the Black Sea. The psychotherapeutic function of the diary lies in the opportunity of fixation and working out of the internal conditions associated with the battle fatigue, post-war depression and adaptation of the veterans to a «peaceful» life. The analysis of the post-war diary of the submarine sailor convincingly shows that there was the battle fatigue among the soldiers of the Great Patriotic War and it showed itself no less vividly and traumatically than among the participants of modern local wars, who are usually diagnosed post-traumatic stress disorder (PTSD). The problem of «exit» of soldiers of the Great Patriotic War from the war must be studied, because the ego-documents of the soldiers contain not only the description of the symptoms of the post-war depression and post-traumatic disorder, but also record developed by the post-war generation ways to overcome and treat them.

Keywords: the Great Patriotic War, renewal of Crimea, post-war Crimea, the problem of getting out of the war, battle fatigue.

УДК 902/904:069(477.75)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫСТАВКИ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»: НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЭКСПОЗИЦИОННЫЙ ПОДХОД¹

Прохорова Т. А., Сарапулкина Т. В.

**ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник Херсонес Таврический»
Российская Федерация, г. Севастополь
E-mail: grejprut@mail.ru; sarapulkina@mail.ru**

Рассматриваются археологические выставки как одна из эффективных форм популяризации достижений отечественной науки. Проведен анализ итогов работы по созданию экспозиций археологического характера в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический», начиная с 1892 г., когда на месте раскопок древнего Херсонеса был создан специализированный музей «Склад местных древностей», вплоть до сегодняшних дней, когда выставки, имеющие сугубо археологический профиль, стали традиционными. Устоявшейся формой археологической экспозиции в музее-заповеднике на протяжении многих десятилетий (с 1925 г.) остаются постоянные экспозиции отделов античной и византийской истории, а также «музеи под открытым небом» – экспозиция археологических памятников на городище Херсонеса, на хоре (округе) Херсонеса, а также памятники средневекового зодчества – крепости Чембало в Балаклаве и Каламита в Инкермане. Первые временные выставки стали проводиться в Херсонесе также после реорганизации музея в 1925 г. В Херсонесском музее на протяжении ряда десятилетий, несмотря на быстро растущую богатую фондовую коллекцию, временные выставки случались нечасто по причине отсутствия надлежащих условий для их экспонирования. Улучшение и обновление материально-технической базы музея после 2016 г., а также появление профессиональных экспозиционеров способствовали тому, что теперь временные выставки проводятся на регулярной основе. Содержание археологических выставок концептуально и художественно-эстетически подчинено замыслу раскрыть археологическую идею. По типу организации выставочного пространства и набору экспонатов выставки делятся на классические и капсульные, по виду экспонирования – мультимедийные и традиционные, по характеру – отчетные и тематические. Тематические выставки принято классифицировать по нескольким признакам: отраслевой принадлежности, территориальному признаку, целевой направленности, тематической принадлежности. В последнее время выставки в Херсонесском музее по всем четырем основаниям весьма вариabельны – научные, творческие и художественные; херсонесские, крымские и привозные из российских регионов; образовательные и выставки достижений; исторические, биографические и представляющие различные сферы жизни общества в конкретные исторические эпохи. В музее продолжается работа по внедрению нестандартного подхода к показу археологических предметов наряду с классическим методом их экспонирования, что позволяет расширять целевую аудиторию выставок и делать музей более привлекательным.

---

¹ Доклад «Художественный образ и научная концепция: археологические выставки музея-заповедника «Херсонес Таврический» (2014–2021)» прочитан в сентябре 2022 г. на Всероссийской научной конференции «История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи», посвященной 130-летию Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Краткие тезисы опубликованы в сборнике «История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. Севастополь, 25–29 сентября 2022 года» [38].

Ключевые слова: музей-заповедник, временные выставки, археология, археологическая экспозиция, Херсонес Таврический.

Выставки наряду с научными публикациями являются эффективной формой популяризации достижений отечественной археологической науки. Первые выставки, на которых демонстрировались результаты полевых работ, были организованы в России еще в конце XVIII в. Впоследствии Императорская археологическая комиссия ежегодно представляла древности, добытые раскопками, на воззрение императора [4; с. 14–17]. С течением времени археологические коллекции начинают составлять отдельные фонды в собраниях крупных музеев, формируются археологические разделы экспозиций, создаются специализированные музеи на местах раскопок. Так в 1892 г. на месте раскопок древнего Херсонеса был организован музей – «Склад местных древностей».

В наши дни Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», даже при наличии двух постоянно действующих историко-археологических экспозиций, ежегодно проводит несколько временных выставок, имеющих сугубо археологический профиль. Всё на них, начиная с концепции и заканчивая художественным оформлением, подчинено замыслу раскрыть археологическую идею. По типу организации выставочного пространства и набору экспонатов выставки делятся на классические и капсульные, по виду экспонирования – мультимедийные и традиционные, по характеру – отчетные и тематические. Тематические выставки принято классифицировать по нескольким признакам: отраслевой и тематической принадлежности, территориальному признаку, целевой направленности. В последнее время выставки в Херсонесском музее по всем четырем основаниям весьма вариабельны – научные, творческие и художественные; херсонесские, крымские и привозные из российских регионов; образовательные и выставки достижений; исторические, биографические и представляющие различные сферы жизни общества в конкретные исторические эпохи. Мы не будем подробно останавливаться на каждом выставочном проекте, а сосредоточим внимание на выставках археологической направленности, рассмотрим положенные в их основу научные концепции, восстановим состав экспонируемых предметов, проследим эволюцию художественных приемов и попытаемся проанализировать эффективность работы музея-заповедника по созданию археологических выставок.

В обширной историографии, посвященной истории и деятельности Херсонесского музея, обзоры подобного рода достаточно редки. Отметим, что деятельность музея никогда не анализировалась с точки зрения научной оценки показателей качества его работы. Выставки также подвергались количественному и качественному анализу только для сбора статистических данных для отчетов о работе, но не для научного осмысления, хотя экспозиционно-выставочная деятельность музея остается достаточно высокой. Наряду с многочисленными работами по истории музея исследователи крайне редко уделяли внимание характеристике его экспозиций. Несколько статей все же содержат описание

постоянных выставок [35], временные в меньшей степени вызвали исследовательский интерес, но рассматривались в отчетных публикациях [5; 6; 19]. Имеющиеся в историографии работы со схожей тематикой посвящены, как правило, конкретным выставкам – раскрытию содержания, описанию их концепции; но главным образом – это публикация предметов с выставки. В качестве примера приведем статью Т. В. Диановой «Выставка «Херсонес в годы Великой Отечественной войны (по архивным материалам)» с описанием экспозиции, посвященной малоизвестным страницам истории Херсонесского музея в годы войны [19]. В документах и фотографиях представлены сведения об эвакуации музейной коллекции в 1941 г., история сохранения оставленных памятников, которые было невозможно вывезти, и памятников городища в период оккупации Севастополя, а также процесс реэвакуации коллекции после освобождения Севастополя в 1944 г. и восстановления музея. В дальнейшем такие статьи стали появляться чаще.

Статья А. А. Букатова и Т. В. Дюженко «Первая подводно-археологическая выставка в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» посвящена выставке «Где волн понтийских не смолкает шум», проходившей в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» в декабре 2017 г. – феврале 2018 г. [5]. Выставка была построена на результатах подводных исследований Херсонеса Таврического, а также освещала те аспекты истории древнего города, которые непосредственно связаны с морем. При построении исторической части экспозиции были выделены основные разделы: судоходство, морской промысел, торговля, военное дело. Особое внимание авторами уделено истории подводных исследований в Херсонесе, в прибрежных водах которого зарождалась и развивалась отечественная подводная археология в 30-х гг. XX в. Кроме того, на выставке представлены результаты современных исследований у берегов Херсонеса и Балаклавы. Для создания тематической экспозиции были использованы археологические находки из фондов музея (многие представлены впервые), архивные материалы, фотографии, подводное оборудование, а также методы современной визуализации.

Еще одна статья, вышедшая из-под пера А. А. Букатова в соавторстве с Т. А. Прохоровой, также посвящена выставке предметов из раскопок подводно-археологической экспедиции [6]. В статье опубликован каталог предметов, обнаруженных подводными работами в бухте Казачьей и ставших основой экспозиции временной выставки «Археология и Крымская война. Эпизоды», проходившей в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» в марте-июне 2020 г. Авторы статьи отмечают, что изучение Крымской войны с точки зрения археологии представляется весьма перспективным направлением для дальнейших исследований. Территория Херсонесского городища и его окружи была ареной этого военного противостояния, самым непосредственным образом повлиявшего на проведение археологических работ на территории Херсонеса и на судьбы его исследователей. Корабли неприятеля бросали якоря в бухтах Гераклеяского полуострова – местах древних гаваней. Морем, следуя древними судоходными маршрутами, осуществлялось снабжение войск, в прибрежных водах

разворачивались отдельные эпизоды сражений. Подводные археологические находки этого периода, сохранившие массу интересной и уникальной информации, достаточно скудно представлены в музейных экспозициях. Потенциал данной темы для исследователей истории Херсонеса обозначен выше названной выставкой. Отдельно следует добавить, что каждый эпизод в выставочном пространстве имел свое цветовое решение.

Рис. 1. Вещи из раскопок на Гераклее у хутора Бермана. Выставка во Владимирском соборе. 1928 г.

Рис. 2. Выставка во Владимирском соборе в 1928 г. из раскопок в цитадели. Надгробие первых веков н.э. Известняк. Барельеф – сидящая в кресле женская фигура в плаще, рядом слуга. Под изображением надпись.

Для полноты картины назовем еще одну публикацию, посвященную очередному выставочному проекту в Херсонесском музее, – «Роль К. К. Косцюшко-Валюжинича в формировании научной библиотеки Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» [37]. Авторы статьи Т. А. Прохорова и Н. В. Рубаненко через призму рассказа о временной выставке представили в сжатой форме историю формирования научной библиотеки музея и отметили выдающую роль в этом деле первого заведующего раскопками Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907). Авторы статьи пришли к выводу, что музейная библиотека сформировалась в значительной степени на основе личной книжной коллекции К. К. Косцюшко-Валюжинича, и поэтому может рассматриваться как уникальное собрание книг, сформировавшееся при жизни археолога.

Рис. 3. Отчетная выставка раскопок 1928 г. в Херсонесе (в цитадели). Общий вид. Выставка в соборе.

Анализ библиографии демонстрирует актуальность данного направления исследований, учитывая высокий интерес коллег к опыту археологических выставок со стороны различных представителей историко-археологического профессионального сообщества. Отдельная секция, посвященная проблемам археологических выставок и исследования архивных материалов, была выделена в ходе проведения круглого стола «Вокруг Боспора», проходившая 15–16 февраля 2022 г. в Государственном Эрмитаже [20].

Создание выставок является одним из приоритетных направлений деятельности музея-заповедника, зафиксированным в Уставе. Однако не определяющим. Основная работа сводится к поиску, изучению, хранению и обеспечению сохранности археологических памятников и коллекций. Историко-археологический профиль, закрепленный за музеем-заповедником, успешно реализуется с первых лет его существования. Созданный в 1892 г. музей имел соответствующее профилю название – «Склад местных древностей из раскопок Императорской археологической комиссии с 19 мая 1888 года». На деле это означало, что экспозиция музея-склада целиком состояла из предметов, добытых исключительно методом археологических раскопок. В конце XIX в. происходило становление общенаучных принципов молодой археологической науки. Говорить о методологии

создания археологических выставок, конечно, было еще рано, поэтому экспозиции создавались по стихийно рожденному плану. И все же проследить определенную логику все же можно. Предметы располагались группами – сначала по году раскопок, а позже – по типологическому признаку в зависимости от их датировки, видовой и целевой принадлежности. Вся деятельность заведующего раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича была направлена на создание музея с постоянной экспозицией. Временных выставок им не проводилось [36].

Первые временные выставки стали проводиться в Херсонесе после реорганизации музея в 1925 г. К тому времени завершилась передача зданий бывшего Свято-Владимирского монастыря в распоряжение дирекции Херсонесского музея и раскопок. За счет этого экспозиционные площади музея значительно выросли, равно как и выставочный потенциал. Одна из первых временных выставок носила отчетно-показательный характер и была посвящена итогам полевого сезона 1928 г. Выставка была организована в херсонесском Свято-Владимирском соборе и состояла из нескольких разделов. Начальный раздел был посвящен работе Гераклеяской экспедиции в балке Бермана, первый полевой сезон которой состоялся в 1927–1928 гг. Экспозиция поместилась в одном шкафу – более двухсот предметов, расположенных свободно и группами на планшетах [9] (Рис. 1). Второй раздел выставки знакомил посетителей с итогами раскопок 1928 г. в Херсонесе (в т.н. цитадели). Экспозиция была развернута также в виде свободно стоящих предметов и планшетов в одной горизонтальной, двух вертикальных витринах и в шкафу. Отдельно были выставлены крупные эпиграфические памятники, плиты, жертвенники и алтари, надгробия [11] (Рис. 2), а также крупные фрагменты сосудов. Мелкие предметы (амфорные ручки, донья, фрагменты поливной посуды, светильники и др.) располагались на планшетах [31] (Рис. 3). В дальнейшем подобного рода выставки стали устраиваться ежегодно [23] (Рис. 4).

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. на волне общего подъема производства в Херсонесском музее утвердилась новая форма выставок – компактных и мобильных экспозиций, которые можно было перемещать между различными учреждениями. Они имели характер передвижных выставок и так и назывались – выставки-передвижки. Одна из таких выставок была организована в 1930 г. [18] (Рис. 5, 6). Рассматривая свои коллекции как часть мирового банка археологических данных, музей предлагал потенциальным партнерам выставочное портфолио. Благодаря выставочной деятельности музея, жители города – в основном это были трудовые коллективы различных заводов, учащиеся школ и училищ, работники иных учреждений – получали возможность познакомиться с богатейшим многообразием археологических коллекций Херсонесского музея, оценить вклад этого памятника во всемирное достояние человечества и узнать о роли древних эллинов и византийцев в общеисторическом процессе.

Наряду с традиционными археологическими выставками проводились и другие, к примеру, приуроченные к определенным юбилеям, – к годовщинам Революции 1917 года, образования СССР, дня рождения В. И. Ленина, приуроченные к съездам КПСС, и, конечно, музейным юбилеям – годовщинам начала раскопок и основания

музея [12; 21; 32; 33; 40; 41; 43; 44]. Эти выставки, как правило, носили стендовый характер и не имели предметного ряда (впрочем, это не исключало использование фотографий предметов).

На протяжении всей своей истории музей в Херсонесе остро нуждался в выставочных площадях. Это не позволяло сотрудникам создавать часто сменяющиеся временные выставки. Две стационарные экспозиции и два лапидария (античный в храме Семи священномучеников и византийский в Свято-Владимирском соборе) выполняли роль главных выставочных отделов. Однако даже в таких условиях музею удавалось раз в несколько лет устраивать временные выставки. Таковой была, к примеру, выставка «Древнее стекло», организованная в 1964 г. [45].

Рис. 4. Н. И. Репников и Н. З. Федоров на отчетной выставке 1929 г. в соборе.

Рис. 5-6. Выставка-передвижка Государственного Херсонесского музея. Разделы: античный Херсонес – история и основы экономики (рыболовство, земледелие, виноградарство, строительное дело, гончарное производство). 1930 г.

Согласно пояснительной записке к эскизному проекту художественно-декоративного оформления экспозиции, выставка археологического стекла создавалась на основе имеющихся в Херсонесском музее стекла античного и византийского периодов с целью познакомить посетителей с образцами стеклянных изделий, хронологией и техникой их производства. Выставка располагалась в малом (третьем) зале здания византийской экспозиции. Для нее было спроектировано семь витрин из утолщенного стекла: две угловые, две пристенные, две островные и одна горизонтальная. Тематический план выставки состоял из нескольких разделов: «Как находят археологическое стекло», «Реконструкция античных и средневековых печей», «Стекло (посуда) античного периода», «Стеклянные украшения», «Стеклянные ювелирные изделия», «Бусы и браслеты», «Смальты», «Оконное стекло». Общее количество экспонатов составило 667 предметов [42]. В подготовке выставки принимали участие научные сотрудники – О. Б. Киселева, А. А. Зедгенидзе, С. Н. Сухинина, Е. А. Сиротинина, которыми была проведена большая научная работа: установлена датировка стеклянных изделий, определены научные паспорта для материала дореволюционных раскопок и упорядочено хранение старых коллекций. Ответственной за организацию выставки была заведующая средневековым отделом Л. Г. Колесникова, которая в результате проведенной работы сумела установить местное производство стекла и наличие в Херсонесе стекловарочных мастерских.

Выставка древнего стекла была первой в своем роде тематической выставкой. В музее сформировалось четкое понимание пользы и важности подобного рода мероприятий – эта мысль красной нитью проходит в выступлении директора музея И. А. Антоновой на торжественном открытии выставки: «Выставкой древнего стекла музей открывает тематический показ разнохарактерных памятников, накопленных в течение нескольких десятилетий исследования Херсонеса. Как бы велика не была экспозиция, она не сможет вместить всего имеющегося в распоряжении музея материала. Ни одна экспозиция не ставит себе и цели такой по целому ряду причин. Прежде всего это сделало бы ее просто невозможной для осмотра. Между тем в фондах музея десятки, сотни высоких образцов искусства прошлого, умения и мастерства, памятников древней истории, интересных для наших посетителей.

Для того, чтобы желающие могли ознакомиться с этими памятниками, мы организовали так называемые открытые фонды для памятников архитектуры и эпиграфики. Построение тематических выставок является как бы вторым путем той же цели – максимально широко ознакомить посетителя со всем, что имеется в музее». И далее: «Первый шаг – выставка древнего стекла, потом выставка терракотовых изделий, художественной керамики, предметов самых различных ремесел. На наш взгляд, значение таких выставок выходит за пределы простого ознакомления с достижениями херсонесских мастеров. Основной принцип их построения даст возможность посетителю проследить постепенное развитие, эволюцию различных ремесел, представить какой труд, труд скольких поколений заложен почти в каждую вещь, которой мы сегодня пользуемся. Посетитель, увидев

начало этих ремесел, сможет себе еще более ясно и конкретно представить грандиозное развитие современной промышленности» [3].

В 1983 г. в Херсонесском музее появилось новое выставочное пространство – музей голограмм. Выставка была развернута в небольшом домике в непосредственной близости к собору, практически на центральной площади Херсонеса. Открытие было приурочено ко дню музеев, 18 мая 1983 г., и посвящено 200-летию основания города Севастополя. Экспозиция, состоявшая из голографических копий, в Херсонесе создавалась не впервые. Подобная, но привозная, выставка уже демонстрировалась в 1979 г. Теперь же при содействии отдела голографии Министерства культуры УССР и Института физики в Херсонесе была оборудована собственная голографическая лаборатория. Выставка позволила реализовать одну из важнейших потенциальных возможностей голографии – демонстрировать в одном месте объемные копии экспонатов, хранящихся в различных музеях Крыма. Использование «чужих» экспонатов значительно расширило возможности создания тематической выставки. Бесспорно, назвать данный проект археологическим можно с большой долей условности, но этот опыт оказался весьма полезным для музея-заповедника.

Рис. 7. Выставка «Где волн Понтийских не смолкает шум...». Фрагмент экспозиции. Стоит куратор выставки А. А. Букатов.

Голографический метод экспонирования с успехом применялся и в дальнейшем. Так, состав предметов для очередной временной выставки «Магия в язычестве и христианстве» включал в себя как подлинники, так и голограммы. Выставка создавалась в атеистическом ключе, что, по мнению авторов концепции, связано с потенциалом археологического материала «на подлинных и конкретных памятниках дать научную критику многим религиозным явлениям». В 80-е гг. XX в., по словам авторов выставки Т. Ю. Яшаевой и Л. А. Голофаст, религия переживала острый кризис, и наряду с ослаблением традиционной религиозности наблюдалась тенденция к возрождению ее в нетрадиционных формах, обращению людей к мистике, хиромантии и магии. С целью противостоять распространению религиозно-мистических идей выставка должна была дать «научное разъяснение реальных корней магии и ее сущности» [48]. На выставке была представлена эволюция верований от зарождения хозяйственной магии, связанной с земледельческими культами, ритуалами и обрядами, представлены ритуальные предметы, относящиеся к любовной и защитной, лечебной и вредоносной магии, показано, как эти идейные компоненты сохраняются в современных мировых религиях. Состав предметов на выставке был чрезвычайно разнообразен: это протомы божеств – покровителей земледелия (Кора, Кибела, Дионис), умиловительные жертвы богам (посвятительные граффити на сосудах), алтарики, статуэтки с изображением божеств, светильники, рельефы, монеты, геммы, кувшины, ранние иконы, подвески, патеры, амулеты, нательные кресты и мн. др. – всего 282 предмета. Выставка проходила в двух выставочных залах византийской экспозиции и является собой классический вариант археологической выставки с набором вещей, относящихся к определенной строго заданной теме.

В Херсонесском музее на протяжении ряда десятилетий складывалась парадоксальная ситуация: несмотря на быстро растущую коллекцию, временные выставки предметов из фондов случались нечасто. Причин тому было несколько. Во-первых, отсутствие выставочных площадей. Как мы видели на примере двух описанных выставок, для организации временной экспозиции приходилось обыгрывать пространство двух постоянных экспозиций. Остальные помещения были лишены необходимого оборудования, не говоря уже о зрителях и других затратах. Во-вторых, не следует забывать и об особенностях организации выставочного процесса. В музее традиционно научно-исследовательская деятельность была приоритетной. Выставки были не целью работы, а методом пропаганды и популяризации древней истории. Потребности в часто сменяющихся временных выставках не было, учитывая те человеческие, временные и материальные ресурсы, которые требовались для их создания. В музее не существовало такого понятия, как план выставочной деятельности. Чаще всего этот план формировался в Министерстве культуры, а затем «спускался» на места. И, наконец, в-третьих, созданием временных выставок занимались научные сотрудники, которые, помимо этого, участвовали в археологических экспедициях, писали научные труды, проводили экскурсии, читали лекции и вели занятия, работали в фондах, обрабатывали коллекции, издавали путеводители... Штат

научных сотрудников был невелик, а специалистов по экспозиционно-выставочной деятельности не было. Поэтому эпизодичность проведения выставок не вызывает удивления. Но те выставки, которые все же устраивались, носили исключительно историко-археологический характер и основывались на археологическом предметном ряде. Это значительно отличает выставочную деятельность прошлого столетия от современной, для которой характерно бесконечное многообразие тем, направленности и содержания.

13 октября 1984 г. состоялся первый Праздник искусств в Херсонесе. Общегородской фестиваль предполагал богатое разнообразие участников – творческих коллективов, художников, актеров, музыкантов, танцоров, музейных работников, литераторов. Музеем была подготовлена однодневная выставка предметов материальной культуры и искусства из фондовых коллекций. В дальнейшем фестиваль повторялся каждый год, равно как и выставка стала ежегодной. Формат проведения выставки в течение одного дня оказался весьма удачным. Все посетители праздника могли увидеть экспозицию, что гарантировало ее высокую посещаемость. Выставка была краткосрочной и не требовала дополнительных ресурсов. А тот факт, что она располагалась в витринах, на столах и подставках прямо на улице, избавляло музей от необходимости нести дополнительные траты по приобретению и обслуживанию выставочного оборудования. Такие выставки, количество которых теперь выросло до нескольких раз в год – ко Дню музеев, ко Дню искусств, ко Дню археолога, ко Дню славянской письменности и культуры, – проводились вплоть до 2016 г.

В 2016 г. в музее была проведена модернизация выставочных помещений и оборудования, что позволило отказаться от требующей множества ресурсов практики проведения выставок-однодневок и увеличить продолжительность времени их работы. Это сделало музей-заповедник привлекательной площадкой для привозных выставок и послужило значительному разнообразию экспонируемых предметов из различных музеев со всей страны.

Традиционной формой археологического показа в музее-заповеднике на протяжении многих десятилетий (с 1925 г.) остаются постоянные экспозиции отделов античной и византийской истории, а также «музей под открытым небом» – археологические памятники на городище и хоре (округе) Херсонеса, а также памятники средневекового зодчества – крепости Чембало в Балаклаве и Каламита в Инкермане. В 1965–1967 гг. был сооружен защитный навес над пифосами и мозаичными полами из христианских храмов, который после ремонта в 2017 г. продолжает служить дополнительным выставочным пространством, знакомящим посетителей с особой категорией фондовых коллекций [26; 30; 34]. В 2003–2006 гг. на средства Гуманитарного Института Паккарда на месте бывшей монастырской бани было построено здание лаборатории, оборудованное также фондохранилищем с выставочным залом. Помимо хранения фондовых коллекций, здание использовалось в качестве мастерской по реставрации камня, а также было приспособлено для организации выставки античных стел [49; 50]. С 2012 г. к имеющимся экспозициям добавилась выставка моделей (реконструкций)

археологических памятников Херсонеса в «Саду миниатюр», имеющая сезонный характер, а в 2016 г. – выставка архитектурных фрагментов и копий мозаичных полов «Херсонес сквозь века». По форме 8-нк музей традиционно отчитывается этими выставками из года в год как постоянными (переходящими). Остальную часть статистики формируют временные выставки, созданные на основе собственных фондов и (или) привозных коллекций других музеев.

Оценка статистических данных позволяет сделать вывод, что доля археологических выставок за 2021–2022 гг. составляет 73 % от общего числа выставочных проектов. В выставочной деятельности последних лет на основании анализа тематики, набора представляемого материала и экспозиционного подхода можно выделить несколько типов выставок: посвященные истории и быту херсонеситов, вопросам археологической иконографии; объединенные общими темами «Крепость Чембало», «Государственность в древнем мире», «Хора Херсонеса», «Херсонес и окружающее население»; арт-выставки; отчетно-итоговые; выставки-биографии археологов, исследовавших Херсонес и его округу, а также выставки-«анекдоты» про археологические будни.

Тематический принцип, как правило, лежит в основе большинства временных выставок музея-заповедника. Значительная часть из них носит узкотематический характер, к которым следует отнести, к примеру, выставку 2016 г. «Византия. Сакральная среда» [27, л. 49]. Куратор проекта Т. Ю. Яшаева предложила посетителям познакомиться с церковной утварью и предметами личного благочестия из бронзы и серебра византийского периода из раскопок Херсонеса. По замыслу авторов, посетители должны были ощутить, как каждый предмет церковного обихода, имея глубокий символический смысл, вносил свою лепту в формирование сакрального церковного пространства. В Херсонесе-Херсоне отразилась религиозная жизнь Византийской империи, частью которой он являлся. Демонстрируя многочисленные предметы личного благочестия – наперсные и нательные кресты, медальоны, образки, обнаруженные археологами в жилых кварталах, – создатели выставки стремились показать, что жителям Херсонеса-Херсона, как и всем византийцам, была присуща глубокая религиозность, а выставленные предметы хранили высокую византийскую культуру и духовность Византии [10].

Особого внимания заслуживает выставка 2017 г. с поэтическим названием «Свет ушедших эпох» (кураторы О. П. Дорошко, Е. М. Краснодубец, В. В. Дорошко) [27, л. 53]. Нестандартный подход при создании выставки выразился в подборе экспонатов – ими стали осветительные приборы древности (светильники, лампы и проч.), которых в коллекции Херсонесского музея хранится более двух тысяч экземпляров. Создатели экспозиции преследовали цель представить особенности развития светильников на протяжении всего периода античности и средневековья. Сквозной нитью экспозиции стала эволюция форм глиняных светильников, среди которых одна – светильники в виде плоского овального сосуда, наполненного маслом (куда погружался шерстяной фитиль, один конец которого

выдавался наружу через специальное отверстие-носик), – оставалась практически неизменной на протяжении многих веков.

В известной мере эксклюзивными предметами выступали бронзовые светильники, получившие широкое распространение в римское время, а также металлические канделябры и лампадофоры, стеклянные лампы, активно используемые и далее, в средневековом Херсоне. Структурно выставка состояла из четырех частей: текстовая информация об осветительных приборах в древности, осветительные приборы античности, сюжеты изображений античных светильников, осветительные приборы средневековья. Одним из основных экспозиционных приемов стало размещение светильников на фоне их увеличенных фотографий с целью показа рельефных изображений на предметах, что способствовало выделению осветительных приборов в качестве ведущих экспонатов. Для полноты картины была наглядно представлена реконструкция процесса изготовления глиняных светильников.

В том же 2017-м году прошла выставка «Домашний очаг», призванная показать быт жителей Херсонеса в период античности и средневековья (кураторы О. П. Дорошко, Н. Л. Демиденко). В основу экспозиции был положен тематический принцип, и соответственно темам строилось разделение и группировка предметов: убранство дома (терракота, светильники, алтарики), мир мужчины (фибулы, игральные кости, предметы с изображениями мужчин), занятия мужчин (ножи, рыболовные крючки, грузила, пила, тесло-топор), столовая и кухня (всевозможная посуда, раковины мидий и устриц, кости животных, обгоревшее зерно), мир женщины (бусы, бисер, зеркало, керамические предметы с изображением женщин, перстни, флаконы, пиксиды, туалетные ложечки, стеклянные браслеты), мир детей (гуттусы, игрушки, детские украшения, стилосы, копия восковой дощечки, стригиль). Дополнениями к витринам служили надгробия с изображениями женщин и мужчин, копия очага, керамическая печь для приготовления пищи, тарапан, копия гончарного круга, макет городской усадьбы.

Теме «Херсонес – город у моря» была посвящена выставка 2018 года «Где волн Понтийский не смолкает шум...», созданная специалистами отдела подводной археологии (кураторы – А. А. Букатов, Т. В. Дюженко) (Рис. 7). Эта тема была раскрыта как предметами, полученными в результате подводных археологических исследований, так и находками, связанными с морской тематикой, среди них: надгробие с упоминанием имени Петра-моряка и др., надгробие утонувшего Басса, сына Патериона, фрагмент ядра с изображением дельфина, якоря, рыбные блюда, амфоры; светильники с изображениями гиппокампа, дельфина, рыбака; рыболовные крючки, иглы для плетения сетей, морские раковины. Несмотря на сложности, сопряженные с необходимостью качественного представления памятников подводной археологии в условиях традиционного павильонного способа, авторам выставки удалось достичь основной цели – показать роль моря в жизни древних цивилизаций и значение современных подводных археологических исследований для создания исторических реконструкций [5].

Очередная выставка 2019 года – «Тайны Херсонесских некрополей» (кураторы – Н. Л. Демиденко, Е. В. Колесник) – была приурочена ко Дню археолога в Херсонесе и стала для посетителей уникальной возможностью прикоснуться к «тайнам» херсонесских некрополей [29, л. 54] (Рис. 8). Наиболее загадочные экспонаты – скорченное погребение, захоронение младенца в амфоре, захоронение т. н. кандалника и найденные на некрополе костяки с искусственной деформацией черепа. На выставке в сжатом виде были представлены история раскопок и изучения погребальных памятников, интересные сведения, а также вопросы, оставшиеся без ответа...

Интересным примером выставки, сочетающей в себе показ фондовых предметов, с одной стороны, архивных материалов и книг, с другой, стала выставка 2016 года «Начертано на камне, написано пером: история Херсонеса в государственных актах и документах». Впоследствии кураторы выставки (Т. А. Прохорова, Н. Л. Демиденко) неоднократно прибегали к такой форме одновременного показа разнохарактерных коллекций. Предметный план был представлен фрагментами архитектурных деталей, каменных алтарей, надгробий, стел, посвятительных надписей, декретов и металлическими моливдовулами византийских чиновников. Публикации и архивные документы были посвящены вопросу феномена зарождения, формирования и гибели государства в Юго-Западном Крыму. Интересным дополнением стали автографы российских императоров, посещавших Херсонес, которые выступали в известной мере преемственники византийской государственной традиции.

Классический подход к организации выставок реализован в ходе создания экспозиций по истории отдельных археологических памятников. Крепости Чембало было посвящено три выставки. Проекты «Гримальди и Романовы. Три века истории» (2016 г.) и «Под сенью креста святого Георгия. Крепость Чембало по археологическим данным» (2021 г.) по сути являются представлением наиболее интересных и значимых находок из раскопок.

«Гримальди и Романовы. Три века истории» (2016 г.) – первая из трех уже состоявшихся выставок материалов из раскопок крепости Чембало (куратор Н. В. Гинькут) (Рис. 9). Княжеский дом Гримальди – один из старейших в Европе. Деятельность представителей рода Гримальди на территории Крыма в XIII–XV вв. проявилась в их активном участии в широкомасштабном процессе генуэзской колонизации Средиземноморья и Причерноморья. Впоследствии сформировались династические связи Дома Гримальди и Дома Романовых, которые длились на протяжении XVII–XX вв. На выставке были представлены копии уникальных документов по истории дипломатических отношений XVII – XX вв. между Россией и Монако из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива древних актов, а также артефакты из раскопок крепости Чембало, характеризующие этот этап итальянской колонизации полуострова. Показан разнообразный керамический материал, панцирный доспех, оружие, предметы быта: пуговицы, весовая гирька, наперстки, рукояти ножа, нательный крест, архитектурные детали. Вертикальные планы составляли стенды с

видами крепости – зарисовками путешественников и художников XVIII–XIX вв. [13].

В следующем, 2017-м, году состоялась выставка «Фреска Богоматери Одигитрии 30–40-х гг. XIV века (история одной реставрации)» (кураторы С. Б. Адаксина, Н. В. Гинькут). Основой экспозиции стала фреска, обнаруженная в ходе раскопок в 2004 г. в восточном углу двора барбакана главных крепостных ворот Чембало и реставрированная А. Ю. Степановым и Е. П. Степановой. Как выяснилось в ходе реставрации, фреска имела форму стрельчатой арки с поясным изображением Богоматери с Младенцем. По стилю фреска близка к произведениям палеологовского времени, является уникальной и не имеет аналогий среди памятников Крыма [1]. Абсолютно новаторским стал нестандартный прием показа археологического предмета, апробированный на выставке, а именно: представление предмета (фрески) через призму презентации реставрационных работ над ним. В центре экспозиции был итог реставрации (восстановленная фреска), дополненный фото и видеодокументами хода реставрационного процесса.

Рис. 8. Выставка «Тайны Херсонесских некрополей». Монтаж экспозиции.

В 2021 г. была подготовлена третья выставка с материалами из раскопок крепости Чембало. Актуальность выставки была связана с отсутствием материалов

крепости в постоянных экспозициях и проведением постоянных археологических исследований. Эта временная экспозиция обладала богатым предметным планом (более 200 предметов), содержала виды крепости и сопроводительные тексты и послужила презентацией итогов работы всех экспедиций на Чембало за прошедшее время. Центральными экспонатами стали: реконструкция панцирного доспеха (бригантины) и фреска Богоматери Одигитрии. Широко были представлены фрагменты яркой поливной посуды, архитектурные детали, ядра, кресты. Расширен круг предметов производства и быта. Разнообразием выставленных предметов удалось продемонстрировать, что в средневековый период при активной торговле стран Западной Европы с Востоком, Крымский полуостров стал местом бурной деятельности итальянских предпринимателей, в том числе играл роль одного из пунктов Великого шелкового пути. Для создания определенной атмосферы специально на открытие выставки были приглашены реконструкторы из сообщества «Капитанство Готия» в облачении итальянских горожан XIII в. в образе средневековых ремесленников: писаря и рукодельницы [46].

Рис. 9. Выставка «Гримальди и Романовы: три века истории». Экскурсию ведет Н. В. Гинькут.

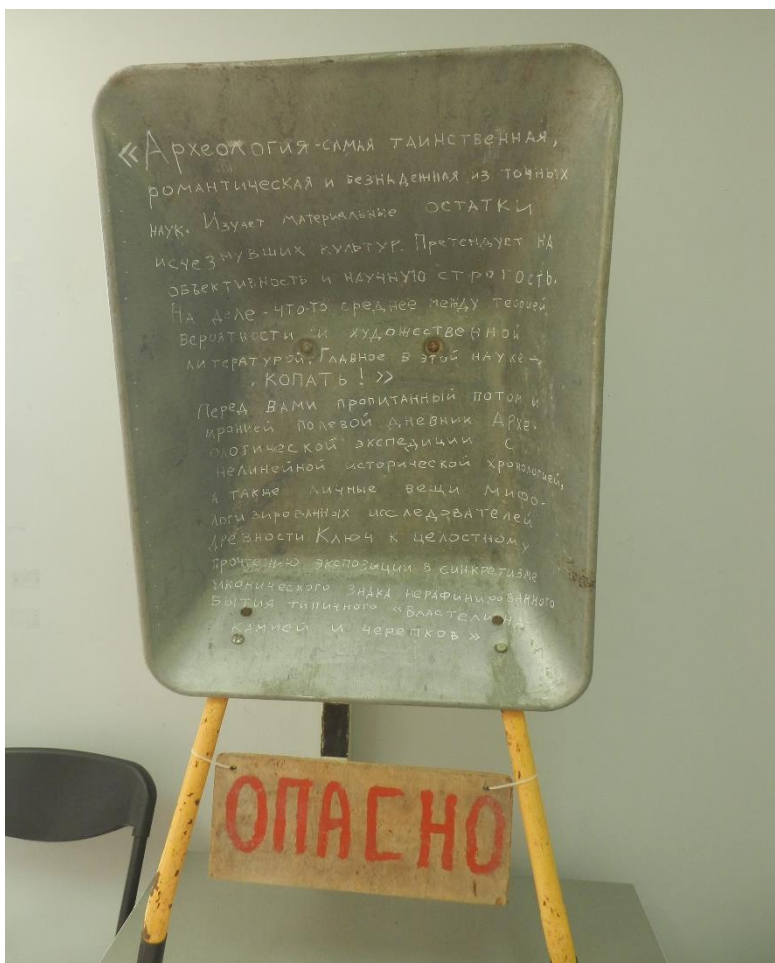

Рис. 10. Выставка «Властелины камней и черепков». Фрагмент экспозиции.

Наибольший интерес с точки зрения экспонирования предметов представляют выставки с ярко выраженными концептуальными ракурсами изложения материала, при котором находки, помещаемые в новый контекст или с помощью особого приема, раскрывают скрытое в них содержание.

В 2017 и 2020 гг. состоялись две выставки, где впервые была затронута тема зооморфных и анималистических изображений на предметах древности. На выставках был представлен своеобразный каталог херсонесского бестиария, однако, только с изображениями кошачьих: львов (преобладают), пантер, грифонов, кошек. 75 различных предметов от античности до средневековья было показано на выставке «На мягких лапах сквозь века» в 2017 г. (куратор Т. В. Дианова) [27, л. 50]. В отдельную группу на этой выставке были выделены изделия с рельефными

изображениями: носики чернолаковых сосудов в виде львиной головы, фрагмент ручки в виде головы пантеры, терракотовая подставка в виде львиной (грифоньей) лапы, пиксиды (?) в виде грифона, фрагменты металлической посуды, пряжки, дверные ручки, архитектурные детали, а также необычные предметы, не связанные с конкретным стилем в искусстве, – например, средневековая плинфа с отпечатком кошачьих лап. Представление экспонатов на едином терракотовом фоне позволило добиться целостности и гармоничности восприятия на этой достаточно пестрой и по цвету, и по разнообразию предметов выставке. В дальнейшем именно благодаря правильно подобранному цветовому решению на выставках удавалось создать цельную, простую и глубоко продуманную композицию. Использование единого или контрастного фона, выделение тематических частей цветом, «игра» с освещением, использование разных пропорций фона и фактур, яркости и интенсивности фона. Определенная цветовая гамма способна менять ощущение от самого археологического материала, выделить его или подчеркнуть, усилить впечатление от экспозиции.

Рис. 11. Выставка «Сельские этюды». Фрагмент экспозиции..

Рис. 12. Афиша выставки «Беспокойные соседи: Поздние скифы юго-западного Крыма».

Выставка 2020 года «Девять жизней в Херсонесе» также была посвящена изображениям представителей семейства кошачьих на археологических предметах (куратор – П. Н. Хлебовский). Изображения грациозных хищников в архитектурном декоре, на столовой посуде, светильниках и других бытовых предметах были излюбленным мотивом античных и средневековых мастеров. Наиболее полно была представлена посуда, единичными экземплярами были ручка саркофага в виде львиной морды с кольцом в зубах, костяная рукоять мужской бритвы в виде грифона и фаянсовая подвеска-амулет в виде лежащего льва. Иллюстративным дополнением были современные фотографии котов Херсонесского музея.

Воспринимать археология через призму искусства посетители учились на выставках «Цвет внутри» и «Планета Херсонес». Художественный подход стал главным и при подготовке выставки к профессиональному празднику День археолога «Властелины камней и черепков» (2016 г.) (Рис. 10). На время выставки в музее-заповеднике не были еще созданы условия для многодневного показа фондовых предметов, поэтому кураторы выставки (П. Н. Хлебовский, Т. А. Прохорова) сосредоточились на создании образа археолога и представителей

археологической науки. Несмотря на полное отсутствие археологических находок в зале, при помощи археологического инвентаря (лопат, кирок, ведер, тачек и прочего) и личных вещей археологов от фотографий до полевых сумок воссоздавалась атмосфера археологического раскопа и предьявлялись многочисленные неизвестные широкой публике инструменты полевой и камеральной работы археологов. Отправной точкой служила тачка с нанесенным определением понятия «археология». Благодаря этому было достигнуто незримое присутствие самого археолога – руководителя или участника экспедиции. В тех же условиях, когда в музее еще отсутствовали оборудованные сигнализацией и стационарными витринами залы, была подготовлена выставка «От разрытия курганов до памятника Юнеско» – архивная выставка с включениями предметов из фондовой коллекции музея. На данном этапе на выставках экспонировались или «невыносимые» камни, или немногочисленный набор предметов, которые на ночь возвращались в фондохранилище. Посему неким выходом из сложившейся ситуации стали стендовые выставки, которые, к слову, продолжили в концептуальном плане экспозиции-инсценировки: в 2020–2022 гг. прошли выставки «Взгляд из раскопа», «Быть археологом – это...», «Археология детям» и «Археологические открытия и будни археологов» (кураторы Т. А. Прохорова, Т. В. Сарапулкина).

В 2017 г. в связи с началом военного конфликта в Сирии родилась идея показать уникальные предметы из раскопок Херсонеса, иллюстрирующие древние связи между полуостровом и странами Ближнего Востока. На выставке «Херсонес – Сирия и Ближний Восток. Контакты длиной в тысячелетие» (кураторы Л. В. Седикова, Н. В. Гинькут) было представлено порядка 600 предметов – свидетельства торговых и культурных контактов между ближневосточными странами и Крымом [27, л. 51]. Многие предметы выставлялись впервые, а уникальность и хрупкость отдельных экспонатов заставили организаторов обеспечить деликатное инсталлирование предметов [7].

В 2017 г. в музее обратились к теме «Херсонесская хора». Первой в серии выставок стала однодневная экспозиция «Сельские этюды», созданная по случаю Дня археолога и подготовленная по итогам полевых исследований сельскохозяйственной округи Херсонеса [27, л. 51]. В ней нашли отражение результаты раскопок усадеб наделов №№ 320 (М. И. Тюрин), 338 и 343 (Л. А. Ковалевская), комплекса укрепленных построек в балке Бермана (Г. М. Николаенко), участков древнего водопровода в Сарандинакиной и Верхне-Юхариной балках (В. В. Созник, Л. А. Ковалевская). Куратор выставки Л. А. Ковалевская сама неоднократно возглавляла работы на Гераклеяском полуострове, поэтому выставка имела глубоко продуманную структуру.

В 2018 г. была подготовлена полноценная выставка с тем же названием (Рис. 11), в создании которой принимали участие научные сотрудники отдела «Хора Херсонеса» [28, л. 44]. Согласно замыслу, выставка была призвана показать основные стороны жизни населения хоры Херсонеса в античный период. Основой экспозиции стали новые археологические материалы из раскопок последних

десятилетий. Материал был разбит на семь разделов, раскрывающих с помощью конкретных предметов определенную тему:

«Исторический очерк о хоре» (показана карта расположения античных памятников на Гераклейском полуострове и макет земельного надела хоры Херсонеса);

«Сельская усадьба как производственный центр» (демонстрация находок – зёрен и плодов культурных растений, изображений сельскохозяйственных работ на античных мозаиках, 3D-реконструкция усадьбы 338);

Рис. 13. Выставка «Мир варваров Таврии. Херсонес, Рим, Византия». Фрагмент экспозиции.

«Виноградарство и виноделие» (макет винодавильного пресса, изображение обработки винограда на античных мозаиках, тарная и столовая керамика – амфоры, пифос, чернолаковый канфар, кувшин, ойнохойя; ручная винодавильная площадка; рельефное изображение Диониса;

«Водоснабжение Херсонеса и его хоры» (схема предполагаемых направлений линий водопровода; фотографии линии водопроводных труб, оригинальные водопроводные керамические трубы);

«Религия» (иллюстрация с изображением пантеона богов, пользующихся особой популярностью у жителей хоры Херсонеса, рельефное изображение Зевса, маленькие жертвенники, фрагменты терракот и посуды с граффити со сценой сакрального шествия, граффити посвяtitельного характера);

«Повседневная жизнь» (макеты стола и стула, краснолаковая посуда, лепной светильник, амфоры);

Рис. 14. Планишет стендовой выставки «Взгляд из раскопа».

«История исследований хоры Херсонеса» (плакаты с архивными фотографиями и текстом, макет стратиграфического разреза памятника археологии, набор керамических изделий из раскопок усадеб на хоре).

Отправной идеей выставки 2018 г. «Лица Херсонеса» (кураторы А. Ю. Аржанов, С. А. Данилова) наряду с желанием показать лица древних херсонеситов (реконструкция по двум черепам из некрополя X в. базилики «Крузе» проведена А. И. Нечволодой) стало также стремление решить сложную задачу художественного подхода к образам. Окружающее пространство, обустроенное должным образом, переносит посетителей в атмосферу соответствующего периода. На контрасте со светоносной выставкой «Сельские этюды», мрачный черный фон задает тон выставке, задача которого – привлечь внимание к реконструкции лиц. Отдельной задачей для экспозиционеров стала необходимость «удержать экспозицию», что было решено при помощи специфического освещения.

Успешным опытом экспонирования находок, полученных в ходе работы археологических экспедиций самого музея-заповедника, Государственного Эрмитажа, Института археологии Крыма и Института востоковедения РАН, работавших в Херсонесе и его непосредственных окрестностях за последние несколько лет, стала выставка «Полевой дневник» в 2019 г. [29, л. 54]. Кураторами данного проекта был весь научный археологический коллектив музея. Несколько иной, чем тематический, – отчетно-итоговый характер экспозиции позволил представить результаты исследований последних пяти лет (2014–2019 гг.). На выставке были максимально широко представлены результаты исследований на территории Севастополя основных археологических экспедиций: раскопки и разведки в балке Бермана (Г. М. Николаенко, А. Ю. Аржанов), раскопки памятника римского времени на высоте Суздальская, разведочные работы на хоре – усадьба надела № 328 Южная (В. В. Дорошко), раскопки усадьбы надела № 337 (Л. А. Ковалевская), усадьбы на наделе № 320 и античное укрепление Масляная гора (М. И. Тюрин), раскопки херсонесского некрополя (Д. А. Костромичев), раскопки грунтового могильника у с. Передовое (В. А. Нессель), разведочные подводные исследования в бухтах Карантинная и Стрелецкая (А. А. Букатов), раскопки IX «А» квартала (С. Г. Рыжов) и жилого квартала L в Южном районе Херсонесского городища (Л. В. Седикова), раскопки производственного комплекса на территории блока № 82 (К. С. Ушакова). Нашли свое отражение также и совместные выставки музея-заповедника с Государственным Эрмитажем: раскопки в XX квартале в Северном районе Херсонеса (Н. Ю. Новоселова) и на Крепости Чембало (С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц); исследования Института археологии Крыма на Базилике Крузе (С. В. Ушаков) и подводные исследования Института востоковедения РАН у Балаклавы (В. В. Лебединский). На выставке были представлены наиболее интересные предметы из раскопок пяти последних лет, большая часть которых экспонировалась впервые.

В 2020 г. возникла идея создания серии выставок «Беспокойные соседи», посвященных населению, проживающему по соседству с Херсонесом. Первые две выставки были посвящены культуре поздних скифов. Кураторы Ю. П. Зайцев и

Т. В. Сарапулкина избрали для основы экспозиции коллекции Усть-Альминского некрополя из фондов Бахчисарайского музея-заповедника и музея-заповедника «Неаполь Скифский» (Рис. 12). На фоне реальной круговой фотопанорамы Усть-Альминского комплекса памятников экспонировались результаты планомерных археологических исследований его некрополя, где было открыто более тысячи погребальных сооружений II в. до н.э. – III в. н.э., в том числе несколько склепов-катакомб варварской знати с богатым погребальным инвентарём. Экспозиция включала в себя ювелирные украшения, металлическую, глиняную и деревянную посуду и утварь, детали воинской амуниции, оружие, надгробную скульптуру, предметы культа. Данное собрание состоит из продукции местных мастеров и предметов импорта, демонстрирует особый синкретический характер культуры варварских племён. Материалы группировались по нескольким тематическим группам: вырезка оригинального захоронения война с оружием и предметами костюма; мелкие деревянные предметы: пеналы, пиксиды, пестики для косметики, фрагменты шкатулок, гребни, луки и т.п.; разнообразные глиняные курильницы; части саркофагов и дубовая колода; оружие, предметы воинства; украшения и амулеты; посуда. Особенность Усть-Альминского некрополя – сохранность предметов из дерева – была использована в выставке как особый акцент. «Дерево», его уникальная степень сохранности, заменило собой отсутствующие на выставке предметы из драгоценных металлов [8].

В 2021 г. состоялась следующая выставка серии, которая была посвящена крепости Кара-Тау и памятникам позднескифской культуры горного массива Кубалач. Показ предметов на выставке был организован по разделам, каждый из которых служил презентацией отдельного археологического комплекса на горе Кара-Тау: цитадель, поселение, святилище, некрополь. В разделах, посвящённых цитадели и поселению, были представлены керамика и фотографии объектов; в разделе «Некрополь» экспонировались посуда, украшения, тарапан, оружие, культовые фигурки, остеологический материал. Отдельного упоминания заслуживают особые экспонаты – человеческие черепа со следами прижизненной хирургической трепанации (зафиксировано три случая подобных операций). Эти находки из раскопок на некрополе Кара-Тау отражают высокий уровень развития медицины и хирургии в древности, чем привлекали взгляды всех посетителей. Нестандартный подход был использован для представления святилища – для этого была создана инсталляция участка в виде скопления плоских камней с ритуальными приношениями, курильницами и посудой. На вертикальных планшетах выставки были размещены панорама археологического комплекса, фото и чертежи погребальных сооружений, фотографии объектов памятников, сопроводительные тексты. Экспозицию дополняла стендовая выставка о позднескифской культуре в целом по данным последних научных изысканий [24].

Тема варварского окружения Херсонеса была раскрыта в ходе совместной с Институтом археологии РАН выставки «Мир варваров Таврии. Херсонес, Рим, Византия» (кураторы Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, Л. В. Седикова) (Рис. 13). Выставка прошла в 2021 г. и была посвящена результатам охранных раскопок

могильников Фронтное-3 и Киль-Дере-1 (руководители экспедиции А. Н. Свиридов, С. В. Язиков), а также разведочных работ комплексной экспедиции Института археологии РАН, Государственного Эрмитажа и Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» на территории Южного пригорода Херсонеса Таврического в 2020 г. (руководители экспедиции О. В. Шаров, С. Г. Рыжов). Центральной идеей выставки было показать два объекта, которые по степени сохранности являются прямыми противоположностями: могильник Фронтное-3 сохранился полностью, в то время как могильник Киль-Дере-1 постигла более печальная участь, он разграблен и почти полностью разрушен. Объединяющим мотивом стало то, что оба памятника были целиком исследованы, но каждый по-своему уникален [22].

Фронтное-3 – пример могильника варварской общины, находящейся под сильным римским влиянием, свидетельством чему являются привозные посуда, украшения, мечи и конское снаряжение. На выставке были представлены наиболее показательные и богатые изделия из погребений: украшения из драгоценных металлов, посуда, оружие, использовались реконструкция внешнего облика женщины по черепу, реконструкция костюмов, привлекалась иконография. Киль-Дере-1 имеет серию неординарных находок, среди которых – коллекция каменных надгробных стел с антропоморфными рельефными изображениями. Разведочные материалы Южного пригорода не столь аттрактивными, потому для характеристики памятника в выставке использовались и находки предыдущих лет.

Обильный археологический материал был структурирован по тематическому принципу и выделен фоновым цветом в соответствии с местом обнаружения. Наибольший интерес для посетителей представляли золотые украшения из исследованных захоронений. Погребальный нательный инвентарь был представлен в сочетании с графическими реконструкциями его прижизненного использования и иконографией (показаны фаюмские портреты с изображением выставленных предметов). Основные сложности при подготовке выставки были вызваны ограниченным экспозиционным пространством и небольшим числом витрин, что решалось за счет плотного размещения экспонатов и использования дополнительных экспозиционных плоскостей в оконных проемах, закрытых разборными выставочными стендами с мультимедийными экранами и текстовыми экспликациями. Для наглядности использовались также макрофотографии предметов, видео-окна, макет стратиграфической вырезки.

В 2021 г. состоялась также первая археологическая выставка «От кубышки до амфоры: тайны керамики», привезенная из-за пределов Крыма [25]. Гончарный промысел был показан на примере керамического дела носителей салтово-маяцкой археологической культуры (материалы Маяцкого археологического комплекса VIII–X вв. из фондов природного и архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» (Воронежская область) и археологического музея Воронежского университета), следы которой также встречаются и в археологических слоях на Крымском полуострове. Богатое разнообразие посуды: кувшины, горшки, пифосы, кружки – всего около 100 образцов, а также подлинники и копии инструментов

керамического производства составили основной предметный ряд. Для детей были специально созданы гончарный пазл (вид интерактивного занятия, при котором из деревянных частей по стержню можно было создать определенную форму сосуда) и керамическая лаборатория (предлагалось рассматривать фрагменты керамики сквозь лупу и определить примеси, образцы которых показывались в специальных колбах, и техники изготовления). Дополнил основную часть экспозиции мультимедийный ролик о гончарном искусстве.

Особым видом популяризации коллекций Херсонесского музея стали выставки, рассказывающие о значимых датах из истории его исследований и раскопок. Двойному юбилею – 130-летию Херсонесского музея и 175-летию его основателя, Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) – была посвящена выставка «Музей в Херсонесе: взгляд в прошлое, билет в будущее. 130-летию музея посвящается» [47]. В начале осмотра посетители имели возможность познакомиться с биографией К. К. Косцюшко-Валюжинича и понять истоки его пристального интереса к древней истории и причины всепоглощающей увлеченности археологией, а также увидеть первые шаги в деле создания музея в Херсонесе. Хронологически выставка охватывала период с 1892 по 2022 год и освещала основные события из истории музея за прошедшие 130 лет, последовательность проводимых археологических экспедиций, а также познакомила с деятелями, которые сыграли ключевую роль в истории музея и раскопок Херсонеса.

На юбилейной выставке впервые был отработан нестандартный экспозиционный прием – воссоздание экспозиции «Склада местных древностей», выполненное на основании архивных фотодокументов. Предметная реконструкция включала в себя повторение содержания витрин дореволюционного музея. В абсолютно том же порядке были размещены вещи из раскопок некрополя в вертикальном шкафу-витрине, собраны заново экспозиционные планшеты с мелкими предметами (фибулами, костяными кружками, рыболовными крючками), обыграна стена лапидария, где были использованы фоторепродукции, эстампажи и подлинники каменных предметов, а также восстановлена по фотографии горизонтальная витрина с фрагментами поливной посуды. Уголок старого музея, безусловно, создал особую атмосферу, даже несмотря на некую условность подобной инсталляции.

Своеобразный итог грандиозного раскопчного проекта комплексной экспедиции на территории Южного пригорода Херсонеса Таврического стала отчетная выставка «Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического» в 2022 г. (кураторы Т. В. Сарапулкина, С. Л. Соловьев) [39]. Предтечей экспозиции стала серия капсульных выставок к определенным мероприятиям в рамках работы над проектом археологического парка. Создатели выставки преследовали цель показать наиболее интересные и ценные находки путем их представления в отдельных витринах по нескольким категориям: изделия из кости и стекла, керамическая посуда, расписная посуда, ювелирные изделия, эпиграфика, керамические светильники, терракота, каменные рельефы, погребальные урны и надгробия. Предметы каждой категории не разделялись хронологически, основной

задачей было показать художественную привлекательность этих «сокровищ». Центральным объектом на выставке стал скульптурный фриз от саркофага со сценой амазономахии – редчайшая находка из раскопок Южного пригорода. Чтобы добиться эффекта представления предметов *in situ*, авторы выставки избрали фоном для экспонируемых предметов фотоизображения наиболее значимых исследованных археологических объектов. Значительно оживила экспозицию демонстрация 3-D моделей археологических объектов с использованием мультимедийных технологий.

Эффективность мультимедийных способов показа доказана успехом выставки «Цифровые технологии и подводная археология», подготовленная совместно с Севастопольским государственным университетом и Институтом востоковедения РАН в 2022 г. (кураторы В. В. Лебединский, А. А. Букатов). На больших экранах в интерактивном виде были представлены визуализированные материалы подводных археологических исследований в акватории Севастополя и у берегов Сирии. Посетителям смогли увидеть трехмерные модели изучаемых объектов, видео и фотографии, документирующие процесс исследовательской деятельности.

В определенной степени традиционными стали для музея-заповедника моновыставки отдельных археологических находок – так называемые капсульные выставки, которые позволяют под другим углом взглянуть на известный предмет, показать посетителям ценность и особенность конкретного экспоната, что сложно сделать в обычной экспозиции. Куратором Т. Ю. Яшаевой были подготовлены выставки «Три святых воина», «Свет Христов сияет всем», «Сохраняя крестом твоим», «Византийский прецессионный крест с образами святых воинов-мучеников», «Образы Рождества на византийской иконе из Херсонеса», «Благовещение. Из Константинополя в Херсон» и другие.

На территории музея-заповедника периодически проводятся стендовые выставки на различные темы, некоторые из которых условно носят археологический характер, поскольку посвящены видным археологам и их вкладу в дело изучения Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, И. А. Антонова, Э. И. Соломоник, Н. М. Печенкин, Е. Г. Суворов, М. И. Скубетов, С. Ф. Стржелецкий), отдельным памятникам (античный театр) или методам исследований (подводная археология). Несмотря на отсутствие предметного плана, эти выставки чрезвычайно интересны, поскольку опираются на подлинные архивные документы, чрезвычайно информативны и доступны абсолютно всем посетителям музея-заповедника.

Одна из таких выставок была подготовлена в год 75-летия Великой Победы и посвящена подлинному Хранителю, Защитнику и Исследователю Херсонеса с большой буквы – Станиславу Францевичу Стржелецкому, приуроченная к его 110-летию со дня рождения. Станислав Францевич был талантливым археологом, блестящим знатоком истории Крыма и Севастополя, прекрасным специалистом в области музейного дела, беззаветно преданным своему делу ученым и бесстрашным человеком. На восьми выставочных стендах была рассказана его история – человека, которому в 1941 году было поручено в одиночку вывезти из воюющего Севастополя коллекцию Херсонесского музея, переправить ее через два моря и по

железной дороге – в неотопляемом вагоне, зимой – через всю страну доставить на Урал. На его долю выпало стать хранителем музейных сокровищ Херсонеса в эвакуации в Свердловске. Для реконструкции его жизни и деятельности были использованы документы его личного архива – автобиография, листок по учету кадров, фотографии, дневник периода эвакуации, переписка, отчеты о работе, хранящиеся в научном архиве музея-заповедника и Архиве города Севастополя.

15 августа 2021 г. состоялось открытие стендовой выставки «Взгляд из раскопа» (Рис. 14), которая в нескольких эпизодах отразила жизнь и деятельность херсонесских археологов. В экспозиции были представлены редкие архивные документы конца XIX – начала XX века, среди которых: жанровые снимки, фотофиксация видов раскопок, фотопортреты – различные типы археологов времен царской России, их быт и трудовые будни. В качестве примера проведения исторической параллели с современностью на выставке показаны эксклюзивные изображения, которые никогда не войдут в научные отчеты: фотокосплей с раскопок Южного пригорода Херсонеса Таврического, сделанные совсем недавно в процессе полевых работ по мотивам ретро фотографий.

В духе времени и с использованием новых технологий в музейном деле создавался выставочный проект в сети Интернет, посвященный публичному показу материалов могильника римского и раннесредневекового времени Совхоз-10. Долгое время они хранились в фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический», широко использовались в научных публикациях, но были скрыты от глаз посетителей. В рамках нового онлайн-проекта «3D-музей» стало возможным увидеть 38 различных артефактов, включая краснолаковые чашки, сероглиняные кубки, лепные кувшины, вазы черняховского типа, глиняные тарелки, миски и многое другое.

Анализ археологических выставок за последние несколько лет показывает абсолютное преобладание тематических с незначительным добавлением отчетно-итоговых. Осмысление композиционных и концептуальных основ показывает, что каждый раз выставки создавались как симбиоз нескольких типов экспозиций. В первую очередь, это экспозиция, предметом которой выступает показ процесса исследования археологического объекта в полевых условиях и демонстрация его как памятника истории; во-вторых, это экспозиция, предметом которой выступает аутентичное воспроизведение не памятника или объекта как такового, а социальной среды, т.е. образа жизни древнего социального формирования населения Херсонеса или его округи; наконец, в-третьих, это экспозиция, предметом которой выступает вписывание реконструированной по археологическим источникам модели образа жизни в исторический контекст [2]. Цельность всех трех типов экспозиции в рамках единого выставочного пространства позволяла вплетать многоуровневое развернутое повествование в выставочный дискурс и делать экспозицию привлекательной для осознанного прочтения.

В попытке провести классификацию временных выставок Херсонесского музея-заповедника было выделено несколько направлений и тем экспозиций, которые оказались весьма разнообразны. Выставка – это изложение определенного

содержания, идеи, которые определяют выбор типа материала, образа, выраженного в предметах, а также определенного памятника. Положительной тенденцией последних лет стало стремление выйти из «херсонесской» плоскости и показать население, проживавшее рядом с Херсонесом. Удачным экспериментом оказался также нестандартный подход показа фондовых археологических коллекций с необычного ракурса, через призму особого творческого восприятия. Успех той или иной выставки всегда был итогом эффективного и плодотворного сотрудничества кураторов с экспозиционерами, в задачи которых входило создание привлекательности выставки, особенно в художественно-эстетической ее части. Отдельная сложная и ответственная миссия возлагается на художников-реставраторов музея-заповедника, без которых не состоялась бы ни одна выставка, не родились бы инсталляции, многие фондовые предметы остались бы вне выставочного процесса. Продолжение намеченной работы по внедрению нестандартного подхода к показу археологических предметов наряду с классическим методом их экспонирования позволит расширить целевую аудиторию выставок, сделать музей более привлекательным.

Список использованных источников и литературы

1. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Храмы крепости Чембало XIV–XV вв. // Археология евразийских степей. – 2021. – № 4. – С. 213–239.
Adaksina S. B., Myts V. L. Khramy kreposti Chembalo XIV–XV vv. // Arkheologiya evraziiskikh stepei. – 2021. – № 4. – S. 213–239.
2. Андреев В. М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11-1. – С. 195–200.
Andreev V. M. Interpretativnost' arkheologicheskogo naslediya i ego muzeinaya prezentatsiya // Fundamental'nye issledovaniya. – 2014. – № 11-1. – S. 195–200.
3. Антонова И. А. Открытие выставки древнего стекла. Декабрь 1964 г. // Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГМЗ ХТ). Д. 1159. Л. 1–6 об.
Antonova I. A. Otkrytie vystavki drevnego stekla. Dekabr' 1964 g. // Nauchno-arkhivnyi otdel Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (NAO GMZ KhT). D. 1159. L. 1–6 ob.
4. Бобринский А. А. Выставка древностей, добытых Императорской археологической комиссией в 1888–1890 гг. на воззрение государя императора. – СПб.: Тип. Товарищества Общественная польза, 1891. – 44 с.
Bobrinskii A. A. Vystavka drevnostei, dobytykh Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei v 1888–1890 gg. na vozzrenie gosudarya imperatora. – SPb.: Tip. Tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za, 1891. – 44 s.
5. Букатов А. А., Дюженко Т. В. Первая подводно-археологическая выставка в музее-заповеднике «Херсонес Таврический» // Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей международной научной конференции (Москва, 30–31 октября 2018 г.) / отв. ред. А. А. Сундиева. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. – С. 377–384.
Bukatov A. A., Dyuzhenko T. V. Pervaya podvodno-arkheologicheskaya vystavka v muzee-zapovednike «Khersones Tavricheskii» // Mirovye trendy i muzeinaya praktika v Rossii: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 30–31 oktyabrya 2018 g.) / otv. red. A. A. Sundieva. – M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2019. – S. 377–384.
6. Букатов А. А., Прохорова Т. А. «Археология и Крымская война. Эпизоды»: материалы подводных исследований и опыт создания выставки в Государственном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. – 2021. – Т. 7(73). – № 1. – С. 46–62.

Bukatov A. A., Prokhorova T. A. «Arkheologiya i Krymskaya voina. Epizody»: materialy podvodnykh issledovaniy i opyt sozdaniya vystavki v Gosudarstvennom muzee-zapovednike «Khersones Tavricheskii» // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki. – 2021. – T. 7(73). – № 1. – S. 46–62.

7. В музее-заповеднике «Херсонес Таврический» проходит выставка, посвященная культурным связям Крыма с Палестиной и Сирией. – URL: <https://culture.gov.ru/press/news/v-muzee-zapovednike-khersones-tavricheskiy-prokhd/> (дата обращения: 1.04.2023).

V muzee-zapovednike «Khersones Tavricheskii» prokhdit vystavka, posvyashchennaya kul'turnym svyazyam Kryma s Palestinoi i Siriei. – URL: <https://culture.gov.ru/press/news/v-muzee-zapovednike-khersones-tavricheskiy-prokhd/> (дата обращения: 1.04.2023).

8. В Херсонесе – «Беспокойные соседи». – URL: <https://slavasev.ru/2020/08/18/v-hersonese-bespoikoynie-sosedi> (дата обращения: 14.04.2023.).

V Khersonese – «Bespoikoynye sosedi». – URL: <https://slavasev.ru/2020/08/18/v-hersonese-bespoikoynie-sosedi> (дата обращения: 14.04.2023.).

9. Вещи из раскопок на Гераклею у хутора Бермана. Выставка во Владимирском соборе. 1928 г. // Научно-архивный Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» (НАО ГМЗ ХТ). Фонд фотодокументов. Инв. 2792.

Veshchi iz raskopok na Geraklee u khutora Bermana. Vystavka vo Vladimirskom sobore. 1928 g. // Nauchno-arkhivnyi Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (NAO GMZ KhT). Fond fotodokumentov. Inv. 2792.

10. Византийские культура и духовность. – URL: <https://slavasev.ru/2016/11/09/vizantiyskie-kultura-i-duhovnost> (дата обращения: 14.04.2023).

Vizantiiskie kul'tura i dukhovnost'. – URL: <https://slavasev.ru/2016/11/09/vizantiyskie-kultura-i-duhovnost> (дата обращения: 14.04.2023).

11. Выставка во Владимирском соборе в 1928 г. из раскопок в цитадели. Надгробие первых веков н.э. Известняк. Барельеф – сидящая в кресле женская фигура в плаще, рядом слуга. Под изображением надпись // НАО ГМЗ ХТ. Фонд фотодокументов. Инв. 2793.

Vystavka vo Vladimirskom sobore v 1928 g. iz raskopok v tsitadeli. Nadgrobie pervykh vekov n.e. Izvestnyak. Barel'ef – sidyashchaya v kresle zhenskaya figura v plashche, ryadom sluga. Pod izobrazheniem nadpis' // NAO GMZ KhT. Fond fotodokumentov. Inv. 2793.

12. Выставка «21-я годовщина Октября». 1938 г. // НАО ГМЗ ХТ. Фонд фотодокументов. Инв. 5377; 5378.

Vystavka «21-ya godovshchina Oktyabrya». 1938 g. // NAO GMZ KhT. Fond fotodokumentov. Inv. 5377; 5378.

13. Выставка «Гримальди и Романовы. Три века истории» в Херсонесе Таврическом. – URL: <https://statearchive.ru/757> (дата обращения: 14.04.2023).

Vystavka «Grimal'di i Romanovy. Tri veka istorii» v Khersonese Tavricheskom. – URL: <https://statearchive.ru/757> (дата обращения: 14.04.2023).

14. Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1893 г.] / предисл. А. А. Спицына. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. – 32 с.

Vystavka drevnostei, predstavlyaemykh Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei na vozzrenie gosudarya imperatora: [1893 g.] / predisl. A. A. Spitsyna. – SPb.: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1894. – 32 s.

15. Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1894 г.] / предисл. А. А. Спицына. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. – 32 с.

Vystavka drevnostei, predstavlyaemykh Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei na vozzrenie gosudarya imperatora: [1894 g.] / predisl. A. A. Spitsyna. SPb.: Tip. I. N. Skorokhodova, 1895. 32 s.

16. Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1895 г.] / предисл. А. А. Спицына. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. – 36 с.

Vystavka drevnostei, predstavlyaemykh Imperatorskoi arkheologicheskoi komissiei na vozzrenie gosudarya imperatora: [1895 g.] / predisl. A. A. Spitsyna. – SPb.: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1896. – 36 s.

17. Выставка древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией в течение 1897 года и представленных на Высочайшее обозрение 16-го марта 1898 года. – [Спб.]: Тип. М-ва вн. дел, [1898?]. – 14 с.

Vystavka drevnostei, dobytykh Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissiei v techenie 1897 goda i predstavlenykh na Vysochaishee obozrenie 16-go marta 1898 goda. – [Spb.]: Tip. M-va vn. del, [1898?]. – 14 s.

18. Выставка-передвижка Государственного Херсонесского музея. Разделы: античный Херсонес – история и основы экономики (рыболовство, земледелие, виноградарство, строительное дело, гончарное производство). 1930 г. // НАО ГМЗ ХТ. Фонд фотодокументов. Инв. 3147; 3148; 3149.

Vystavka-peredvizhka Gosudarstvennogo Khersonesskogo muzeya. Razdely: antichnyi Khersones – istoriya i osnovy ekonomiki (rybolovstvo, zemledelie, vinogradarstvo, stroitel'noe delo, goncharnoe proizvodstvo). 1930 g. // NAO GMZ KhT. Fond fotodokumentov. Inv. 3147; 3148; 3149.

19. Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. – 2016. – № 1 (20). – С. 47–58.

Dianova T. V. Vystavka «Khersonesskii muzei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny» (po arkhivnym materialam) // Krymskii arkhiv. – 2016. – № 1 (20). – S. 47–58.

20. Животова П. В. Эрмитаже открылась выставка «В поисках античного Боспора». – URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/vystavki/v-ermitazhe-otkrylas-vystavka-v-poiskakh-antichnogo-bospora.html> (дата обращения: 14.04.2023).

Zhivotova P. V Ermitazhe otkrylas' vystavka «V poiskakh antichnogo Bospora». – URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/vystavki/v-ermitazhe-otkrylas-vystavka-v-poiskakh-antichnogo-bospora.html> (data obrashcheniya: 14.04.2023).

21. Материалы по утверждению тематико-экспозиционного плана античного и средневекового отделов музея и выставки «Великие стройки коммунизма». 1952 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 2011/1. Л. 1–40.

Materialy po utverzheniyu tematiko-ekspozitsionnogo plana antichnogo i srednevekovogo otdelov muzeya i vystavki «Velikie stroiki kommunizma». 1952 g. // NAO GMZ KhT. D. 2011/1. L. 1–40.

22. Мир варваров Таврии и Херсонес, Рим, Византия: научно-популярное издание / отв. ред. А. В. Мاستыкова, Л. В. Седикова. – М.: Изд-во Института археологии РАН (ИА РАН), 2021. – 28 с.

Mir varvarov Tavrii i Khersones, Rim, Vizantiya: nauchno-populyarnoe izdanie / отв. red. A. V. Mastykova, L. V. Sedikova. – M.: Izd-vo Instituta arkheologii RAN (IA RAN), 2021. – 28 s.

23. Н. И. Репников и Н. З. Федоров на отчетной выставке 1929 г. в соборе // НАО ГМЗ ХТ. Фонд фотодокументов. Инв. 3048.

N. I. Repnikov i N. Z. Fedorov na otchetnoi vystavke 1929 g. v sobore // NAO GMZ KhT. Fond fotodokumentov. Inv. 3048.

24. Новая выставка «Беспокойные соседи. Варварская крепость на горе Кара-Тав во II в. до н.э. – IV в. н.э.». – URL: <https://neapolis-scythian.com/novaya-vystavka-besпокоynye-sosedi-v/> (дата обращения: 14.04.2023).

Novaya vystavka «Bespokoynye sosedi. Varvarskaya krepost' na gore Kara-Tau vo II v. do n.e. – IV v. n.e.». – URL: <https://neapolis-scythian.com/novaya-vystavka-besпокоynye-sosedi-v/> (data obrashcheniya: 14.04.2023).

25. «От кубышки до амфоры: тайны керамики» в Херсонесе Таврическом. – URL: <https://slavasev.ru/2021/02/02/ot-kubyishki-do-amforyi-tayny-keramiki-v-hersonese-tavrisheskom> (дата обращения: 14.04.2023).

«Ot kubyshki do amfory: tainy keramiki» v Khersonese Tavricheskom. – URL: <https://slavasev.ru/2021/02/02/ot-kubyishki-do-amforyi-tayny-keramiki-v-hersonese-tavrisheskom> (data obrashcheniya: 14.04.2023).

26. Отчет и справка о работе музея за 1965 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1186. Л. 1–87.

Otchet i spravka o rabote muzeya za 1965 g. // NAO GMZ KhT. D. 1186. L. 1–87.

27. Отчет о работе Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» за 2017 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 4999. Л. 1–102.
Otchet o rabote Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» za 2017 g. // NAO GMZ KhT. D. 4999. L. 1–102.
28. Отчет о работе Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» за 2018 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 5006. Л. 1–91.
Otchet o rabote Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» za 2018 g. // NAO GMZ KhT. D. 5006. L. 1–91.
29. Отчет о работе Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» за 2019 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 4894. Л. 1–116.
Otchet o rabote Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» za 2019 g. // NAO GMZ KhT. D. 4894. L. 1–116.
30. Отчет о работе музея и отделов за 1967 г. Справка о музее // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1236. Л. 18.
Otchet o rabote muzeya i otdelov za 1967 g. Spravka o muzee // NAO GMZ KhT. D. 1236. L. 18.
31. Отчетная выставка раскопок 1928 г. в Херсонесе (в цитадели). Общий вид // НАО ГМЗ ХТ. Фонд фотодокументов. Инв. 2794.
Otchetnaya vystavka raskopok 1928 g. v Khersonese (v tsitadeli). Obshchii vid // NAO GMZ KhT. Fond fotodokumentov. Inv. 2794.
32. Писарева Л. Р. 150 лет исследования Херсонеса. Фотовыставка. 1978 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 2443. Л. 1–14.
Pisareva L. R. 150 let issledovaniya Khersonesa. Fotovystavka. 1978 g. // NAO GMZ KhT. D. 2443. L. 1–14.
33. Писарева Л. Р. Выставка «Из истории средневекового Херсона». 1977 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 2443. Л. 15–21.
Pisareva L. R. Vystavka «Iz istorii srednevekovogo Khersona». 1977 g. // NAO GMZ KhT. D. 2443. L. 15–21.
34. Проектное задание на строительство охранного павильона над пифосами и смета на его капремонт. 1965 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1958. Л. 1.
Proektnoe zadanie na stroitel'stvo okhrannogo pavil'ona nad pifosami i smeta na ego kapremont. 1965 g. // NAO GMZ KhT. D. 1958. L. 1.
35. Прохорова Т. А. «Дорога к музею...». История создания и эволюции античной экспозиции Херсонесского музея // Херсонесский сборник: сборник научных трудов / отв. ред. А. В. Зайков. – Севастополь: Альбатрос, 2019. – Выпуск XX. – С. 136–156.
Prokhorova T. A. «Doroga k muzeu...». Istoriya sozdaniya i evolyutsii antichnoi ekspozitsii Khersonesskogo muzeya // Khersonesskii sbornik: sbornik nauchnykh trudov / отв. red. A. V. Zaikov. – Sevastopol': Al'batros, 2019. – Vypusk XX. – S. 136–156.
36. Прохорова Т. А. Музей и раскопки в Херсонесе на страницах путевой литературы в конце XIX – начале XX века // Херсонесский сборник: сборник научных трудов / отв. ред. А. В. Зайков. – Севастополь: Буки Веди, 2020. – Выпуск XXI. – С. 258–274.
Prokhorova T. A. Muzei i raskopki v Khersonese na stranitsakh putevoi literatury v kontse XIX – nachale XX veka // Khersonesskii sbornik: sbornik nauchnykh trudov / отв. red. A. V. Zaikov. – Sevastopol': Buki Vedi, 2020. – Vypusk XXI. – S. 258–274.
37. Прохорова Т. А., Рубаненко Н. В. Роль К. К. Косцюшко-Валюжинича в формировании научной библиотеки Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» // Научные и технические библиотеки. – 2021. – № 7. – С. 113–126.
Prokhorova T. A., Rubanenko N. V. Rol' K. K. Kostsyushko-Valyuzhinicha v formirovanii nauchnoi biblioteki Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. – 2021. – № 7. – S. 113–126.
38. Прохорова Т. А., Сарапулкина Т. В., Хлебовский П. Н. Художественный образ и научная концепция: археологические выставки музея-заповедника «Херсонес Таврический» (2014–2021) // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: материалы

Всероссийской научной конференции (Севастополь, 25–29 сентября 2022 года) / отв. ред. А. В. Зайков. – Симферополь: Антиква, 2022. – С. 146–150.

Prokhorova T. A., Sarapulkina T. V., Khlebovskii P. N. Khudozhestvennyi obraz i nauchnaya kontseptsiya: arkhologicheskie vystavki muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskii» (2014–2021) // Istoriya i arkhologiya Severnogo Prichernomor'ya v antichnyu i srednevekovuyu epokhi: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Sevastopol', 25–29 sentyabrya 2022 goda) / отв. ред. А. В. Заиков. – Симферополь: Антиква, 2022. – С. 146–150.

39. Сокровища Южного пригорода Херсонеса Таврического / под ред. С. Л. Соловьева, С. Б. Адаксиной, А. В. Зайкова и др. – Севастополь: ГИА МЗ «Херсонес Таврический», 2022. – 36 с.

Sokrovishcha Yuzhnogo prigoroda Khersonesa Tavricheskogo / pod red. S. L. Solov'eva, S. B. Adaksinoi, A. V. Zaikova i dr. – Sevastopol': GIA MZ «Khersones Tavricheskii», 2022. – 36 s.

40. Схема экспозиций выставки «Херсонес за 30 лет советской власти». 1947 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 564. Л. 1, 2.

Skhema ekspozitsii vystavki «Khersones za 30 let sovetsoi vlasti». 1947 g. // NAO GMZ KhT. D. 564. L. 1, 2.

41. Тематико-экспозиционный план выставки «Херсонесский музей: к 40-й годовщине Октября». 1957 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1042. Л. 1–20.

Tematiko-ekspozitsionnyi plan vystavki «Khersonesskii muzei: k 40-i godovshchine Oktyabrya». 1957 g. // NAO GMZ KhT. D. 1042. L. 1–20.

42. Тематический план выставки «Древнее стекло». 1964 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 845. Л. 1–38.

Tematicheskii plan vystavki «Drevnee steklo». 1964 g. // NAO GMZ KhT. D. 845. L. 1–38.

43. Темплан выставки «125 лет раскопок Херсонеса». 1952 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 2010. Л. 1–25.

Templan vystavki «125 let raskopok Khersonesa». 1952 g. // NAO GMZ KhT. D. 2010. L. 1–25.

44. Топоключ выставки «Раскопки Херсонеса за советский период». 1957 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 800. Л. 1–21.

Topoklyuch vystavki «Raskopki Khersonesa za sovetsoi period». 1957 g. // NAO GMZ KhT. D. 800. L. 1–21.

45. Топоключ к выставке древнего стекла. 1965 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 1200. Л. 1–21.

Topoklyuch k vystavke drevnego stekla. 1965 g. // NAO GMZ KhT. D. 1200. L. 1–21.

46. Чембало делится секретами. – URL: <https://slavasev.ru/2021/06/10/chembalo-delitsya-sekretami> (дата обращения: 14.04.2023).

Chembalo delitsya sekretami. – URL: <https://slavasev.ru/2021/06/10/chembalo-delitsya-sekretami> (data obrashcheniya: 14.04.2023).

47. Черных В. Херсонес: взгляд в прошлое, билет в будущее. – URL: <https://www.sevastopol.kp.ru/daily/27395.5/4590030/> (дата обращения: 14.03.2023).

Chernykh V. Khersones: vzglyad v proshloe, bilet v budushchee. – URL: <https://www.sevastopol.kp.ru/daily/27395.5/4590030/> (data obrashcheniya: 14.03.2023).

48. Яшаева Т. Ю., Голофаст Л. А. Тематико-экспозиционный план выставки «Магия в язычестве и христианстве» по памятникам древнего Херсонеса. 1988 г. // НАО ГМЗ ХТ. Д. 2799/1. Л. 1–45.

Yashaeva T. Yu., Golofast L. A. Tematiko-ekspozitsionnyi plan vystavki «Magiya v yazychestve i khristianstve» po pamyatnikam drevnego Khersonesa. 1988 g. // NAO GMZ KhT. D. 2799/1. L. 1–45.

49. Carter J. C. Color at Chersonesos (on the Black Sea): Funerary Monuments from the Early Hellenistic Necropolis // Color in Ancient Greece: The Role of Color in Ancient Greek Art and Architecture / Ed. by Tiverios M. A., Tsiafakis D. S. – Thessaloniki, 2002. – Pp. 161–170.

50. The Gravestones of Chersonesos. Research and Conservation / Ed. by J. C. Carter. – Istanbul: Ege Yayinlari, 2006. – 91 p.

Prokhorova T. A., Sarapulkina T. V. Archaeological exhibitions in the museum-reserve «Chersonesos Taurica». Scientific concept and exposition approach.

It is considered, that exhibitions are really effective for popularization of the Russian archaeological science achievements. The work on the creation of temporary archaeological expositions started in 1892, when a specialized museum was created at the site of the excavations of ancient Chersonesos («Warehouse of Local

Antiquities»). Today, temporary exhibitions with a purely archaeological profile have become annual. The results of this work are impressive.

Since 1925 the permanent expositions of the departments of Ancient and Byzantine history has been the traditional form of archaeological exposition, as well as the «open-air museum» – an exposition of archaeological monuments in the Chersonesos settlement and Chora (agricultural district). So have been the monuments of medieval architecture – the fortress of Chembalo in Balaklava and Kalamita in Inkerman. At the same time, after the Chersonesos museum reorganization in 1925, temporary exhibitions began to be held. For a long time, the temporary exhibitions of fund museum objects occurred infrequently due to the lack of proper conditions for their display. The improvement and updating of the museum's material and technical base after 2016, as well as the emergence of professional expositors, have contributed to the fact that temporary exhibitions are held on a regular basis in our days.

The content of archaeological exhibitions is conceptually and artistically-aesthetically subordinated to the certain idea. According to the type of organization of the exhibition space and the set of exhibits, exhibitions are divided into classic and capsule, by type of exposure – multimedia and traditional, by nature – reporting and thematic. Thematic exhibitions are usually classified according to several criteria: territorial, target orientation, branch or thematic affiliation. Recently, exhibitions in the Chersonese museum have been very variable on all four grounds – scientific, creative and artistic; Chersonesian, Crimean and imported from Russian regions; educational and exhibitions of achievements; historical, biographical and representing various spheres of society in specific historical epochs. The museum continues to work on the introduction of a non-standard approach to the display of archaeological objects along with the classical method of exhibiting, which allows expanding the target audience of exhibitions and making the museum more attractive. (Refs 24.).

Keywords: museum-reserve, temporary exhibitions, archeology, archaeological exposition, Chersonesos Taurica.

УДК 904/908

ХРОНИКА ПРЕБЫВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II В ХЕРСОНЕ В МАЕ 1787 г.

Рувев В. Л.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Российская Федерация, г. Симферополь
E-mail: vl.ruev@gmail.com*

Представлены детали пребывания императрицы Екатерины II в Херсоне с 23 по 28 мая (по новому стилю) 1787 г. Посещение Херсона на пути в Крым становится одним из ярких этапов не только во всем путешествии к «Полуденному краю», но и важным моментом для демонстрации новых возможностей Российской империи на ее южных рубежах в глазах зарубежных дипломатов. На основе писем Екатерины II, журнала ее кабинет-секретаря А. В. Храповицкого, воспоминаний дипломатов де Сегюра и де Людольфа удалось в подробностях восстановить детали пребывания императрицы и ее свиты в Херсоне, а также историческую географию этого визита. Сделан вывод, что по итогам посещения этого важного опорного пункта на юге России, Херсон подарил для зарубежных дипломатов первые впечатления теперь уже о неоспоримом факте усиления России на Черном море и реальных экспансионистских амбициях императрицы.

Ключевые слова: Россия, Херсон, Екатерина II, историческая география, XVIII в., Храповицкий А. В., де Людольф, де Сегюр.

Путешествие императрицы Екатерины II в «полуденный край» – южные земли и Крым – стало одним из самых знаковых эпизодов периода ее правления. Эта поездка, длившаяся с января по июль 1787 г., включила в себя комплекс мероприятий для достижения максимального эффекта во внутренней и внешней политике Российской империи – начиная от инспектирования результатов обустройства южных регионов России и заканчивая проведением одной из самых масштабных информационных кампаний для зарубежных дипломатов (рис. 1).

Важнейшим пунктом на пути императрицы стал основанный в 1778 г. крепость и город Херсон. Херсон был поистине детищем Екатерины – она живо интересовалась скоростью и качеством обустройства новой твердыни в низовьях Днепра и родины Черноморского флота. «Надлежит сделать на Лимане редут, в котором бы уместились адмиралтейские верфи и прочее, по примеру здешняго адмиралтейства и назвать сие Херсон», – отмечала императрица в своей записке к Г. А. Потемкину 18 июня 1778 г. и положив начало существования самому южному опорному пункту России того времени [6, с. 154].

Ко времени прибытия Екатерины Херсон представлял собой первоклассную крепость и верфь. К этому времени ее строительство было стадии завершения. Она была усилена земляными укреплениями высотой до 15 м и рвом. Структурно Херсонская крепость состояла из Адмиралтейства в приднепровской части в форме полукруга площадью около 40 десятин и выступающей к северу основной части крепости площадью около 90 десятин. В основной части крепости находились

основные административные и крепостные сооружения, в том числе Дворцовая площадь, дом генерал-губернатора (в районе Херсонской телебашни, не сохранился), инженерная и комендантская канцелярия (бывший дворец генерал-губернатора) (не сохранился), адмиралтейский арсенал (не сохранился, находился в зоне пятна современной застройки Херсонского следственного изолятора).

Неаполитанский дипломат граф де Людольф, прибывший в Херсон за пять дней до приезда императрицы, так описал город (непосредственно крепость и купеческое предместье): «князь Потемкин, стремившийся содействовать осуществлению желания императрицы иметь город на Черном Море еще до того времени, как было задумано овладение татарскими провинциями, бросил на учреждение здесь города семь миллионов рублей. Город этот, выстроенный вдоль реки, должен быть около семи верст длиной. То что называется кремлем собственно и есть самый город, он возвышается в самом центре, а по обе его стороны расстилается военное и купеческое предместья. Военное предместье (основная часть крепости – В. Р.) лежит к северу от кремля (Адмиралтейства – В. Р.) и заключает в себе казармы всех составляющих гарнизон города полков, дома офицеров, магазины, госпитали и проч. Казармы, называемые землянками, все выкопаны в земле и покрыты камышом, промазанным глиной или известью, но построены оне в строгом порядке, а улицы все проведены по веревочке. Предместье это занимает весьма обширное пространство, и живут в нем только одни солдаты. Каждый полк имеет свои особые казармы, свою церковь, свои магазины и свой госпиталь. В каждом отделении есть своя печка для печения хлеба, и в каждом отделении живут по двадцать человек солдат, которые спят вдоль стен на нарах из камыша. Эти подземные жилища чрезвычайно сыры и весьма нездоровы. Удушливый воздух здесь еще более смраден вследствие испарений живущих здесь людей, которые не грешат излишнею чистоплотностью. Количество солдат, составляющих гарнизон Херсона, достигает двадцати пяти тысяч человек кавалерии и пехоты. Мне сказали, что в настоящую минуту для безопасности императрицы численность гарнизона более чем удвоена, и что теперь в городе и его окрестностях насчитывается около шестидесяти тысяч человек солдат...

Так как город не мощен, то пыль здесь нестерпимая. Берега Днепра изобилуют мелким камнем, перевозка которого стоила бы очень дешево, но он порист и может быть слишком мягок. Крепость очень правильна и очень велика, она земляная, но в случае нападения может держаться, так как она окружена двойным рвом и крепким палисадом. Над крепостью находится цитадель, командующая адмиралтейством. Здесь находится только что построенный дворец императрицы и магазины адмиралтейства. На берегу Днепра находится верфь. Здесь выкопано 5 бассейнов для постройки такого же количества судов; для той же цели копаются еще 12 бассейнов. В настоящую минуту работают над тремя судами, которые должны быть окончены к приезду императрицы...

В купеческом предместье есть много хороших каменных домов генералов и иностранных купцов, имеющих большие магазины для своих товаров. Улицы широки и на них оставлены площади, которые рассчитывают украсить лавками. В

уже существующих лавках имеются только мелочные железные товары, да некоторые предметы роскоши, продаваемые по страшно дорогой цене; правда, платимые за иностранные товары высокие пошлины до такой степени возвышают их цену, что только крайняя необходимость может заставлять покупать их. Не взирая на стеснения и многочисленные пороки, которыми кишит торговая часть, город этот со временем может иметь некоторое значение, до сих пор весы склоняются в его сторону. По видимому, императрица намерена посвятить этому городу все свое внимание. Собираются обнародовать новые постановления, чтобы поставить вещи на лучшую ногу и ободрить торговлю, которая идет крайне вяло... Ни одно деревцо само по себе не растет в окрестностях Херсона, представляющих собою лишь обширные, пустынные и бесплодные равнины...

Рис. 1. Картина Фердинанда Мейса «Путешествие Екатерины II по России». 1790-е гг. Коллекция ФГБУК «Государственный Русский музей» (г. Санкт-Петербург).

Домохозяева обязаны сажать перед домом и вдоль улиц ивы, которые очень хорошо принимаются. На расстоянии 5 верст отсюда находится большой сад, именуемый «садом императрицы», в нем 80 тысяч всевозможных плодовых деревьев, которые процветают.

Херсон имеет около 3 тысяч жителей, большинство из них ремесленники, торговцы и крестьяне. Крестьяне здесь живут не земледелием, ибо во всех окрестностях весьма мало возделанной земли, а занимаются весьма прибыльным извозом, доставляя издалека, особенно из Польши, муку и прочие съестные припасы.

Полицейская часть здесь очень плоха, никто не безопасен даже в своем собственном доме. Здесь столько несчастных, влачащих самое жалкое существование, что нет ничего удивительного в том, что ежедневно приходится слышать о воровстве, грабежах и даже иногда об убийствах» [3, с. 172–177].

А сопровождавший императрицу французский посол де Сегюр оставил следующие впечатления о первом знакомстве с Херсоном: «После поездки по 400 верстному степному пространству нас неожиданно и приятно поразил вид Херсона. Но и без этого обстоятельства мы не могли не дивиться при виде стольких новых, величественных зданий. Мы увидели почти уже оконченную крепость, казармы на 800 000 человек (данные дипломата значительно преувеличены – В. Р.), адмиралтейство со всеми принадлежностями, арсенал, заключающий в себе до 600 орудий, два военных корабля и фрегат, снаряженные к спуску, публичные здания, воздвигаемые в разных местах, несколько церквей прекрасной архитектуры, наконец, целый город, уже торговый, с 2000 домов и лавками, полными греческих, константинопольских и французских товаров; в гавани его заходили и стояли до 200 купеческих судов. Если присоединить к этому 18 000 рабочих, блестящее войско, присутствие нескольких иностранных дипломатов и путешественников в стране, приобретенной Россией только со времени Кайнарджийского мира, которою занялись недавно и только три года пред тем освободили от татарских набегов, то можно себе представить, в какой степени зрелище это льстило самолюбию императрицы, и понятно удивление присутствующих и восторг, с каким они превозносили дарование и подвиги Потемкина» [2, с. 197–198].

Основные торжественные и официальные мероприятия планировалось проводить во дворце генерал-губернатора Новороссийского края Г. А. Потемкина (располагался на территории современного телецентра и парка «Херсонская крепость», был разрушен к концу 1920-х гг.). Для пребывания императрицы был построен путевой дворец на территории Адмиралтейства. Первыми впечатлениями о пребывании в Херсоне и об окружающей путевой дворец местности Екатерина делится в письме к Николаю Ивановичу Салтыкову от 14 мая 1787 г.: «... Мы еще жаркого дня не видали, но при теплом воздухе веют ветры прохладные, вишни отцвели, сирени в цветах под моими окошками; есть ли всего отписать, что здесь есть, то тетради надобны; крепость нынешним летом кончается, она не в пример лучше Киевской. Я живу противу адмиралтейства, из окон вижу три корабля военные, кои завтра спустим на воду; пять церквей каменных я уже видела, архитектуры самой хорошей, одна – посередине крепости. Дома мещанские таковы, что в Петербурге не испортят ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейских, понеже каменные» [5, с. 969].

Херсонские краеведы Пиворович В. Б. и Дяченко С. А. так описывали внешний облик путевого дворца: «Простое, ничем не примечательное снаружи здание, внутри было богато украшено петербургскими мастерами, выполнившими роспись и резьбу с золочением. Дворец располагался на прибрежном склоне Днепра перед небольшим садом... В день приезда Екатерина II посадила перед дворцом абрикосовое дерево¹, которое более века оставалось для херсонцев драгоценной реликвией. Справа и слева ко дворцу примыкали служебные пристройки, причем справа, то есть с востока, был построен так называемый «оперный дом» в два этажа с окнами, выходящими в сад. До наших дней это здание не сохранилось» [4, с. 20]. В 1834 г. в здании бывшего путевого дворца разместились классы Херсонского училища торгового мореплавания [8]. По данным автора, географически это место располагалось в Херсоне в районе современных строений по адресам: ул. Порт-Элеватор, 6 и ул. Гимназическая, 32А, 32Б, 32В (рис. 2).

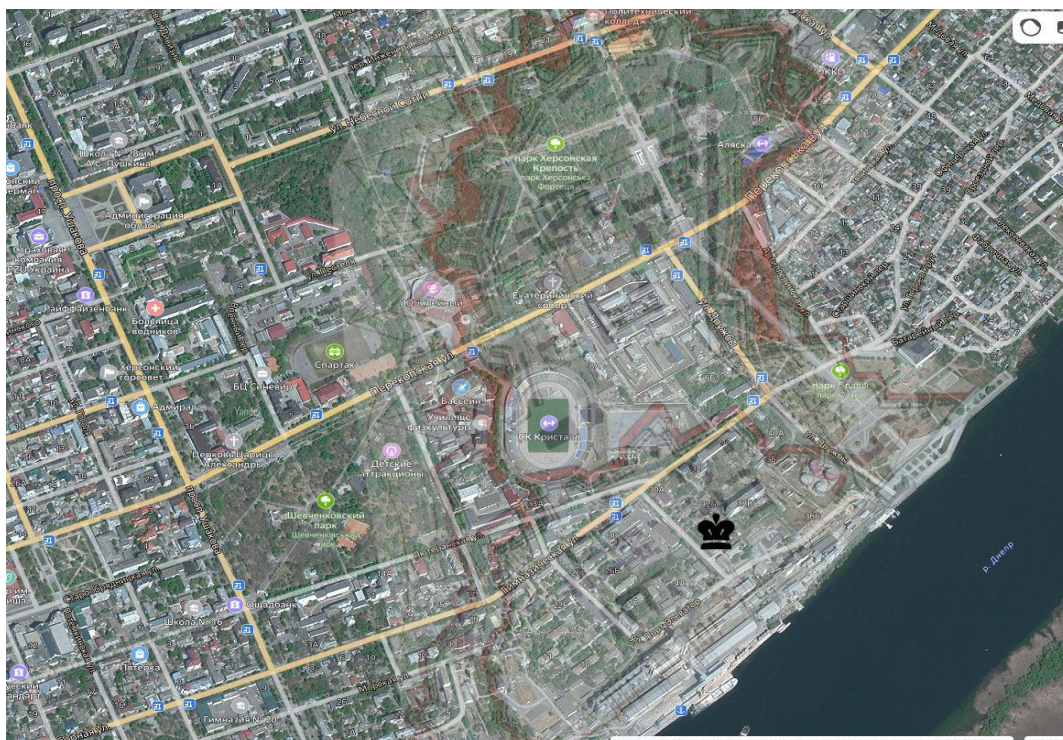

Рис. 2. Ортофотоплан современной застройки Херсона с наложенными контурами Херсонской крепости (на основании карты 1790-х гг.) с указанием месторасположения путевого дворца Екатерины II.

¹ Отметим, что вслед за абрикосовым деревом, по народной молве императрица принялась за высадку тутовых деревьев в Крыму. По мнению автора, информация о высадке деревьев на различных этапах маршрута в Крым носит легендарный характер и не имеет документального подтверждения.

Обратимся непосредственно к хронике пребывания Екатерины II в Херсоне. В соответствие с данными «Журнала высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России, в 1787 году» авторства кабинет-секретаря Ее величества А. В. Храповицкого (далее – Журнал), в Херсон императрица вместе с австрийским императором Иосифом II (он же – граф Фалкенштейн) 12 мая (23 мая по новому стилю) «прибыть изволила в 7 часу вечера при пушечной пальбе, с крепости производимой». Отметим, что Днепровский водный путь из Киева для Екатерины и ее многочисленной свиты завершился в районе места впадения реки Ингулец в Днепр у современного с. Садового в 17 верстах от Херсонской крепости. В месте пересадки свиты на сухопутный транспорт императрицу встречали и приветствовали жители Херсона и ближайшей округи. Сопровождение и безопасность императорского кортежа обеспечивал эскадрон Александрийского легкоконного полка. На подъезде к Херсонской крепости с обеих сторон дороги с барабанным боем и музыкой кортеж государыни приветствовал личный состав Козловского, Рясского, Тамбовского, Муромского, Курского, Полоцкого, Херсонского и Елецкого пехотных полков. По всей вероятности, в крепость императрица въехала через сохранившиеся до настоящего времени Московские (Санкт-Петербургские) ворота (рис. 5).

Граф де Людольф так описывал приезд Екатерины в Херсон: «23 мая, в день, назначенный для приезда императрицы, с 12 часов дня по всему пути, начиная от военного предместья и до дворца государыни, на пространстве в три версты, был расставлен шпалерами гарнизон под командой офицеров различных полков, знамена были развернуты и музыка была наготове, чтоб играть. В 6 часов пушечный выстрел возвестил о прибытии ее величества; впереди нее ехали верхом многочисленные конногвардейцы. Она подвигалась шагом среди рядов солдат, при восторженных кликах всего собравшегося ее видеть народа, при колокольном звоне и 101 пушечном выстреле, которым ей салютовала крепость. Государыня ехала в шестиместной карете. По правую ее руку сидел граф Фалькенштейн с князем Потемкиным, против нее помещались ее фрейлина графиня Браницкая, посланник императора и флигель-адъютант генерал Мамонов. За каретой государыни следовало еще несколько карет, в которых находились дамы и кавалеры ее свиты. Согласно обычаю, прежде всего императрица вошла в церковь. Затем она проехала к адмиралтейству и отсюда проследовала в приготовленный для нее дворец. Некоторое время она пробыла в зале и затем в саду, потом удалилась во внутренние покои» [3, с. 178].

После участия в молебне в Храме Святой Великомученицы Екатерины на территории Херсонской крепости, посещения своих покоев, вечером императрица отправилась со свитой на ужин во дворец Г. А. Потемкина, где также состоялась встреча со Станиславом Понятовским и только прибывшим из Стамбула послом Булгаковым [7, с. 64–65]. Свои первые впечатления о Херсоне Екатерина II изложила на следующий день в письме генералу Еропкину: «13 мая 1787, Херсон. Вчерашний вечер, часу в шестом, мы приехали в здешний город. Дитя сие не

существовало восемь лет назад. Сначала мы приехали в каменные казармы шести полков; потом повернули направо, въехали в крепость, которая состоит в отделке, совсем поспеет в нынешнее лето, и несравненно лучше Киево-Печерской. Внутри крепости военные строения, многие окончены, некоторые приводятся в отделку. Церковь каменная прекрасная. Когда я говорю каменная, не подумайте, чтобы под сим разумелся кирпич. Здесь иного камня не знают, как тот, который, вынув из земли, кладут в стену. Он крепче плиты и сырости не принимает. Выехав из крепости, повернули мы в адмиралтейство, в котором все магазины строения каменного, покрыты железом. На стапелях нашли мы готовый 80-ти-пушечный корабль, который в субботу, Бог даст здоровье, спустим на воду. Возле сего 60-ти-пушечный готовый; возле сего фрегат 55-типушечный. Сии корабли, из моего дома, и из той комнаты, в которой к вам пишу, видны, и сад сего дома возле адмиралтейства и стапели. Купеческого города, который с другой стороны составляет предместье, я еще не видала, но сказывают, не хуже. Народа здесь, кроме военных, великое множество, и разноязычные с большей части Европы. Я могу сказать, что мои намерения в сем краю приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без достодожной похвалы. Усердное попечение везде видно, и люди к тому избранны способные» [1, с. 320–321].

Рис. 3. Херсонская верфь (1780-1790-е гг.). Диорама Херсонского краеведческого музея. Фото В. Л. Руева, 15.01.2014.

13 мая (24 мая по н.с.) с утра во дворце Г. А. Потемкина был проведен прием представителей дипломатических миссий, а также военной и гражданской администрации Херсона. Прием завершился роскошным обедом на 90 персон под музыкальное сопровождение [7, с. 65–67]. Представленный этим утром Екатерине II граф де Людольф получил приглашение для участия в обеде и оставил следующие воспоминания: «10 часов утра императрица появилась в приемной зале, и тогда я имел честь быть ей представлен точно так же, как и все находившиеся в Херсоне иностранцы. Придворный маршал князь Барятинский пригласил меня к столу императрицы. Императрица и граф Фалькенштейн беседовали со всеми присутствующими, поочередно разговаривая с каждым и прогуливаясь с одного конца комнаты до другого. Стол в форме подковы был накрыт на сто кувертов в великолепной нарочно для сего случая выстроенной и с большим вкусом убранной зале. В глубине залы помещался оркестр во 160 человек музыкантов, считая инструменты и голоса. Инструменты состояли из различных величин труб, очень похожих на органные трубы. Каждый музыкант извлекает только один звук из своего инструмента, а все вместе производит великолепное впечатление. Эта музыка особенно хорошо аккомпанирует песню. Исполнялись прелестные пиесы. Оркестр этот принадлежит князю Потемкину, купившему его за 50 тысяч рублей у графа Румянцева. Вся эта труппа принадлежит к свите императрицы, а директором у них состоит знаменитый капельмейстер Сарти. Стол ее величества был обильно снабжен всем, что в состоянии доставить страна, но тут не было ничего чрезвычайного, ничего тонкого. Были очень плохая вина, но зато великое множество всевозможных русских напитков. После обеда императрица с графом Фалькенштейном и несколькими придворными объезжала город. Вечером было собрание, продолжавшееся до 8 часов» [3, с. 179]. Вечерняя прогулка по Херсону подтверждается и данными «Журнала»: на восьмиместном фэртоне с придворными императрица осмотрела городскую застройку за пределами крепости, а также садовые и лесные насаждения [7, с. 67].

14 мая (25 мая по н.с.) императрица провела день в формате отдыха и экскурсий. С утра состоялся прием придворных, а также императрица амнистировала 48 каторжан. Обед состоялся в селе Белозерка, принадлежащему Александру Андреевичу Безбородько. Екатерину и графа Фалькенштейна угощал лично хозяин [7, с. 68]. Граф де Людольф так описал эту прогулку: «25-го императрица со всем двором отправилась обедать в деревню графа Безбородко, Белозерку, на Днепре, в 20 верстах отсюда. До ее отъезда было собрание, около 11 часов императрица села в лодку в адмиралтействе. Вся дорога, по которой она должна была пройти к реке, была устлана красным сукном. При ее лодке находилось 14 человек роскошно одетых гребцов; над лодкой возвышался красный бархатный балдахин с золотыми галунами, внутри же все было обито и убрано самыми драгоценными константинопольскими и индийскими тканями. Все прочие лодки были менее великолепны, но все нарядны и чисты. Флотилия эта отплыла при громе артиллерийских орудий; она производила чрезвычайно красивое впечатление.

Часам к четверем вечера флотилия вернулась и ее величество рано удалилась к себе» [3, с. 179–180].

15 мая (26 мая по н.с.) стал самым знаковым и торжественным за все время пребывания императрицы в Херсоне. «Журнал» очень сухо сообщает общую канву этого субботнего дня: в присутствии Екатерины II и графа Фалкенштейна на воду были спущены два 80-пушечный и 66-пушечных линейных корабля «Иосиф II» и «Владимир» и 50-пушечный фрегат «Александр» (рис. 3).

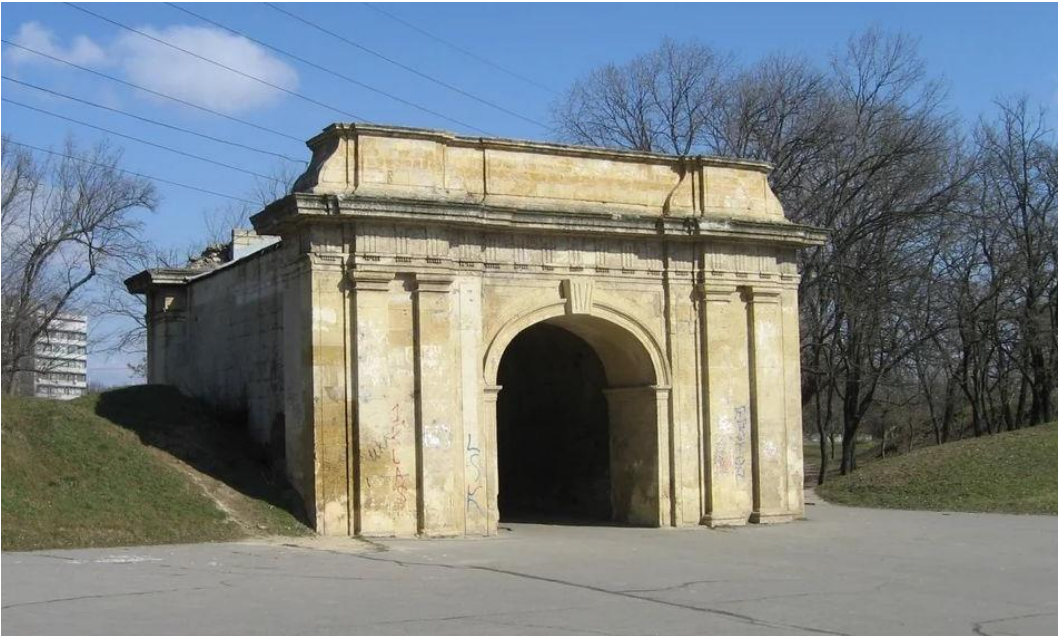
Рис. 4. Екатерина II в Херсоне. Экспозиция Херсонского краеведческого музея. Фото В. Л. Руева, 15.01.2014.

Граф де Людольф во всей красе описал грандиозность этой церемонии: «26-го я присутствовал при самом великолепном в мире зрелище, так как в этот день был назначен спуск военных кораблей. По моем приезде в Херсон, я не мог себе представить того, чтоб эти суда могли быть готовы к прибытию императрицы, но работали так усердно, что к назначенному сроку все было готово. 80-пушечный корабль был едва начат в январе, но так как не следует довольствоваться только одною внешностью, то я могу вас уверить, что и сейчас за ним еще есть работа на шесть месяцев, потому что все сделано только на скорую руку. Тем не менее, я был

поражен прилагаемою ко всему деятельностью. Это страна вещей удивительных и я их всегда сравниваю с тепличными произведениями, только уж не знаю, будут ли они долговечны. В 11 часов утра мы явились ко двору; весь гарнизон был в парадной форме. Ее величество во флотском мундире в сопровождении графа Фалькенштейна и всего двора в парадных мундирах двинулась в путь пешком при запахах артиллерийских орудий и громе военной музыки всех полков. Весь путь царицы был устлан красным сукном. Ее величество спустилась на плавучую галерею, которая была прикреплена к лестнице и которая нарочно для сего случая была построена; она состояла из двух больших покоев, окруженных золоченою балюстрадой. В первом покое был накрыт стол с великолепным завтраком. Второй покой был великолепно меблирован самыми богатыми константинопольскими и индийскими тканями. Здесь находился турецкий диван, то есть наложенные один на другой большие тюфяки из этих тканей, на нем было устроено нечто вроде трона с балдахинном, украшенным тюрбанами, полумесяцами и страусовыми перьями. Все стены и колонны были вызолочены и отделаны самым изящным образом. Вся эта галерея была покрыта обширным навесом, обшитым золотыми и серебряными галунами и бахромой. Эта галерея помещалась между двумя кораблями. Рядом с нею находилась еще другая обширная галерея для дам и кавалеров свиты, она была самым удивительным образом убрана всем, что есть самого красивого и самого богатого в отношении восточных тканей. Берега Днепра были покрыты несметною толпой, что придавало еще более интереса общему виду. Около полудня был подан сигнал и первый корабль поплыл при громе артиллерийских орудий и кликах всех зрителей. Менее чем в двадцать минут с тою же легкостью были спущены и два другие корабля. Император Иосиф и весь двор поздравляли императрицу с таким успехом, государыня спросила у императора по-немецки о том, что он думает об ее хозяйстве? Но он ограничился тем, что ответил ей глубоким безмолвным поклоном, предоставив зрителям истолковывать по своему усмотрению это весьма двусмысленное выражение того, что он думает!

Ее величество назвала 80-пушечный корабль Иосифом II. Затем в галлерею она допустила к своей руке начальников адмиралтейства и строителя, которому следует с каждой пушки по три рубля, которые ему и были вручены на серебряном блюде. Строитель русский и никогда не выезжал из своего отечества, но, по-видимому, он хорошо знает свое дело, потому что знатоки говорят, что корабли эти очень хорошо сооружены.

Императрица воспользовалась этим случаем, чтобы сделать несколько повышений по службе и оказать различные милости военным. По окончании церемонии она села в лодку, чтоб объехать гавань и вернулась тем же порядком, предшествуемая своими камергерами. До обеда было собрание, и государыня и граф Фалькенштейн опять беседовали со всеми присутствовавшими. Около 2 часов был обед на сто кувертов, та же музыка, а вечером происходило собрание до 8 часов. После этого все свободны отправляться, куда кому хочется. Обыкновенно заходят к князю Потемкину, где иногда и ужинают [3, с. 180–181].

Рис. 5. Московские (Санкт-Петербургские) ворота Херсонской крепости (по материалам сайта <https://photogoroda.com>).

16 мая (27 мая по н.с.) началось с литургии в церкви Святой Великомученицы Екатерины, проводимой Архиепископом Екатеринославским и Херсонским Амвросием [7, с. 68] (рис. 6). «В воскресенье 27-го происходило богослужение. Вся эта церемония продолжалась более часа и императрица, и граф Фалькенштейн при ней присутствовали. Государыня обнаружила большую набожность, молясь пред каждым образом, которых в храме было очень много. Количество этих образов столь велико, что их видно повсюду. В русских домах, во всех комнатах есть образа и накануне больших праздников пред ними зажигаются восковые свечи. Образов наставили по всем комнатам императрицы. После богослужения снова был большой обед», – отмечал граф де Людольф [3, с. 180–181]. В этот день императрица раздавала приближенным и представителям военной и гражданской администрации Херсона, флотским экипажам и командирам ценные подарки, новые звания, должности, поместья. Солдатам гарнизона было роздано около 23 тыс. рублей.

Вечером состоялся бал, на который также были приглашены жены чиновников. Неаполитанцу де Людольфу это мероприятие показалось особенно скучным, однако описал его достаточно подробно: «Вечером императрице представлялись херсонские дамы, а после того был бал по этикету, самый скучный и самый монотонный из когда-либо виденных мною. Обер-шталмейстер Нарышкин открыл бал польским минуэтом и танец продолжался по порядку, рангам и чинам; после минуэта следовал русский контрданс. В это время императрица играла в вист с

князем Потемкиным, английским министром и министром императора. Как только она поднялась со своего места, музыка прекратилась и к 8 часам бал окончился; херсонские дамы отправились танцевать в другое место» [3, с. 181–182].

Рис. 6. Екатерининский собор в Херсоне. Фото начала XX в.

17 мая (28 мая по н.с.) стал завершающим днем пребывания в Херсоне. «Рано по утру все явились ко двору пожелать доброго пути императрице. В 11 часов был большой обед, а в 1 час пополудни ее величество с частью своей свиты двинулась в Крым», – отметил в своем дневнике де Людольф [3, с. 182]. А далее рационально заметил: «после отъезда двора Херсон стал похож на настоящую пустыню и особенно чувствуется та пустота, которая всегда ощущается после большой суеты» [3, с. 182] (рис. 4).

Подведем итоги пребывания Екатерины II, ее свиты и зарубежных гостей в Херсоне. Херсон по настоящему удивил высокой степенью готовности фортификационных сооружений, верфи, городской застройки, деловой активностью населения. Фактически столь длительный период пребывания в этом городе императрицы¹ объясняется желанием и поверить, и проверить, что созданный в «чистом поле» в низовье Днепра город стал настоящей колыбелью флота и знаковым опорным пунктом на южных рубежах России. Здесь на смену заявляемым

---

¹ В общей сложности, в Херсоне Екатерина провела больше времени, чем в бывшей столице Крымского ханства Бахчисарае.

планам и проектам впервые публично продемонстрирована реализация амбиций Российской империи на южном фланге.

Херсон подарил первые впечатления об этих амбициях и оставил опасения чрезмерного усиления России на Черном море в умах зарубежных дипломатов. А вот дальнейшая поездка в Крым заставит иностранные посольства поверить в реалии страшного сна международной политики 80-х гг. XVIII в. – Российская империя становится ключевым игроком в черноморском регионе.

Список использованных источников и литературы

1. Ишимова А. Путешествие Екатерины II в Крым // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – 1839. – Т. 16. – № 64. (Цит. по <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/EkaterinaII/ZCVVUZ/2/text.htm> - проверено 21.05.2023).
- Ishimova A. Puteshestvie Ekateriny II v Krym // Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedenij. – 1839. – Т. 16. – № 64. (Cit. po <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/EkaterinaII/ZCVVUZ/2/text.htm> - provereno 21.05.2023)
2. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). – СПб., 1865. – 389 с.
- Zapiski grafa Segyura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785–1789). – SPb., 1865. – 389 s.
3. Людольф де Письма о Крыме // Русское обозрение. – 1892. – Т. 2 (март). – С. 155–201.
- Lyudol'f de Pis'ma o Kryme // Russkoe obozrenie. – 1892. – Т. 2 (mart). – S. 155–201.
4. Пиворович В. Б., Дяченко С. А. Улицами старого Херсона. – Херсон, 2002. – 196 с.
- Pivorovich V. B., Dyachenko S. A. Ulitsami starogo Khersona. – Herson, 2002. – 196 s.
5. Письма императрицы Екатерины II к Н. И. Салтыкову, 1763–1796 // Русский архив: историко-литературный сборник. – М., 1864. – С. 926–988.
- Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k N. I. Saltykovu, 1763–1796 // Russkij arhiv: istoriko-literaturnyj sbornik. – M., 1864. – S. 926–988.
6. Собственноручная записка Императрицы Екатерины II князю Г. А. Потемкину о построении Херсона и о необходимости овладеть впоследствии Очаковым // Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1880. – Т. 27. – С. 154.
- Sobstvennoruchnaya zapiska Imperatritsy Ekateriny II knyazyu G. A. Potemkinu o postroenii Khersona i o neobhodimosti ovladet' vposledstviu Ochakovym // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. – SPb., 1880. – Т. 27. – S. 154.
7. Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. – М., 1787. – 137 с.
- Hrapovickij A. V. Zhurnal vysochajshego puteshestviya ee velichestva gosudaryni imperatritcy Ekateriny II, samoderzhitcy Vserossijskoj, v poludennye strany Rossii v 1787 godu. – M., 1787. – 137 s.
8. <http://www.morehodka.ru/story.php> – сайт «Выпускники Херсонской мореходки» (проверено 21.05.2023).
- <http://www.morehodka.ru/story.php> – sajt «Vypuskniki Hersonskoj morekhodki» (provereno 21.05.2023).

Ruev V. L. Chronicle of the stay of empress Catherine II in Kherson in May 1787

The article presents the details of the stay of Empress Catherine II in Kherson from May 23 to May 28 (new style), 1787. Visiting Kherson on the way to the Crimea becomes one of the brightest stages not only in the whole journey to the «Noonday Land», but also an important moment for demonstrating the new capabilities of the Russian Empire on its southern borders in the eyes of foreign diplomats. Based on the letters of Catherine II, the journal of her cabinet secretary A. V. Khrapovitsky, the memoirs of diplomats de Segur and de Ludolf managed to reconstruct in detail the details of the stay of the Empress and her entourage in

*ХРОНИКА ПРЕБЫВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
В ХЕРСОНЕ В МАЕ 1787 Г.*

Kherson, as well as the historical geography of this visit. It is concluded that after visiting this important stronghold in the south of Russia, Kherson gave foreign diplomats their first impressions of the undeniable fact of Russia's strengthening on the Black Sea and the Empress' real expansionist ambitions.

Keywords: Russia, Kherson, Catherine II, historical geography, XVIII century, Khrapovitsky A. V., de Ludolf, de Segur.

УДК 94(477.75) «1941 /1945»

О ПОПЫТКАХ СОЗДАНИЯ ОУН В СИМФЕРОПОЛЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ: ПО ДОКУМЕНТАМ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Тарнягина Е. А.

*Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
E-mail: janesmils@mail.ru*

На основе ранее неизвестных документов органов безопасности, из показаний членов ОУН, исследуется структура ОУН в Симферополе, система «проводов», цели и задачи мельниковцев и бандеровцев. Подчеркивается, что деятельность ОУН в Симферополе целиком зависела от интересов немецких оккупационных властей. Немцы не были заинтересованы в самостоятельности ОУН, считая Крым исключительно сферой своих интересов. Изначально в планах немецко-фашистских оккупантов не было и речи о создании «самостоятельной Украины», они только использовали «национальный вопрос» в своих интересах. В Симферополе были созданы «украинский стол», «бюро помощи украинскому населению», а затем «украинский комитет». Деятельность этих организаций была кратковременной и мало успешной. Раскрыты преступления руководителей и членов ОУН в Симферополе совместно с немецкими карателями. Исследование является дополнением к ряду статей и монографий на тему украинского национализма в Крыму. В статье выделен ряд причин, почему попытки навязать украинский национализм в Крыму окончательно провалились.

Ключевые слова: Вторая мировая война, ОУН, украинский национализм, нацистская оккупация, Крым.

В ноябре 1941 года семь украинских националистов вместе с передовыми частями немецких войск прибыли в Крым в составе «Походной подгруппы «Крым»» с целью создания на полуострове подразделений Организации украинских националистов (ОУН). Трое из них остались в Джанкое, остальные во главе с С. М. Теслей и И. Т. Янчишиным отправились в Симферополь. Походные группы держались обычно в тылу наступающих немецких войск [2, с. 256]. Их члены состояли на службе вермахта в качестве переводчиков при немецких воинских частях (как С. М. Тесля, И. Т. Янчишин), сотрудников рабочих команд и «экономических штабов». Помимо подразделений ОУН в Симферополе и Джанкое, также районные организации были созданы в Ялте, Алуште и Бахчисарае, в состав которых входили по три представителя центра ОУН [3, л. 94].

Структура ОУН представляла собой систему проводов. Центральный провод назначал областного проводника, которому на месте были подчинены звеньевые старшие, в каждом звене было по три человека вместе с звеньевым. Между центральным и областным проводом поддерживалась связь через своих связных. Областной проводник имел при себе несколько законспирированных (по большей части западников) членов организации, работающих в немецкой вспомогательной полиции переводчиками (как Вольчак Григорий), целью которых являлось

обеспечение безопасности организации. Областной проводник имел непосредственный контакт только со звеньевыми. Члены звеньев не должны были знать областного проводника, а также членов других звеньев [3, л. 234].

ОУН Крыма возглавляли проводники «ОУНовского центра»:

Степан Тесля.

Иван Янчишин. В 1943 году он был отозван в Днепропетровск в провод Южного края ОУН.

Катя Мешко или «Ольга». В мае 1943 года возглавила Крымский провод ОУН, и уже в сентябре 1943 года выехала на Украину.

Леонид Григорьевич Ларжевский. 15 октября 1943 года он выехал в город Николаев вместе с Г. Вольчаком. На этом деятельность ОУН Крыма прекратилась.

В программу ОУН(б) (б – бандеровцы, м – мельниковцы) входило создание вооруженных сил Украинской повстанческой армии (УПА) во всех районах и населенных пунктах Украины, а также в Крыму, который они считали частью украинской территории. Планировалось дожидаться момента, когда Советский союз в войне с фашистской Германией ослабнет, после чего по заданию центрального руководства ОУН на Украине и в Крыму поднять всеобщее вооруженное восстание. Предполагалось, что после захвата основных коммуникаций на Украине, складов с оружием и продовольствием, при поддержке других капиталистических стран, бандеровцы смогут пойти в наступление против частей Красной Армии, свергнуть Советскую власть и установить буржуазную республику на Украине [3, л. 88].

С самого начала одной из основных задач ОУН(б) в Крыму являлось развертывание националистической агитационной и пропагандистской работы среди украинского населения и втягивание его в бандеровское направление. По словам члена ОУН(б) В. А. Шарафана, «национальное сознание украинцев в Крыму ниже, чем на Украине, часть из этих украинцев обрусевшие, а поэтому необходимо было провести пропагандистскую работу и распространение газет, организацию по Крыму украинских концертов с целью довести национальные чувства украинцев Крыма до уровня населения Украины, и Крым присоединить к Украине» [3, л. 217].

В своих показаниях В. А. Шарафан отмечал, что бандеровская походная группа прибыла в Крым позже мельниковцев, к началу 1942 года, когда немцы уже создали местные органы власти. К тому времени в Симферополе ощущалось большое влияние мельниковцев [3, л. 225–226]. Чем отличались ОУН(б) и ОУН(м)? Эти объединения преследовали одну и ту же цель – создание самостоятельной Украины. В своей идеологии бандеровцы ставили задачей борьбу с большевиками и немцами, а мельниковцы шли по пути союза с фашистской Германией, считая, что последняя при борьбе над большевиками и захвате Украины даст ей независимость [1, с. 360]. Однако на практике, и бандеровцы, и мельниковцы активно сотрудничали с нацистскими спецслужбами, служили в добровольческих батальонах и вспомогательной полиции «СД», работали в подконтрольных немцам органам местной власти, реализуя репрессивную политику нацистов на оккупированных территориях.

Осенью 1941 года группа из 14 человек мельниковского течения по заданию центра ОУН прибыла в Крым вместе с 22 немецкой дивизией. Согласно показаниям участника событий, члена ОУН(м) Виктора Артемовича Максимюка, группу мельниковцев возглавил Василий Нацюк, снабженец националистической литературой. Прежний глава группы Борис Евгеньевич Суховерский был ранен на Украине и остался в госпитале в городе Николаеве до весны 1942 года. На территории оккупированной советской Украины и Крыма организация занималась националистической пропагандой в духе сотрудничества украинского народа с фашистской Германией. Максимюк с середины 1942 года был занят работой в украинском театре, приносил в театр националистическую литературу и распространял её среди артистов [1, с. 366].

Мельниковцы не только занимались пропагандой нацизма среди населения, распространяя националистическую литературу и выступая на общественных собраниях, призывая украинцев к борьбе с Советским Союзом, но и непосредственно участвовали в немецких карательных операциях. Так среди мельниковцев был известен некий гражданин Л. Оккупационная власть назначила его управдомом 13-ти домов в Симферопольской городской управе в Симферополе. Гражданин Л. составил и передал полиции списки на 150 человек советских граждан еврейской национальности, в том числе стариков, женщин и детей, которых немцы вывезли за город и в противотанковом рву расстреляли [3, л. 120]. По его доносу была арестована женщина еврейка с ребенком и доставлен в полицию военнопленный еврей.

Также из документов архива УФСБ по Республике Крым и городу Севастополю стало известно о преступлениях мельниковца гражданина Ч. В сентябре 1941 года он поступил на службу в качестве уполномоченного немецкой части ВИКО по горуправе и написал заявления на двух советских граждан, которых после этого нацистские карательные органы арестовали и расстреляли [3, л. 102–106].

Украинские националисты в Симферополе, сосредоточившись, в основном, в Управлении Симферопольского ВИКО, могли развернуть задуманную работу по организации украинского населения только под полным немецким контролем. Немцы не были заинтересованы в самостоятельности ОУН, считая Крым исключительно сферой своих интересов. Изначально в планах немецко-фашистских оккупантов не было и речи о создании «самостоятельной Украины», они только использовали «национальный вопрос» в своих интересах.

Представители ОУН должны были действовать только в интересах политики нацистов, скрытно осуществляя задуманное. Так под видом помощи украинскому населению был создан вначале «украинский стол», после «бюро помощи украинскому населению», а затем «украинский комитет». Задачей украинского комитета стала организация всех украинцев, проживающих в Крыму (на тот период около 30% населения). Для распространения своего влияния на население планировалось, чтобы во всех основных организациях и учреждениях Крыма были украинцы, начиная с городской управы – городской голова, или, в крайнем случае, его заместителем должен быть украинец, заведующими отделами горуправы также

должны быть украинцы. Русский народ в Крыму следовало отстранить от всякой общественно-политической жизни и руководства. Было решено держать курс на украинизацию населения, с этой целью велась его перерегистрация специальной комиссией. Украинцы, которые по паспорту значились русскими, проходили перерегистрацию и вместо национальности «русский» ставилось «украинец» [3, л. 200–201].

По показаниям Максимюка, в украинском комитете ведущая роль принадлежала бандеровцам, мельниковцев в комитете не было. В его состав от 27 сентября 1942 года входили [3, л. 229]:

Николай Шапарь – председатель комитета;
Владимир Антонович Шарафан – заместитель председателя;
Иван Янчишин – культмассовый отдел, работа в театре;
Исаев – бытовые вопросы;
Колесниченко – хозяйственные вопросы;
Цышкевич – был в резерве.

О заместителе председателя, из архивных документов, стало известно следующее. Владимир Антонович Шарафан, находясь на фронте, 5 ноября 1941 года в районе Судака сдался в плен немецко-румынским войскам. Пробыв некоторое время в лагерях для военнопленных, он вернулся жить в оккупированный немцами Симферополь. В декабре 1941 года стал работать в городской управе Симферополя. Познакомился с Петром Никитенко, одним из руководящих участников ОУН Крыма, кем и был завербован в июле 1942 года в ОУН (б) [3, л. 214]. По заданию Центрального проводя ОУН Шарафан принимал активное участие в создании украинского комитета в городе Симферополе, проводил вербовку новых членов в ОУН.

Шарафан был содержателем конспиративной явочной квартиры ОУН. В его доме в большом количестве хранились ОУНовские листовки и другая литература. Шарафан подготовил националистическую брошюру, написал листовку – обращение к татарскому населению с призывом к объединению с украинцами для совместной борьбы за создание самостоятельных национальных государств. Также через татар даже планировалось завязать дружественные отношения с Турцией [3, л. 227]. Шарафан организовал украинскую среднюю школу [3, л. 226]. По заданию ОУН пытался установить связь с крымскими партизанами и привлечь их на сторону ОУН, что закончилось провалом. За активную работу в Крымской ОУН летом 1943 года Шарафан был переведен Центральным проводом в город Львов на руководящую работу, но не сумел связаться с краевым проводом и возвратился в Симферополь.

Украинский комитет в Симферополе просуществовал всего 2 месяца, к практической работе не приступил, по словам В. А. Шарафана, из-за отсутствия помещения [3, л. 229]. Комитет с поставленными задачами кураторами из немецких спецслужб не справился и был ими ликвидирован. ОУН Крыма продолжила свою деятельность через «бюро помощи украинскому населению».

Используя украинский комитет как отправную точку для дальнейшей антисоветской националистической деятельности, ОУНовцами в Крыму в разное время были созданы: украинские театр, школа, магазин, ларьки, гончарные мастерские и подготавливалось открытие автокефальной церкви во главе со священником Чепелевским. Через эти основные точки в Крыму ОУН и развернула свою работу.

Директором украинской школы стал Иван Евгеньевич Тихонович. Он сознательно остался на оккупированной немцами территории Крыма, в январе 1942 года поступил работать корреспондентом в оккупационную газету «Голос Крыма», где переводил статьи антисоветского содержания. В 1942 году Тихонович установил связь с украинским комитетом, принимал участие в его заседаниях. Будучи ставленником немецкой пропаганды «штафель-Крым» и культотдела горуправы, в том же году он организовал украинскую школу и работал ее директором [3, л. 196–198]. Учащихся воспитывал в духе фашизма, соответственно изменяя содержание учебников по истории и географии. Тихонович был связан с сотрудником подразделения немецкой спецслужбы «СД» в г. Симферополя Крачковским и являлся его доверенным лицом, обеспечивая необходимой информацией о поведении учеников и учителей. Директор школы предоставлял ему списки учителей с их анкетными данными. После ареста учительницы Волошиной на запрос «СД» Тихонович дал ей характеристику как «советской учительнице». В итоге нацисты Волошину расстреляли [3, л. 204–207].

Дмитрий Иосифович Крачковский родом был из города Харькова, по специальности педагог. В Симферопольское «СД» прибыл в августе 1942 года из немецкого лагеря Хальбштат и был назначен переводчиком III Отдела и референтом. Крачковский занимался, главным образом, школьными делами. В конце 1942 года принимал участие в допросе арестованных из группы офицеров военнопленных, найденных румынской жандармерией в Керченских каменоломнях и переданных «СД». Впоследствии вся эта группа в числе 11 человек была передана немецкую полевую жандармерию, а оттуда в лагерь военнопленных и концлагеря. Две девушки из этой группы, направленные в концлагерь «Красный», были в 1943 году при массовой ликвидации лагеря расстреляны. Крачковский принимал также участие в массовых облавах, а именно в январе 1943 года, в связи с раскрытием подпольной организации Михаила Сокола. Двое участников этой организации после допроса нацистскими карателями были расстреляны [3, л. 208–210].

В 1943 году Тихонович организовал в театре украинский вечер, посвященный памяти композитора Лысенко. Он выступил на этом вечере с антисоветской речью, а хор исполнил националистический гимн «Ще не вмерла Украина». В том же году по его указанию все ученики украинской школы посетили выставку о победе немецких войск над Красной Армией. Тихонович отделом пропаганды Симферопольской горуправы был назначен руководителем секции курсов учителей в 1942 года в Алупке, где давал наставление учителям о воспитании учеников в духе фашизма.

Попытка создать автокефальную украинскую церковь в Крыму закончилась провалом. Леонтий Иосифович Чепелевский был для украинского комитета практически единственной кандидатурой, кто мог бы её возглавить. О Чепелевском известно, что проживая на оккупированной территории в городе Симферополе, в феврале 1942 года он поступил к немцам на должность инспектора хозотдела мельничного объединения, проверял работу пекарен, выпечку хлеба, обследовал мельницы. Летом 1942 года он, по предложению украинского комитета, согласился возглавить создаваемую автокефальную украинскую церковь, был произведен в сан священника. Открытие церкви всё же состоялось. По словам Тихоновича, «народа собралось много, много было священников, храм украшен по типу украинской церкви, на иконах висели длинные вышитые украинские полотенца. Чепелевский перед верующими выступил с проповедью» [3, л. 202]. Однако, не найдя должной поддержки у верующих, работа церкви была прекращена.

После того как украинский комитет прекратил свою работу, было создано «бюро помощи украинскому населению» при горуправе в первых числах июня 1942 года для оказания материальной помощи украинцам и устройства их на работу. Для этого при Бюро были открыты различные торговые и производственные предприятия [3, л. 82]. Первым председателем бюро с 15 июня по сентябрь 1942 года стал Петр Никитенко, после – Н. А. Шапарь (умер в июле 1943г.), последним был Цышкевич. Летом 1942 года бюро помощи производило предварительную регистрацию лиц, желающих выехать на Украину. Регистрационные списки просматривала комендатура, после чего выдавала разрешения на выезд из Крыма на Украину. Регистрация проводилась в городе Симферополе в помещении магазина «Консум» на втором этаже [3, л. 192]. Визы на выезд получены не были, но учет продолжался. Осенью 1943 года все предприятия «бюро помощи» были ликвидированы.

Гражданин К., в прошлом член партии «Бородьбистов» (украинская националистическая партия, вооруженным путем желавшая отделения Украины от России), руководил торговыми и производственными предприятиями, которые находились при бюро, откуда изымались средства на нужды ОУН. Он являлся заместителем директора украинского кооперативного общества «Консум» и его торговых точек, организованного руководящими участниками ОУН, прибывшими в первые дни оккупации Крыма, для зашифровки своей деятельности и оказания экономической помощи подполью ОУН. В этом магазине отовариваться могли только украинцы. Продавцами были члены ОУН: «Гришко», Тесля, Комар, а также бухгалтер Пашистый и Мария Колесник [3, л. 228].

Гражданин К. приобретал и прятал оружие для ОУН (при обыске у него на квартире был обнаружен автомат ПППШ с заряженным диском). Также он занимался распространением националистической литературы и вербовкой новых членов в ОУН [3, л. 96].

Заведующим магазином «Консум» через «бюро помощи» стал гражданин Г. В своих показаниях он сообщил, что в период оккупации Крыма поступил на службу к немцам на должность заведующего складом городской управы, где прослужил до

августа 1942г. Являясь членом ОУН, Г. имел тесную связь с представителями центра ОУН и предоставлял свою квартиру в городе Симферополе для обсуждения контрреволюционных и националистических идей [3, л. 108–116].

Делами торговли в горуправе ведал Сергей Павлович Курдыбанский. Находясь на оккупированной немцами территории в Симферополе, в июле 1942 года Курдыбанский познакомился с членами ОУН, поступил с помощью начальника «украинского стола» Никитенко на работу в Симферопольскую горуправу в качестве заведующего торговым, а затем хозяйственным отделом. Будучи на службе в горуправе, Курдыбанский отметил там внутреннюю борьбу между мельниковцами и бандеровцами. В начале 1943 года он вступил в члены ОУН, принимая участие в работе организации [3, л. 180–183]. Будучи заведующим торговым отделом, в первую очередь обеспечивал продуктами украинский магазин. Свою квартиру Курдыбанский предоставил одному из руководителей ОУН Крыма Янчишину для конспиративных встреч и хранения националистической литературы.

Весной 1943 года немецкие спецслужбы, понимая, что ОУН Крыма не справляется с поставленными задачами, арестовали Степана Теслю. Еще до своего ареста Тесля вынужден был отказаться от своих дальнейших попыток распространить влияние ОУН на украинское население в прибрежных районах Крыма: Ялта, Феодосия, Евпатория, так как в этот период предпринимались частые попытки со стороны командования Красной Армии высадки десантов и диверсионных групп, что заставило немцев установить осадное положение в этих городах. В начале 1943 года группа участников ОУН установила связь с Днепропетровским краевым проводом ОУН, до этого организация действовала по своему усмотрению. Узнав о положении Крымской организации ОУН, краевой провод дал указания Тесле принять срочные меры к сохранению кадров, отказавшись от активных проявлений и легальной деятельности в форме организации театров, украинских торговых обществ и приступить к созданию небольшой группы законспирированной деловой сетки ОУН [3, л. 154]. Для связи с крымской группой ОУН из Днепропетровска была командирована член южного краевого провода ОУН Катя Мешко («Ольга»). Ольге широко развернуть работу ОУНовского подполья не удалось. Она приехала к моменту ареста Тесли и в связи с этим в своей работе придерживалась большой осторожности. В середине 1943 года на смену Мешко в Крым был направлен Леонид Федосеевич Ларжевский.

Ларжевский вступил в ОУН в октябре 1941 года в Днепропетровске, был членом Южного краевого провода, завербовал несколько людей в ОУН, состоял заместителем начальника службы безопасности ОУН. В августе 1943 года Ларжевский прибыл из Украины в Крым для руководства деятельностью ОУН, пробыл до середины октября 1943 года – до момента окружения Красной Армией группировки немецких войск в Крыму. На момент его прибытия в Симферополь Крымская организация ОУН была слабой, Ларжевский должен был её восстановить. По его словам, областной провод ОУН организационно не был оформлен, не было районных организаций, не было соответствующих референтов при областном проводе. Ларжевский назначил в ОУН Крыма следующих украинских

националистов: Волошук стал организационным референтом ОУН Крыма, Шарафан – политическим референтом, некто «Иван» – референтом службы безопасности, «Роберт» – референтом службы безопасности и пропаганды областного провода ОУН. Кроме того последний был агентом немецких спецслужб [3, л. 156].

Из архивных документов известно, что «Иван» был военнослужащим немецкой армии, участником боев за Крым, служил переводчиком при немецком офицере военно-морской разведки войск «МАРИНЭ», а также являлся связным между крымской ОУН и краевым проводом ОУН, снабжал ОУН оружием.

За период работы областного провода Ларжевский завербовал в ОУН новых участников, работающих на немцев, занимался подготовкой и распространением листовок, выпуском воззвания к татарскому населению Крыма, приобретал оружие для нужд подполья [3, л. 157].

В итоге Ларжевский в конце октября 1943 года бежал из Крыма на Украину, рекомендуя членам ОУН при отступлении немцев из Крыма соблюдать конспирацию в тылу Красной армии, печатать и распространять воззвания к населению. С освобождением от немецких оккупантов Украинской ССР частями Красной Армии, Ларжевский, перейдя на нелегальное положение, продолжал активно проводить антисоветскую националистическую работу.

Одним из активных представителей ОУН(б) в Крыму являлся Михаил Андреевич Коробань, который в период оккупации Крыма поступил на службу к немцам и работал старшим инженером Управления МТС ВИКО Крыма. Находясь в этой должности, он восстановил работу МТС и подбирал руководящих работников по заданию ОУН, главным образом из украинцев. Подбор и расстановка кадров из украинцев, по словам Коробань, имело своей целью последующее вовлечение их в ОУН, чтобы в случае поднятия вооруженного восстания были охвачены и все остальные районы Крыма. Являясь членом ОУН, Коробань предоставил свою квартиру для конспиративного использования, где хранил националистическую литературу.

С приближением частей Красной Армии к территории Крыма, участники ОУН, боясь ответственности перед органами Советской власти за свои действия, в целях маскировки, решили внедрить своих лиц в партизанские отряды и подпольно-патриотические организации, действовавшие в тылу противника. Так, Коробань в 1943 году по заданию ОУН вошел в подпольно-патриотическую организацию группы, руководимой «Серго», и все ранее подобранные им кадры из украинцев выдал за подпольную патриотическую организацию, назвал себя её руководителем [3, л. 161–166]. 26 ноября 1943 года эта организация была вскрыта немцами и арестована вместе с «Серго», Коробань удалось бежать в лес к партизанам, где до дня ареста он скрытно проводил антисоветскую агитацию.

Анализируя ранее опубликованные и вновь представленные в научный оборот архивные документы Крымского Управления ФСБ России можно уверенно констатировать, что попытки создать бандеровское подполье в Крыму провалились. Несколько факторов стали тому причиной:

Крым признан был нацистами сферой интересов исключительно рейха;

Украинцы не стали той нацией, на которую немцы «делали ставку» в своей национальной политике в Крыму;

Организации, создаваемые украинскими националистами, должны были стать проводниками немецкой оккупационной политики по разделению различных народностей Крыма и разжигания межнациональной вражды;

Советские войска к осени 1943 года окружили группировки немецких войск в Крыму, что не позволило членам ОУН расширить и продолжить свою деятельность.

Но самой главной причиной заведомо неудачной деятельности ОУН в Крыму стало отсутствие почвы для развития украинского национализма. Украинцы в многонациональном Крыму не были доминирующей в численном отношении, политически и социально активной национальностью. По словам самих же организаторов ОУН, прибывших с западных регионов Украинской ССР, крымчане не вступали поголовно в ОУН, как это было на западе Украины. Те, кто менял национальность с русских на украинцев, в большинстве своём, делали это из-за возможности обслуживаться в созданных украинских магазинах.

Украинские националисты в Крыму, как мельниковцы, так и бандеровцы, для достижения своих националистических целей, действовали преступными методами, массово и беспринципно сотрудничали с немецко-фашистскими оккупантами, в сущности, реализуя нацистскую политику геноцида на территории полуострова. В одних случаях, работая в оккупационных органах и сотрудничая с «СД», украинские националисты составляли и передавали списки на советских активистов и евреев, которых в последующем арестовывали и расстреливали карательные органы. В других – активно спонсировали боевиков УПА, хранили и передавали им оружие, распространяли националистическую литературу.

Оценивая попытки создания организаций украинских националистов в Крыму в период немецко-фашистской оккупации, можно сделать вывод, что преступная деятельность и националистическая идеология не вызвала поддержки и понимания у населения многонационального полуострова. Непринятие крымчанами националистической идеологии и неонацистского режима на территории соседнего государства подтверждается в современный период событиями «Крымской весны» 2014 года и массовой поддержкой жителями Крыма целей проведения специальной военной операции на Украине.

Список использованных источников и литературы

1. Битва за Крым в документах органов государственной безопасности / Сост., отв. ред. И. Н. Верешков, С. Н. Ткаченко.– Симферополь: Н.Орианда, 2020. – 452 с.
Bitva za Krym v dokumentakh organov gosudarstvennoy bezopasnosti / Sost., otv. red-ry Vereshkov I. N., Tkachenko S. N. – Simferopol: N.Orianda, 2020. – 452 s.
2. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение, 1941–1944. – М. : Центрполиграф, 2014. – 414 с.
Romanko O. V. Krym v period nemetskoj okkupatsii. Natsionalnyye otnosheniya, kollaboratsionizm i partizanskoeye dvizheniye. 1941-1944. – M. : Tsentrpoligraf, 2014. – 414 s.
3. Архив УФСБ по РК и Севастополю. Ф. 100. Д. 16.
Arkhiv UFSB po RK i Sevastopolyu. F. 100. D. 16.

Tarnyagina E. A. About attempts to create oun in the Simferopol in period of the german-fascist occupation by the documents of the state security units

On the basis of previously unknown documents of the security services, from the testimony of OUN members, the structure of the OUN in Simferopol, the system of «wires», the goals and objectives of the Melnikov and Bandera are being studied. It is emphasized that the activities of the OUN in Simferopol depended entirely on the interests of the German authorities. The Germans were not interested in the independence of the OUN, considering Crimea to be exclusively a sphere of their interests. Initially, in the plans of the Nazi occupiers there was no question of creating an «independent Ukraine», they only used the «national question» in their own interests. In Simferopol were created «Ukrainian desk», «bureau of assistance to the Ukrainian population» and «Ukrainian committee». The activities of these organizations were short-lived and not very successful. The crimes of the leaders and members of the OUN in Simferopol together with the German punishers were revealed. The study is an addition to a number of articles and monographs on the topic of Ukrainian nationalism in Crimea. The article highlights a number of reasons why attempts to impose Ukrainian nationalism in Crimea finally failed.

Keywords: World War II, OUN, Ukrainian nationalism, Nazi occupation, Crimea.

УДК 327.82:341.717.5

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. С. ВОРОНЦОВА

Твердохлебов Н. И.

*Российская Федерация, г. Симферополь
E-mail: nick-aquarius@mail.ru*

Рассмотрена дипломатическая деятельность Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), которая до настоящего времени не являлась объектом научных исследований. Он с юных лет постигал азы дипломатии под руководством отца – российского посла в Лондоне Семена Романовича Воронцова. Первый дипломатический опыт Воронцов приобрел во время службы в армии, в том числе на посту командующего русским оккупационным корпусом во Франции в 1815–1818 гг. В качестве генерал-губернатора Новороссии был вовлечен в русско-турецкие отношения, в 1826 г. провел успешные переговоры о заключении Аккерманской конвенции. В 1826–1844 гг. Воронцов четыре раза посещал Великобританию, где общался с представителями правящих кругов, в том числе с герцогом Веллингтоном, с которым в течение многих лет поддерживал дружеские отношения. С 1845 г. в должности наместника на Кавказе принимал активное участие в русско-персидских отношениях.

Ключевые слова: Михаил Семенович Воронцов, дипломатическая деятельность, Восточный вопрос, русско-британские отношения.

Деятельность Михаила Семеновича Воронцова как на военном, так и на государственном поприще получила в последние десятилетия всестороннее отражение в отечественной научной литературе. Однако внимание исследователей до сих пор не привлекала его дипломатическая активность. Практически ничего неизвестно о его роли в русско-британских отношениях в 20–40-е годы XIX века, когда он неоднократно посещал в Англии своего отца и сестру и имел контакты с представителями правящих кругов.

Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) вырос в Лондоне, где его отец Семен Романович Воронцов (1744–1832) состоял российским послом. Он получил прекрасное домашнее образование и с юных лет постигал азы дипломатии: «Мальчиком Михаил Семенович был уже *au courant* (в курсе – Н. Т.) современных политических вопросов. Отец, болевший глазами, диктовал часто 12-летнему «Мишеньке» письма и депеши, посвящая его в частности предмета, и то, что другим могло быть известно из пятого в десятое из газет, мальчик, стоявший, так сказать, у лаборатории, где изготовлялись политические вопросы, знал подробно и хорошо» [1, с. 66]. С. Р. Воронцов познакомил сына с «разными влиятельными людьми в области политики и международных отношений, такими как лорд Веллингтон и лорд Кэткарт, граф Пемброк, сэръ Джон Малкольм и Роберт (позднее сэръ Роберт) Вильсон» [2, с. 7–8].

М. С. Воронцов сделал первые шаги на дипломатическом поприще на военной службе в России, где с 1803 года он участвовал в военных действиях на Кавказе. По заданию главнокомандующего князя Павла Дмитриевича Цицианова поручик лейб-гвардии Преображенского полка М. С. Воронцов отправился в марте 1804 г. в Гори

для переговоров с царем Соломоном о принятии Имеретии в российское подданство. Фактически никаких переговоров Воронцов не вел, а просто передал Соломону проект прошения к Императору Александру I, в котором заключались условия подданства, не подлежащие изменению. Эти условия не были приняты, хотя Соломон выразил желание просто присягнуть без всяких условий. Переговоры были продолжены лично Цициановым и 25 апреля 1804 года царь Соломон со всем имеретинским народом принес присягу российскому императору [3, с. 157–158, 163].

С сентября 1805 г. М. С. Воронцов служил бригад-майором в экспедиционном корпусе генерал-лейтенанта П. А. Толстого, который был послан на помощь Пруссии в войне с Наполеоном. В ноябре 1806 г. командующий отправляет Воронцова к королю Пруссии с поручением наладить связь между Фридрихом Вильгельмом III и русскими войсками. Однако согласованных действий союзников не удалось добиться [4, с. 54].

После поражения Франции М. С. Воронцов был назначен Александром I командующим русским оккупационным корпусом. В рескрипте от 12 сентября 1815 г. император среди прочего указал на «умение полюбовно улаживать все вопросы, наилучшие отношения с другими союзными войсками, с которыми Вы будете иметь контакт» [5, с. 514]. Немаловажным было и то, что у Воронцова сложились хорошие отношения с герцогом Веллингтоном, назначенным командовать всеми оккупационными войсками. По свидетельству Н. И. Лорера «Веллингтон о нем справедливо отнесся, назвав звездой России» [6, с. 285–286]. Эти отношения еще более укрепились за три года службы во Франции. Герцог Веллингтон был посаженным отцом невесты на свадьбе М. С. Воронцова и Е. К. Браницкой, которая состоялась в Париже 20 апреля 1819 г. [7].

Осенью 1818 г. М. С. Воронцов участвовал в работе Аахенского конгресса, на котором решались вопросы вывода оккупационных войск из Франции и системы отношений между четырьмя великими державами – Великобританией, Австрией, Пруссией и Россией. Таким образом, во Франции Воронцов приобрел связи и дипломатический опыт, которые пригодились в его дальнейшей государственной деятельности.

19 мая 1823 года М. С. Воронцов был назначен Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. Само расположение подвластных ему территорий на границе с Османской империей подразумевало не только вовлеченность в русско-турецкие отношения, но и в решение Восточного вопроса в широком смысле.

В июле – сентябре 1826 г. российская делегация во главе с М. С. Воронцовым и А. И. Рибопьером вела переговоры с уполномоченными Оттоманской Порты в Аккермане. В результате удалось добиться всех намеченных целей: за Россией закреплялись города Анаклия, Сухум и Редут-Кале, российские купцы получили право беспрепятственной торговли по всей Оттоманской империи, устранены помехи в использовании проливов в торговых целях, расширены права Сербии и Дунайских княжеств. 30 сентября 1826 г. за успех переговоров в Аккермане с

М. С. Воронцов был награжден алмазными знаками ордена Святого Александра Невского [4, с. 233].

В декабре 1826 г. М. С. Воронцов с женой приехал в Великобританию, где пробыл почти год. Можно согласиться с предположением О. Ю. Захаровой, что «основной причиной отъезда М. С. Воронцова в Англию являлось то обстоятельство, что в 1827 г. Лондон становится центром, в котором Англия, Франция и Россия согласовывали позиции по восточному вопросу» [4, с. 233].

Император Николай I часто использовал для внешнеполитических переговоров не профессиональных дипломатов, а приближенных генералов – А. Ф. Орлова, А. Х. Бенкендорфа, П. Д. Киселева. К числу таких доверенных лиц относился и М. С. Воронцов, который был вхож в британские политические круги. Как было отмечено, М. С. Воронцова связывали дружеские отношения с герцогом Веллингтоном, для которого, по словам княгини Д. Ливен, «настоящий русский герой – это, как и всегда, Михаил Воронцов» [8, с. 194]. В январе 1827 г. герцог стал главнокомандующим британской армии, а с января 1828 г. по ноябрь 1830 г. занимал пост премьер-министра.

О пребывании М. С. Воронцова в Лондоне жена российского посла княгиня Д. Ливен так пишет в письме брату А. Х. Бенкендорфу 8 мая 1827 г.: «бывает везде, наносит визиты, обсуждает английскую политику и получает удовольствие» [8, с. 99]. Таким образом, Воронцов явно участвовал в подготовке трехсторонней конвенции о сотрудничестве в защиту греческого восстания, которая была подписана в Лондоне 24 июня 1827 г. Еще одним доказательством этого является встреча осенью по пути в Россию в Брюсселе с графом И. А. Каподистрия, который в 1827 г. был избран президентом Греции [9, с. 80–81].

По возвращению из поездки М. С. Воронцов продолжал следить за позицией Англии в греческом вопросе. Об этом свидетельствует переписка с А. Х. Бенкендорфом, которого постоянно информировала его сестра. В письме от 12 марта 1828 г. Александр Христофорович пишет о бездействии правительства Веллингтона в отношении Греции: «Новости из Лондона, хотя и все еще смутные, однако, к сожалению, скорее плохие, чем хорошие. Но поскольку благородный герцог кажется таким же слабым и нерешительным министром, каким был хорошим и стойким генералом, следует надеяться, что или произойдут перемены, или общественное мнение заставит его сменить систему» [10].

7 мая 1828 г. началась русско-турецкая война. 9 августа был тяжело ранен А. С. Меншиков, командовавший русскими войсками при осаде Варны. Его заменил М. С. Воронцов. Во время переговоров о сдаче города Воронцов сумел добиться сепаратного соглашения с Юсуф-пашой, командиром албанских частей, составлявших основную силу гарнизона. Не имея больше возможности обороняться, турецкие войска были вынуждены сдаться. М. С. Воронцов был награжден золотой шпагой, осыпанной бриллиантами, с надписью «За взятие Варны» [9, с. 83–84].

В Лондон Воронцов с семьей приехал в мае 1831 г. и пробыл в Британии до июня 1832 г. [8, с. 302; 9, с. 97]. 26 июня 1830 г. умер король Георг IV на престол

взошел его брат Вильгельм IV. Воронцов был назначен чрезвычайным посланником императора Николая I на коронации, которая состоялась 8 сентября 1831 г. [11]. За десять лет до этого в июле 1821 г. он присутствовал на коронации Георга IV [9, с. 71].

Также в ноябре 1830 г. в Англии сменилось правительство – вместо лорда Веллингтона кабинет возглавил лорд Грей, а министром иностранных дел стал виконт Пальмерстон, руководивший британской внешней политикой на протяжении последующих двух десятилетий. Летом и осенью 1831 г. в Лондоне продолжалась конференция представителей Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции, призванная разрешить бельгийско-голландский конфликт в результате Бельгийской революции 1830 г. и отделения Бельгии от Нидерландского королевства. 15 ноября 1831 г. был подписан договор, который декларировал образование Бельгийского королевства и определял его границы. Таким образом, М. С. Воронцов, как и в 1827 г., оказался в центре европейской дипломатической активности, в которой он, несомненно, принял участие. Михаил Семенович, как всегда, внимательно следил за британской политической жизнью, в том числе за дебатами по поводу Билля о реформах, принятого парламентом в июне 1832 г. [9, с. 97].

Возвращение Воронцовых в Россию летом 1832 г. совпало с новым обострением положения в Османской империи, где паша Египта Мехмед-Али пошел войной против султана Махмуда II. М. С. Воронцов был постоянно в курсе событий в Турции и реакции на них европейских держав. Об этом, в частности, свидетельствует обширная переписка с русским послом в Константинополе Аполлинарием Петровичем Бутенёвым в 1832–1843 гг. [12]. Особое внимание Михаил Семенович уделял политике Британии, регулярно получая английскую прессу. В сентябре 1835 г. он принимал в Одессе графа Дарэма (Earl of Durham), нового посла Великобритании, который ехал в Петербург кружным путем через Средиземное и Черное моря [13, с. 241].

В 1836–1837 гг. русско-британские отношения обострились в результате задержания английской шхуны «Виксен» в ноябре 1836 г. в районе порта Суджук-Кале (ныне Новороссийск) с грузом оружия для черкесов. Экипаж был доставлен в Одессу, где М. С. Воронцов лично допрашивал капитана Дж. Белла. В письме министру иностранных дел К. В. Нессельроде от 12 февраля 1837 г. генерал-губернатор, ссылаясь на английскую прессу, выражает уверенность, что британское правительство не будет доводить конфликт до открытого столкновения: «...Мне приятно видеть в последних газетных сообщениях, что нет никаких свидетельств того, что английское правительство действительно взяло на себя ответственность за "Виксен": об этом говорили бы в палате на открытии парламента. Но наше дело слишком хорошее, чтобы даже вздорный лорд Пальмерстон захотел затевать ссору по этому поводу» [14]. Как и предсказывал Воронцов, несмотря на воинственную риторику со стороны Британии к апрелю 1837 года конфликт был улажен.

Осенью 1838 г. М. С. Воронцов снова приезжает в Англию. Этот визит продлился до июля 1839 г. Он совпал с очередным обострением англо-русских

отношений, на этот раз из-за осады персидскими войсками афганского города Герат. Британская пресса и правительство снова пустили в ход обвинения России в подготовке захвата Афганистана и Индии. В письме Воронцову в Англию от 26 октября 1838 г. К. В. Нессельроде пишет: «...Наше влияние и поведение в Персии возбуждают дурное настроение, несправедливые подозрения и даже доходит до того, что внушают английскому министерству ребяческие опасения за Индию. Это тема, которой занимаются все газеты» [15]. Далее министр прямо просит оказать влияние на настроения британской политической элиты: «Мне пришла в голову мысль, любезный граф, что в этом отношении никто не сможет оказать нам лучших услуг, чем вы, во время вашего пребывания в Англии, которое, к счастью, приходится на время, когда карты, кажется, как никогда, спутаны. Если английское министерство действительно вынашивает безумный план развязать с нами войну без каких-либо оснований, то в течение зимы мы обсудим эту великую решимость, выполнить которую будет невозможно, если она не встретит положительного отклика в обществе. Итак, дорогой граф, у вас много связей в Англии, у вас есть уважаемые друзья среди людей, призванных влиять на судьбы этой огромной империи, вы заслужили их доверие, вы пользуетесь среди них заслуженным уважением, герцог Веллингтон любит и уважает вас, ваши слова будут услышаны и будут иметь большой вес» [16].

М. С. Воронцов в очередной раз выполнил миссию агента влияния, как обычно вел активную светскую жизнь и угощал гостей своим крымским шампанским, которое было доставлено в Лондон в начале 1839 г. [17]. Встречался граф и с герцогом Веллингтоном, который в то время не занимал официальных постов, но оставался одним из самых влиятельных британских политиков.

Конфликт по поводу афганских событий был разрешен накануне визита в Британию великого князя Александра Николаевича в мае 1839 г. В письме из Петербурга от 15 февраля 1839 г. секретарь Воронцова С. В. Сафонов сообщает, что «государь считает на ваше сиятельство во время посещения Англии наследником» [18]. Безусловно, Воронцов участвовал в многочисленных мероприятиях, связанных с визитом цесаревича, о чем он сообщал в письме послу России в Дании барону Павлу Андреевичу Николаи [19]. В 1839 г. обострился турецко-египетский военный конфликт, который снова стал в центре дипломатической активности великих держав. Воронцов, по-видимому, рассчитывал на его скорое урегулирование, с чем был не согласен его корреспондент из Копенгагена: «Кажется, что надежда, которую вы выражаете по поводу событий в Сирии, еще долго не воплотится в жизнь» [20].

После возвращения в Одессу М. С. Воронцов продолжал следить за дипломатическими перипетиями. В письме из Константинополя от 26 марта 1840 г. А. П. Бутенёв пишет: «Что же касается политических дел и нескончаемого турецко-египетского вопроса, то мы все еще ждем решения из Лондона, где переговоры продолжаются, но пока без положительного результата. Я только что получил известие напрямую от барона Брунова (российского посланника в Лондоне – Н. Т.), от 10 марта по н. ст., который сетует на проволочки и колебания английского

кабинета, с которыми он тщетно пытается бороться, хотя ему и удалось установить самые лучшие и самые доверительные отношения с лордом Пальмерстоном» [21].

Летом 1843 г. М. С. Воронцов отправился в самое длительное европейское путешествие – с июля 1843 г. по октябрь 1844 г. он с супругой посетил Британию, а также Италию и Австрию. 23 апреля 1844 г. Воронцовы присутствовали на бракосочетании своей дочери Софьи с графом Андреем Павловичем Шуваловым в Вене.

В Англии в начале октября 1843 г. М. С. Воронцов встречался с герцогом Веллингтоном, который в возрасте 74 лет занимал три должности – министра без портфеля, лидера Палаты лордов и главнокомандующего британской армией. Граф провел два дня в загородном имении герцога в Уолмере, где нашел его в хорошей физической форме и обсудил политические вопросы, о чем он сообщил в письме К. В. Нессельроде [22]. В этом письме М. С. Воронцов подробно информирует канцлера о визите в Англию великого князя Михаила Павловича, который состоялся в преддверии поездки в Лондон Николая I в июне 1844 г.

В начале 1845 г. М. С. Воронцов был назначен наместником на Кавказе, где он с успехом использовал свой дипломатический опыт в условиях вооруженной борьбы с горцами: «...Необходимо признать, что дипломатия как средство и эффективный инструмент был важной частью реализации общей стратегии в деятельности Кавказского Наместника с самого начала его пребывания в данной должности. Склонность к использованию дипломатии в его кавказском поприще определялась не только ее результативностью, но самим характером и личностными особенностями М.С. Воронцова, который более был расположен решать спорные ситуации невоенными средствами» [23, с. 139].

Продолжал следить М. С. Воронцов на Кавказе и за европейской и, прежде всего, британской политикой. По свидетельству посетившего его в 1848 г. в Тбилиси американца Джорджа Л. Дитсона наместник регулярно получал английские газеты [24, с. 309]. В письме А. П. Ермолову от 11 июля 1848 г. Воронцов пишет: «...у нас и в Англии, слава Богу, все хорошо, и даже в Бельгии французы не успели этот раз завести беспорядки. Сегодня мы ждем две почты разом, и будет завтра много любопытного чтения; здесь на это есть время, и все газеты имеют в себе что-нибудь любопытное» [25, с. 337].

Активное участие принимал кавказский наместник в русско-персидских отношениях. Например, в письме К. В. Нессельроде из Тифлиса от 7 марта 1849 г. он сообщает об отправке в Тегеран служащего своей дипломатической канцелярии и о получении послания князя Д. И. Долгорукого, полномочного министра при персидском дворе [26]. М. С. Воронцов предлагал настаивать на жестком нейтралитете Персии в случае войны с Турцией. Об этом он писал в письме А. П. Ермолову от 16 февраля 1854 г. [27, с. 469]. Это предложение было поддержано его приемником генералом Н. А. Реадам и 29 сентября 1854 г. в Тегеране была подписана конвенция о нейтралитете [28, с. 196–197].

Накануне Крымской войны Воронцов пытался предупредить Николая I о пагубности военного столкновения с европейскими державами. В письме

императору из Тифлиса от 18 (30) января 1854 г. он пишет: «...Необходимо, ежели только возможно, не допустить до разрыва с западными морскими державами, которые, не рискуя ничего, могут сделать нам здесь ужасный вред, пагубным последствиям которого нельзя предвидеть ни пределов, ни конца. Смею также думать, что морская победа под Синопом и блистательные дела около Ахалциха и за Арпачаем, могут покрыть нашу честь и показать Европе и самим туркам, что не страх их оружия заставляет вас, всемилостивейший государь, согласиться на некоторые неважные уступки, а одно только желание прекратить войну, столь вредную для обеих сторон и столь опасную для всей Европы...» [29, с. 637–638].

Свой последний вклад в российскую внешнюю политику М. С. Воронцов внес в конце Крымской войны. Он принимал участие в совещаниях, созванных Александром II 20 декабря 1855 г. и 3 января 1856 г. для обсуждения ультиматума Австрии об условиях мирных переговоров. Князь «признал условия тягостными для России, но тоже считал, что нет никаких шансов добиться лучших, продолжая войну. А это продолжение потребует огромных жертв и затрат, быть может, потери Польши и Финляндии, полного финансового истощения. Лучше принять мир сейчас, чем быть к нему насильно вынужденными впоследствии» [30, с. 505].

В заключение необходимо отметить, что целью данной статьи является постановка вопроса о вкладе М. С. Воронцова во внешнеполитические отношения в царствование Николая I. Нам представляется, что даже на основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что вклад этот весьма значительный. Разработка этой темы требует поиска новых документов, выявления в архивах и анализа обширной переписки М. С. Воронцова с К. В. Нессельроде, А. Х. Бенкендорфом, П. Д. Киселевым, П. А. Николаи, А. П. Бутенёвым, а также другим российским и английским корреспондентам.

Список использованных источников и литературы

1. В. В. Огарков. Воронцовы: Их жизнь и общественная деятельность: Биографические очерки. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1892. – 96 с.
V. V. Ogarkov. Vorontsovy: Ih zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost': Biograficheskie ocherki. – Spb.: Tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1892. – 96 s.
2. Rhineland A. L. H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1990. – 279 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/princemichaelvor0006rhin> (свободный доступ). – Дата доступа: 12.01.2023.
3. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1886. – Т. IV. – 536 с.
Dubrovin N. F. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. – SPb.: Tip. Dep. udelov, 1886. – T. V. – 536 s.
4. Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи. – М.: Центрполиграф, 2001. – 381 с.
Zaharova O. Yu. General-fel'dmarshal svetlejshij knyaz' M. S. Vorontsov: Rycar' Rossijskoj imperii. – M.: Centrpoligraf, 2001. – 381 s.
5. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1: 1801 – 1815 гг., том 8: Май 1814 г. – ноябрь 1815 г. / Министерство иностранных дел СССР; Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР; Д-р экон. наук А. А. Громыко (Председатель Комиссии) и др. – М.: Политиздат, 1972. – 780 с.

Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty Rossijskogo ministerstva inostrannyh del. Seriya 1: 1801 – 1815 gg., tom 8: Maj 1814 g. – noyabr' 1815 g. / Ministerstvo inostrannyh del SSSR; Komissiya po izdaniyu diplomaticheskikh dokumentov pri MID SSSR; D-r ekon. nauk A. A. Gromyko (Predsedatel' Komissii) i dr. – M.: Politizdat, 1972. – 780 s.

6. Лорер Н. И. Записки декабриста. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984. – 416 с.

Lorer N. I. Zapiski dekabrysta. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. – 416 s.

7. Из записной книжки «Русского Архива» // Русский архив. – 1911. – Кн. 2. – С. 320.

Iz zapisnoj knizhki «Russkogo Arhiva» // Russkij arhiv. – 1911. – Кн. 2. – С. 320.

8. Letters of Dorothea, Princess Lieven, during her residence in London, 1812–1834 / Ed. by Lionel G. Robinson. – London, New-York and Bombay: Longmans, Green, and Co., 1902. – 414 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/cu31924027898497> (свободный доступ). – Дата доступа: 05.02.2023.

9. Воспоминания князя М. Воронцова 1819–1833 // Архив князя Воронцова. Кн. 37. – М., 1891. – С. 63–102. (На фр. яз.).

Vospominaniya knyazya M. Vorontsova 1819–1833 // Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 37. – M., 1891. – S. 63–102. (Na fr. yaz.).

10. Архив князя Воронцова. Кн. 35. – М., 1889. – С. 275. (На фр. яз.).

Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 35. – M., 1889. – S. 275. (Na fr. yaz.).

11. Письмо М. С. Воронцова К. В. Нессельроде из Лондона от 11 (23) августа 1831 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 40. – М., 1895. – С. 70. (На фр. яз.).

Pis'mo M. S. Vorontsova K. V. Nessel'rode iz Londona ot 11 (23) avgusta 1831 g. // Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 40. – M., 1895. – S. 70. (Na fr. yaz.).

12. Архив князя Воронцова. Кн. 39. – М., 1893. – С. 205–336. (На фр. яз.).

Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 39. – M., 1893. – S. 205–336. (Na fr. yaz.).

13. Wikoff H. Reminiscences of an Idler. – New York: Fords, Howard & Hulbert, 1880. – 596 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433082397682;view=1up;seq=13> (свободный доступ). – Дата доступа: 15.03.2023.

14. Архив князя Воронцова. Кн. 40. – М., 1895. – С. 212. (На фр. яз.).

Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 40. – M., 1895. – S. 212. (Na fr. yaz.).

15. Там же, с. 233. (На фр. яз.).

Tam zhe, s. 233. (Na fr. yaz.).

16. Там же, с. 235. (На фр. яз.).

Tam zhe, s. 235. (Na fr. yaz.).

17. Письмо С. В. Сафонова из Одессы М. С. Воронцову в Англию от 13 января 1839 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 38. – М., 1892. – С. 351.

Pis'mo S. V. Safonova iz Odessy M. S. Vorontsovu v Angliyu ot 13 yanvarya 1839 g. // Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 38. – M., 1892. – S. 351.

18. Архив князя Воронцова. Кн. 38. – М., 1892. – С. 370.

Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 38. – M., 1892. – S. 370.

19. Письмо П. А. Николаи М. С. Воронцову от 25 мая 1839 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 37. – М., 1891. – С. 181. (На фр. яз.).

Pis'mo P. A. Nikolai M. S. Vorontsovu ot 25 maya 1839 g. // Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 37. – M., 1891. – S. 181. (Na fr. yaz.).

20. Письмо П. А. Николаи М. С. Воронцову от 19 (31) июля 1839 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 37. – М., 1891. – С. 184. (На фр. яз.).

Pis'mo P. A. Nikolai M. S. Vorontsovu ot 19 (31) iyulya 1839 g. // Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 37. – M., 1891. – S. 184. (Na fr. yaz.).

21. Архив князя Воронцова. Кн. 39. – М., 1893. – С. 306. (На фр. яз.).

Arhiv knyazya Vorontsova. Kn. 39. – M., 1893. – S. 306. (Na fr. yaz.).

22. Письмо М. С. Воронцова К. В. Нессельроде от 2 (14) октября 1843 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 40. – М., 1895. – С. 288–293. (На фр. яз.).

Pis'mo M. S. Vorontsova K. V. Nessel'rode ot 2 (14) oktyabrya 1843 g. // Arhiv knyazyu Vorontsova. Kn. 40. – М., 1895. – S. 288–293. (Na fr. yaz.).

23. Лазарян С. С. Дипломатия как действенное средство борьбы в арсенале князя М. С. Воронцова за северный Кавказ в 40–50-е годы XIX века // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1. – С. 134–139.

Lazaryan S. S. Diplomatija kak dejstvennoe sredstvo bor'by v arsenale knyazyu M. S. Vorontsova za severnyj Kavkaz v 40–50-e gody XIX veka // Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2014. – № 1. – S. 134–139.

24. Ditson G. L. Circassia; or, A Tour to the Caucasus. – New York: Stringer & Townsend, 1850. – 453 p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/circassiaortourt00dits> (свободный доступ). – Дата доступа: 03.04.2023.

25. Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Русский архив. – 1890. – Кн. 1. – № 3. – С. 329–365.

Pis'ma knyazyu Mihaila Semenovicha Vorontsova k Alekseju Petrovichu Ermolovu // Russkij arhiv. – 1890. – Кн. 1. – № 3. – S. 329–365.

26. Архив князя Воронцова. Кн. 40. – М., 1895. – С. 346. (На фр. яз.).

Arhiv knyazyu Vorontsova. Kn. 40. – М., 1895. – S. 346. (Na fr. yaz.).

27. Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Русский архив. – 1890. – Кн. 1. – № 4. – С. 441–472.

Pis'ma knyazyu Mihaila Semenovicha Vorontsova k Alekseju Petrovichu Ermolovu // Russkij arhiv. – 1890. – Кн. 1. – № 4. – S. 441–472.

28. Тер-Оганов Н. К. Русско-иранские тайные переговоры 1853–1854 гг. и заключение конвенции о нейтралитете Ирана // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 191–199.

Ter-Oganov N. K. Russko-iranskije tajnye peregovory 1853–1854 gg. i zaklyuchenie konvencii o nejtralitete Irana // Bylye gody. – 2021. – № 16 (1). – S. 191–199.

29. Заметки о событиях 1853–1855 годов // Русская старина. – 1875. – Т. XIII. – № 8. – С. 636–642.

Zametki o sobytijah 1853–1855 godov // Russkaja starina. – 1875. – T. XIII. – № 8. – S. 636–642.

30. Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. Т. IX. Крымская война. Т. II. – М.: АН СССР, 1959. – 627 с.

Tarle E. V. Sochineniya: v 12 t. T. IX. Krymskaja vojna. T. II. – М.: AN SSSR, 1959. – 627 s.

Tverdokhlebov T. I. Diplomatic activity of M. S. Vorontsov

The article considers the diplomatic activity of Mikhail Semenovich Vorontsov (1782–1856), which has not been the object of scientific research until now. From a young age, he learned the basics of diplomacy under the guidance of his father, the Russian ambassador to London, Semyon Romanovich Vorontsov. Vorontsov gained his first diplomatic experience while serving in the army, including as commander of the Russian occupation corps in France in 1815–1818. As the governor-general of Novorossiya, he was involved in Russian-Turkish relations, in 1826 he held successful negotiations on the conclusion of the Akkerman Convention. In 1826–1844 Vorontsov visited Great Britain four times, where he communicated with representatives of the ruling circles, including the Duke of Wellington, with whom he maintained friendly relations for many years. Since 1845, as governor of the Caucasus, he took an active part in Russian-Persian relations.

Keywords: Mikhail Semyonovich Vorontsov, diplomatic activity, Eastern Question, Russian-British relations.

УДК 94(47).084.3

**ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ КРЫМА
В ЯНВАРЕ – ФЕВРАЛЕ 1919 г.: ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН,
КАНДИДАТСКИЕ СПИСКИ, ОБЩИЕ ИТОГИ**

Чемакин А. А.

**Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
E-mail: a.chemakin@spbu.ru**

Рассматриваются выборы в городские думы Крыма, проводившиеся вторым Крымским краевым правительством в начале 1919 г. Выборы проходили по старому закону Временного правительства, в которой были внесены некоторые изменения (возрастной ценз поднят с 20 лет до 21 года, введен полугодовой ценз оседлости). Главными победителями выборов стали меньшевики, за которых голосовали не только их сторонники, но и симпатизанты большевиков, и крымскотатарские списки, сумевшие провести эффективную кампанию по мобилизации своего электората. Кадеты, основная правительственная партия, успешно выступили в Симферополе, но в других городах их результаты не были особо выдающимися. Эсеры, обывательский электорат которых или проигнорировал голосование, или перешел на сторону других партий, понесли серьезные потери. Автор публикует полную электоральную статистику по Симферополю, Севастополю, Феодосии, Бахчисараю, а также кратко описывает итоги выборов во всех остальных городах Крыма (Евпатории, Алушке, Карасубазаре, Керчь-Еникале, Алуште, Перекопе и Армянском базаре, Ялте, Джанкое, Старом Крыму, Балаклаве).

Ключевые слова: Крым, Гражданская война, городские думы, эсеры, меньшевики, кадеты, крымские татары.

Летом 1918 г., во время нахождения у власти в Крыму немецкого ставленника генерала С. Сулькевича, были разогнаны городские думы, избранные в 1917 г. по закону Временного правительства. Новые выборы должны были пройти по куриальной системе, но они успели состояться лишь в нескольких городах. Избирательный закон Сулькевича, вызвавший недовольство со стороны практически всех политических сил Крыма, был отменен в конце октября 1918 г. [23] Среди множества вопросов, вставших перед новым правительством кадета С. С. Крыма, избранным земско-городским съездом, был и вопрос о проведении новых выборов в думы.

Известный советский историк А. И. Гуковский так охарактеризовал эти выборы: «Меньшевикам и эсерам буржуазные городские думы казались верхом “демократического” совершенства. И те и другие очень кичились своим весом в городских думах и рассчитывали во время избирательной кампании, которая началась в середине января, значительно расширить свое влияние. Но их надежды не оправдались. Население отнеслось к выборам с полнейшим индифферентизмом. Количество голосовавших едва достигало 25 % имеющих право голоса. Но и эта горсточка буржуазных избирателей отдала свои голоса в первую очередь кадетам»

[15, л. 524]. Как будет показано ниже, данная оценка более или менее адекватна только для описания выборов в Симферополе, но совершенно не соответствует итогам голосования в других городах Крыма. Крымские муниципальные выборы начала 1919 г. упоминаются и в ряде других исследований [10, с. 452–453; 11, с. 123; 13, с. 135–137; 25, с. 135–136]. Из современных работ можно выделить весьма содержательную статью В. В. Ракова [19]. Анализируя результаты голосования в ряде городов, Раков делает вывод, что «социалистическая волна в Крыму начинала спадать», но думские места в первую очередь потеряли «те социалистические партии, которые порвали с политической демагогией и стали на позиции государственности: народные социалисты и правые эсеры», а «их позиции заняли радикалы – социал-демократы». С этими выводами можно согласиться, хотя говорить, что данная статья «закрыла» тему, не приходится – в первую очередь, из-за ее небольшого размера и неполноты приводимых в ней данных (рассмотрены только 9 городов Крыма из 14), в силу чего многие сюжеты остались нераскрытыми. Кроме того, в ней есть и ряд фактологических ошибок – так, например, ценз оседлости при выборах был не годовым, а полугодовым, кадеты в думе Симферополя не ушли в оппозицию, а поучаствовали в формировании управы вместе с социалистами, и т. д.

Решение о проведении новых выборов в городские думы было принято на земско-городском съезде 17–18 октября 1918 г. Эсеры настаивали на восстановлении распущенных Сулькевичем дум и земств образца 1917 г., причем этот вопрос для них носил принципиальный характер. Кадеты, желавшие договориться с эсерами, оказались в затруднительном положении. «С одной стороны, мы хорошо знали, как глубоко неудовлетворительны составы дум и земств, избранных в 1917 году, – как они безнадежно скомпрометированы в глазах сознательной части населения, – вспоминал кадет В. Д. Набоков. – С другой стороны – чем можно их немедленно заменить?» После долгих колебаний и споров кадеты пошли на уступки. Они согласились на восстановление упраздненных Сулькевичем органов самоуправления, но с тем условием, чтобы новое правительство немедленно назначило выборы по новому закону, с возрастным цензом в 25 лет и годовым цензом оседлости [14, с. 227–228]. Как вспоминал плехановец П. С. Бобровский, доводы кадетов «было чисто практические и сводились к желанию придать муниципальным выборам более серьезный и деловой характер». Требование кадетов о проведении выборов по новому закону было ультимативным, так что даже имелся риск сорвать все соглашение о создании новой власти [8, л. 12]. В конце концов эсеры согласились на новые выборы и некоторое ограничение избирательного права, но при этом «сторговались» на возрастной ценз, равный 21 годам, и ценз оседлости в один год для уездов и полгода для городов. В резолюции съезда отмечалось: «Распущенные городские и земские самоуправления восстанавливаются. При этом правительство немедленно назначает новые городские и земские выборы на основании закона Временного правительства с увеличением возрастного ценза до 21 года и введением ценза оседлости до 1 года при земских и до ½ года при городских выборах» [7, л. 46]. Представители эсеров и

меньшевиков, поддержав резолюцию съезда в целом, воздержались от голосования за нее в той части, которая касалась изменения избирательного закона, «по принципиальным соображениям» и оставили за собой «право борьбы за восстановление избирательного закона во всей его полноте» [9, с. 56].

29 ноября 1918 г. было подписано постановление правительства о производстве выборов гласных городских дум, избравшихся на срок до 1 января 1921 г. Право участия в выборах получили российские граждане вне зависимости от пола и национальности, достигшие ко времени составления избирательных списков 21 года, при условии, что они проживали в течение не менее шести месяцев в городе, или имели на протяжении того же срока в нем домашнее обзаведение, или состояли на службе, или имели другие определенные занятия. Лица, состоящие на военной и полицейской службе, участия в выборах не принимали – это было еще одно принципиальное отличие от закона Временного правительства. Остальные пункты были фактически дословно переписаны из постановления Временного правительства от 15 апреля 1917 г. Для выдвижения кандидатского списка необходимо было собрать подписи избирателей, общее количество которых должно составлять не менее половины от числа избираемых в данном городе гласных. Выборы проходили по пропорциональной системе, мандаты распределялись по методу Хэйра [3, № 58].

Избирательные кампании начались только на полуостровной части бывшей Таврической губернии, хотя северные уезды ее к тому времени уже были заняты белыми войсками. Так, например, в Мелитополе после окончания срока полномочий действующей думы была сформирована избирательная комиссия для подготовки к новым выборам, но местное белое командование указало на необходимость отсрочить их до выяснения вопроса, по какому закону они будут проведены. Рассматривался вариант проведения их по новому крымскому закону [24, № 31]. Шла подготовка к выборам и в Бердянске, в котором списки избирателей были составлены в соответствии с законом Временного правительства, а партии готовились к выдвижению списков [4, № 275]. Но в итоге ни в одном из этих городов выборы не состоялись – видимо, из-за приближения линии фронта.

В январе 1919 г. возникло крупное недопонимание с Добровольческой армией, грозившее серьезными последствиями. Начальник штаба войск Добровольческой армии в Крыму генерал-лейтенант Д. Н. Пархомов от имени А. И. Деникина предложил приостановить подготовительные работы по производству выборов до получения нового «Положения о выборах в городские думы», разрабатываемого комиссией Особого совещания при главнокомандующем. В ответ крымское министерство внутренних дел заявило, что выборы производятся на основании постановления Крымского краевого правительства, а предложение Пархомова «является, по-видимому, недоразумением» [26]. В результате переговоров, состоявшихся в Екатеринодаре, добровольческое командование согласилось, что произошло недоразумение, и избирательная кампания продолжилась [24, №№ 19, 20]. Нельзя исключать, что это была не случайная ошибка, а попытка командования армия распространить действие своих законов на территорию Крыма, но,

встретившись с сопротивлением краевого правительства, оно тут же пошло на попятную.

Наибольшее внимание различных политических партий и прессы привлекла кампания в Симферополе. Именно здесь были сильны позиции основной правительственной партии – кадетов. Представители Партии народной свободы (ПНС) критиковали предыдущую социалистическую думу за то, что она «всегда подчеркивала свой узко-классовый характер, свое стремление к “углублению революции” вопреки интересам единой России и свое полное нежелание считаться со *всеми* государственными элементами населения», а городское хозяйство социалистами велось с «необычайной расточительностью». В связи с этим кадеты, выступавшие за то, чтобы городское хозяйство не было «ни пролетарским, ни торгово-промышленным, а именно общегородским», предлагали ввести режим жесткой экономии [22, № 11]. Во главе списка ПНС стояли председатель губернской земской управы князь В. А. Оболенский, члены городской управы В. А. Иванов и С. А. Усов. Шестое место занимал редактор главной крымской кадетской газеты «Таврический голос» Д. С. Пасманик [Там же]. В прошлом один из лидеров сионистов в общероссийском масштабе, в годы Гражданской войны он оказался вождем наиболее правого крыла крымских кадетов и прославился резкими нападениями не только на большевиков, но и на умеренных социалистов. Эсеры даже удивлялись, что в рядах ПНС «уживались радикально настроенный г. Винавер и завидующий лаврам Пуришкевича д-р Пасманик» [4, № 268]. Отсутствие сильных игроков на правом фланге привело к тому, что часть правого электората отдала свои голоса кадетам, чему сильно поспособствовала русская национально-консервативная риторика Пасманика.

Второй крупной силой в Симферополе были крымские татары. Как отмечала пресса, «сильную предвыборную кампанию развивает татарская национальная директория» [22, № 7]. Несмотря на это, договориться о выдвижении единого татарского списка не удалось. Ключевую роль на татарском поле играл список № 10, который иногда именовали «списком татар-курултайцев». Именно вокруг него группировались руководители Курултая, соединявшие в своей идеологии национализм, протурецкую ориентацию, социализм эсеровского толка и резкое неприятие как кадетского правительства, так и Белого движения. Во главе этого списка стоял один из лидеров Курултая, редактор газеты «Крым» доктор Х. С. Чапчакчи [4, № 252]. В противовес «курултайцам» было выдвинуто еще два татарских списка, объединявших вокруг себя «буржуазные» круги татарского населения, скорее склонявшиеся к пророссийской ориентации и лояльные крымским властям. Если верить умеренным татарам, оппозиционным Курултаю, лидеры последнего создали во время выборов настолько невыносимую атмосферу, что все благоразумные элементы татарского населения были просто затравлены. «Друзья народа, – кричали агитаторы Курултая, – только в списке “курултаевском” № 10, а оба другие списки №№ 11 и 12 “буржуйные”, там враги народа, кто пойдет за ними, тот изменник и предатель народа и народных интересов...» «Курултайцы» убеждали татар, что если они проголосуют за список № 10, то будут свободны от

**ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ КРЫМА В ЯНВАРЕ – ФЕВРАЛЕ 1919 Г.:
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН, КАНДИДАТСКИЕ СПИСКИ, ОБЩИЕ ИТОГИ**

«солдатчины», от всяких наборов и мобилизаций; если же они отдадут свои голоса другим татарским спискам, то всего вышеперечисленного избежать не удастся [1, № 27].

Социалисты, как и в 1917 г., пошли на выборы двумя «колоннами». В Социалистический блок вошли Партия социалистов-революционеров (ПСР), Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП), группа «Единство» (плехановцы), «Дашнакцутюн» и Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), во главе списка стояли эсер А. В. Фосс, энес А. П. Лурия, министр Краевого правительства плехановец П. С. Бобровский [4, № 252]. Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) вместе с «Бундом» выдвинула отдельный список, возглавляемый экс-председателем думы и лидером крымских меньшевиков П. И. Новицким. Большевики призывали бойкотировать выборы, причем делали эти заявления вполне открыто, например, во время устроенного меньшевиками предвыборного собрания в Рабочем клубе [24, № 10]. Листовка, распространявшаяся подпольным Симферопольским комитетом Российской коммунистической партии (большевиков), гласила: «Нет места рабочим рядом с Набоковым, Винавером, Крымом и Пасмаником. Долой учреждения, в которых такие господа имеют решающий голос. Бойкотируйте выборы» [21, л. 22].

На выборы пришло 10916 человек, то есть около 33 % избирателей (по другим данным – 29 % от получивших избирательные карточки и 21 % от общего количества избирателей) [12, с. 62; 22, № 21; 24, № 22]. Распределение голосов см. в таблице 1.

Таблица 1
Результаты выборов в городскую думу Симферополя 26 января 1919 г. [24, №№ 20, 21]

	Список	Количество голосов	%	Количество мест
1	ПНС	2900	27,30	21
2	Группа татарских избирателей («Татары-курултайцы»)	2301	21,66	17
3	РСДРП и «Бунд»	1646	15,49	12
4	Социалистический блок	1504	14,16	11
5	Сионистская организация	587	5,53	4
6	Группа беспартийных избирателей	427	4,02	3
7	Общество домовладельцев и Торгово-промышленный союз	377	3,55	3
8	Еврейская рабочая партия «Поалей Цион»	336	3,16	3
9	Список евреев-крымчаков	335	3,15	3

10	Группа беспартийных татар	131	1,23	1
11	Татарская беспартийная группа	42	0,40	0
12	Союз дрогалей	37	0,35	0
	Всего действительных голосов	10623	100,00	78

Кадеты выиграли на шести избирательных участках (в т.ч. на всех участках с наиболее зажиточным и интеллигентным населением), «курултайцы» – на трех, меньшевики – на двух, Социалистический блок – на одном [24, № 20]. Несмотря на первое место кадетов, голосование показало, что русское население в значительной своей массе выборы проигнорировало. В. А. Оболенский с сожалением констатировал, что «в русском по преимуществе городе Симферополе почти не оказалось русских граждан», и заметил, что ему «стыдно делается за своих соплеменников». «Татары толпами шли в избирательные участки, на дрогах привозили древних стариков и старух и женщин с грудными детьми на руках. Все с серьезными сосредоточенными лицами, в сознании исполняемого ими гражданского долга, опускали они свои бюллетени в избирательные урны», – писал лидер кадетов. По данным Оболенского, в выборах участвовало 80 % татарского населения, 40 % еврейского и 15 % русского [22, № 22].

По сравнению с 1917 г. представительство кадетов увеличилось с 8 мест до 21, татар – с 7 до 18, меньшевиков и «Бунда» – с 7 до 12, Социалистический блок потерял $\frac{3}{4}$ своих мест (было 45, стало 11). Несмотря на то, что кадеты заняли первое место, они не имели большинства в думе: всего было избрано 26 социалистов разных направлений (в т.ч. РСДРП и «Бунд» – 12, ПСР – 6, ТНСП – 3, «Поалей Цион» – 3, «Единство» – 2), 21 кадет, 18 татар (17 «курултаевцев» и 1 от альтернативного татарского списка), 7 представителей сионистов и крымчаков, 6 «правых» [22, № 21]. Главными проигравшими были эсеры, часть сторонников которых перешла к большевикам, «а другая часть вновь вернулась в свое первобытное состояние индифферентных обывателей» [22, № 21]. Несмотря на это, городское самоуправление вновь оказалось в руках левых. «Социалисты благодаря поддержке татар, которые опять вывернули наружу свою эсеровскую подкладку, имели несомненное большинство в городской думе», – вспоминал Пасманик [17, с. 175]. Председателем думы был избран меньшевик П. И. Новицкий, городским головой вновь стал эсер А. В. Фосс, товарищем городского головы – меньшевик А. Г. Галлоп, в состав управы вошли два кадета, меньшевик, татарин и еще один представитель Социалистического блока, не являвшийся гласным [24, № 45].

Севастопольские выборы, в отличие от симферопольских, отличались активностью и партий, и электората [18, № 359]. Эсеры, отмежевывавшиеся от крайнего правого (домовладельческого) и крайнего левого (меньшевистского) флангов, занимали достаточно умеренную позицию и выражали готовность к созданию работоспособного большинства вместе с кадетами и энесами [4, № 250]. Во главе их списка шли министр народного просвещения С. А. Никонов, председатель союза строительных рабочих О. Я. Саванков и член управы, бывший

член Учредительного собрания В. Т. Бакута [4, № 259]. Социал-демократическая газета «Прибой» призывала тех, кто выступает против военной диктатуры, реставрации монархии и гражданской войны, за укрепление основ народовластия и восстановление всех завоеваний революции, голосовать за список РСДРП, возглавляемый Н. Л. Конторовичем и В. А. Могилевским [18, № 375]. Домовладельцы, во главе которых стояли бывшие «цензовые» городские головы Н. Ф. Ергопуло и А. Ф. Еранцев, вели кампанию под лозунгом «Долой высокие ставки оценочного сбора» [4, № 250]. В одном из своих воззваний они призывали «помнить, что от исхода выборов зависит все ваше личное благополучие», возможность освободиться от обид, издевательств и непомерных налогов [4, № 262]. Несмотря на то, что программа домовладельцев носила в первую очередь экономический характер, они все же не оставались в стороне и от политических вопросов, а в их списке были люди, не скрывавшие своих монархических взглядов [20, л. 21–22]. В список кадетов, возглавлявшийся О. А. Бялыницким-Бирулей [18, № 359], вошли представители севастопольских торгово-промышленников, а также – на персональной основе – «деловые» лица [4, № 250]. ТНСП вместе с «Единством» создала Демократический блок [4, № 253]. Кроме того, выдвинулся еще целый ряд списков – квартирнанимательский, еврейский, мусульманский, украинский, несколько районных. Местные большевики, называвшие думы «ублюдками буржуазии», призывали бойкотировать голосование [4, № 256].

На выборы пришло 13907 человек, то есть 41,38 % [4, № 267]. Победителями стали меньшевики, эсеры и домовладельцы (таблица 2), причем каждый из этих списков занял первое место на трех избирательных участках. По списку Демократического блока гласными стали два представителя ТНСП и один «Единства» [18, № 378].

Таблица 2

Результаты выборов в городскую думу Севастополя 2 февраля 1919 г. [4, № 268]

	Список	Количество голосов	%	Количество мест
1	РСДРП	3700	27,05	19
2	Севастопольская организация ПСР	3378	24,70	18
3	Союз домовладельцев	2807	20,53	15
4	Союз квартирнанимателей	917	6,71	5
5	ПНС	676	4,94	3
6	Демократический блок	674	4,93	3
7	Еврейский общинный совет	399	2,92	2
8	Список жителей Корабельной стороны	214	1,56	1
9	Мусульманская община	198	1,45	1

10	Украинская громада	190	1,39	1
11	Союз учителей и деятелей по народному образованию	188	1,37	1
12	Список Рудольфовой горы	165	1,21	1
13	Список увечных воинов	119	0,87	1
14	Список Карантинного района	51	0,37	0
	Всего действительных голосов	13676	100,00	71

Левые охарактеризовали севастопольские выборы как «победу демократии», отметив при этом и поляризацию электората, выразившуюся в успешном выступлении домовладельцев [4, № 267]. Севастопольские кадеты, в отличие от симферопольских, имевших сильное правое крыло в лице Пасманика, занимали умеренные центристские позиции, и этим, вероятно, оттолкнули правый электорат, отдавший предпочтение домовладельцам. В итоге дума получила доминирующую левую группу и заметную правую, но осталась без центра [4, № 268]. По сравнению с выборами 1917 г. резко сократилось представительство эсеров (с 56 до 18 мест), зато радикально улучшили свои позиции меньшевики (с 3 до 19 мест) и домовладельцы (с 1 до 15), кадеты сохранили свои 3 места. Председателем думы был избран эсер С. О. Бялыницкий-Бируля, а городским головой – меньшевик В. А. Могилевский [18, № 395].

Результаты в Феодосии (таблица 3) сильно отличались от итогов выборов в других городах Крыма, для которых характерно было удачное выступление крымскотатарских списков и провал эсеров.

Таблица 3

Результаты выборов в городскую думу Феодосии 26 января 1919 г. [24, №№ 18, 24]

№	Список	Количество голосов	Процент	Количество мест
1	ПСР	602	16,22	8
2	РСДРП	598	16,11	8
3	Церковно-общественный список	434	11,69	6
4	Еврейский блок (сионисты и крымчаки)	408	10,99	5
5	ПНС	406	10,94	5
6	Беспартийно-деловая группа	395	10,64	5
7	Мусульманский список	276	7,44	3
8	Группа городских служащих	270	7,28	3

**ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ КРЫМА В ЯНВАРЕ – ФЕВРАЛЕ 1919 Г.:
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН, КАНДИДАТСКИЕ СПИСКИ, ОБЩИЕ ИТОГИ**

9	Беспартийная еврейская группа	136	3,66	2
10	Группа «СЕРП» и Еврейское демократическое объединение	106	2,86	1
11	Татары социалисты-революционеры	44	1,19	1
12	Список окраинного поселка Сарыголь	36	0,97	0
	Всего действительных голосов	3711	100	47

В Феодосии партия эсеров, несмотря даже на неудачную попытку создать блок с татарскими эсерами, отделившимися от прочих татар, заняла первое место, улучшив свой результат в два раза по сравнению с предыдущими выборами, состоявшимися в июне 1918 г. «Буржуазный» татарский список, состоявший из недавних сторонников С. Сулькевича, напротив, потерял более половины голосов. Меншевики, баллотировавшиеся вместе с представителями профсоюзов и «Бунда», потеряли незначительное количество голосов, но при этом сохранили все места. Всего на участки пришло чуть больше 3700 избирателей из примерно 20 000, т. е. около 18,5 % [4, №№ 256, 265; 24, №№ 10, 11].

Социалисты и несоциалисты имели в своем распоряжении примерно по 20 голосов, оставшиеся 7 депутатов склонялись скорее к левому флангу [24, № 24]. Казалось, что несоциалистическая часть слишком пестрая (правые из «церковного списка», сионисты, кадеты, «деловики»), чтобы попытаться договориться о коалиции. Несмотря на это, городским головой Феодосии был избран присяжный поверенный Николаев (беспартийный), а председателем думы А. Я. Крым (кадет) [22, № 32], т. е. представители думского «центра».

В Бахчисарае в выборах приняли участие немногим более 2700 человек из 7058 (ок. 38 %). Голосование происходило «при весьма экзотической обстановке: списки подавались по национальностям, женщины голосовали по одним участкам, мужчины по другим, выборы были назначены в пятницу» [18, № 28]. Победил татарский «буржуазный» список, на втором месте оказался тоже татарский список, включавший в себя «наиболее прогрессивных представителей татарской демократии», но при этом, правда, боявшийся «именоваться не только демократическим, но даже прогрессивным». Русская, греческая и караимская буржуазия голосовала за «деловой» список «беспартийной группы», поддержанный «реакционной» частью русского учительского союза, рабочие раскололись – большинство проголосовало за РСДРП, меньшинство решило не участвовать в выборах (см. таблицу 4). Борьба, по сути, шла внутри национальных групп, и «татарские» и «русские» списки между собой никак не сталкивались. Так, например, социал-демократы обрушивались с критикой в первую очередь на «беспартийных» [4, № 261; 18, № 371; 24, № 21].

Таблица 4
 Результаты выборов в городскую думу Бахчисарая 24 февраля 1919 г. [18, № 371]

№	Список	Количество голосов	%	Количество мест
1	Мусульманский список	1612	59,64	18
2	Список группы населения Бахчисарая	579	21,42	6
3	Список беспартийной группы	275	10,17	3
4	РСДРП	141	5,22	2
5	Еврейский общинный совет	96	3,55	1
	Всего действительных голосов	2703	100,00	30

Выборы состоялись еще в 10 городах Крыма, и в каждом была какая-то своя специфика. Так, в Алушке Союз домовладельцев в своем предвыборном воззвании обвинил «демократическую» думу в совершении крупной растраты. Дума в ответ собрала экстренное заседание и решила привлечь авторов воззвания к суду «за возмутительную клевету» [4, № 259]. В Алуште отмечалось единодушное голосование татарского населения, правда, при расспросах татар и особенно татарок выяснялось, что они не знают, куда и кого выбирают [24, № 24]. В Джанкое эсеры и профсоюзы активно призывали рабочих голосовать, но плохая погода – сырость, густой туман, непролазная грязь – отпугнула многих избирателей [4, № 281]. Результаты выборов в остальных 10 городах Крыма представлены в таблице 5.

Таблица 5
 Выборы в городские думы городов Крыма, январь – февраль 1919 г.

Дата	Город и кол-во гласных	Результаты
12.01.	Евпатория (45)	На участки пришли 3416 избирателей из 17000 (20,1 %). Места: Татарский список – 16, Деловой список (правые) – 10, Список прогрессистов (кадеты) – 8, ПСР – 5, РСДРП – 2, Еврейский социалистический блок (СЕРП и «Поалей Цион») – 2, сионисты – 2. Левое крыло думы насчитывало 21 гласного (ПСР, РСДРП, СЕРП, «Поалей Цион», сионисты и 10 татар), центр – 10 (кадеты и 2 татарина), правое крыло – 14 («деловики» и 4 татарина). Городским головой избран Б. М. Сарач (кадет, караим), председателем думы Н. Исакчи (татарин), членами управы – кадет, правый, правый эсер, беспартийный татарин [4, № 249; 18, №№ 359, 364, 368; 22, № 10; 24, №№ 10, 12].

**ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ КРЫМА В ЯНВАРЕ – ФЕВРАЛЕ 1919 Г.:
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН, КАНДИДАТСКИЕ СПИСКИ, ОБЩИЕ ИТОГИ**

26.01	Алупка (20)	Голосовало 1417 человек (ок. 40 %). Места: Мусульманский список – 7, Союз домовладельцев, арендаторов, и торговцев (во главе – бывший цензовый городской голова) – 5, Список профессиональных союзов – 6, Список группы граждан (кадетский) – 1, Список ремесленников – 1 [4, № 254; 22, № 30; 24, № 23]
26.01.	Карасубазар (32)	Голосовало 2237 из 6576 избирателей (34 %). Места: Мусульманский список – 14, Еврейский список – 9, остальные три списка – 9. Председателем думы избран Е. А. Кондораки [24, №№ 24, 30].
26.01.	Керчь-Еникале (68)	Голосовало 4420 или 4440 избирателей. Места: Керченская организация РСДРП – 25, Список от поселков градоначальства – 20, ПНС – 9, ПСР – 6, Внепартийная группа – 5, Торгово-промышленная группа – 2, Керченская сионистская организация – 1. Выборы прошли с серьезными нарушениями (прием записок в течение двух дней, допуск к голосованию лиц, не внесенных в списки избирателей, включение в избирательные списки несовершеннолетних), и поэтому по представлению министра внутренних дел окружной суд 26 февраля 1919 г. отменил их во всей совокупности. Керченская дума не согласилась с решением и опротестовала его. 22 ноября 1919 г. Правительствующий Сенат оставил жалобу без рассмотрения, так как к этому времени была избрана новая дума по закону Особого совещания, а выборы января 1919 г. «утратили всякое значение» [4, № 270; 5, л. 23; 6; 18, № 375; 22, № 45; 24, № 27].
до 01.02	Алушта (20)	Голосовало ок. 60 % избирателей. Места: Татарский список – 10, Список профессиональных союзов, украинской громады и народного университета – 3, Список «смирновцев» – 3, Еврейский список – 2, Список православной общины – 1, Список прогрессивной группы – 1. Городским головой избран С.-М. Халилев (татарин), в управу вошли двое русских и один татарин. Председателем думы избран А.-Э. Мухарский (татарин) [24, №№ 24, 63].

09.02.	Перекоп с Армянским базаром (20)	Голосовало 767 человек из 2473 (31 %), в т.ч. в Армянске 719 из 1927 (37,3 %), в Перекопе – 48 из 546 (8,8 %). Места: Мусульманское общество – 10, Народно-трудовая группа – 8, Жители города Перекопа – 1, Православное приходское общество – 1. Национальный состав: 11 русских, 5 татар, 3 еврея, 1 армянин. Образование: высшее – 2, среднее – 4, без образования – 14. Большинство думы составили мусульмане, перекопцы и прихожане, народно-трудовая группа оказалась в оппозиции. Городским головой избран А. Х. Ханчасов (православные приходы), поддержанный всеми группами [24, №№ 32, 44, 46].
09.02.	Ялта (50)	Участвовало 5000 избирателей (ок. 40 %). РСДРП получила 1700 голосов (ок. 34 %), ПНС – 1073 (ок. 22 %), Деловая группа объединенных городских и общественных деятелей (домовладельцы, правые, бывшие гласные «цензовой» думы и члены управы времен Сулькевича) – 849 (ок. 17 %), на последнем месте «Единство» с 26 голосами (ок. 0,5 %). Места: РСДРП – 15, ПНС – 11, Деловая группа – 9, ПСР – 7, ТНСП – 2, Группа беспартийных – 2, Украинская громада (украинские эсеры) – 1, Список граждан Аутки (украинские домовладельцы, правые) – 1, Еврейский список – 1, Союз технических сил – 1, Группа «Единство» – 0. Социалистический и несоциалистический фланги думы насчитывали по 25 гласных. В результате соглашения между социалистами и кадетами городским головой избран В. С. Елпатьевский (ТНСП), председателем думы – А. В. Тесленко (ПНС) [4, №№ 257, 268, 275, 287; 18, № 383; 22, №№ 32, 59; 24, №№ 33, 55].
16.02.	Джанкой (22)	Голосовало 619 человек из 3623 (17,1 %). Места: ПСР – 7, Еврейская национально-демократическая организация – 5, РСДРП – 3, Группа избирателей немецкой национальности – 3, Беспартийно-трудовая группа – 2, Список просветительного общества – 1, Торгово-промышленный список – 1, Список врачей и фельдшеров – 0. Национальный состав: 7 русских, 7 евреев, 4 немца, 3 армянина, 1 татарин [4, №№ 251, 256, 281; 18, № 392; 22, № 42; 24, № 40].
16.02.	Старый Крым (20 / 26)	По неизвестной причине избрано 26 гласных, а не 20, как должно было быть согласно расписанию. Места:

**ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ КРЫМА В ЯНВАРЕ – ФЕВРАЛЕ 1919 Г.:
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН, КАНДИДАТСКИЕ СПИСКИ, ОБЩИЕ ИТОГИ**

		Список беспартийных (правые) – 9, Список греческой общины – 5, Список Демократического блока, Союза воинов и профессионального союза рабочих – 5 (в т.ч. ПСР – 1, ТНСП – 1, также входила РСДРП), Татарский список – 3, Армянский список – 2, Список немецкого общества – 1, Список еврейского общества – 1. Городским головой избран З. К. Афендулов (грек), председателем думы – Е. Семенов (беспартийный), члены управы – по одному от Демократического блока и от евреев [4, № 281; 18, № 392; 22, № 46; 24, №№ 40, 62].
23.02.	Балаклава (20)	Выдвинуто 7 кандидатских списков. Приняли участие 747 избирателей из 1379 (54,2 %). Места: Группа рыбаков (правые) – 6, Демократический блок (гласные «демократической» думы, кооперативы, РСДРП) – 4, ПСР и сочувствующие – 4, Список домовладельцев – 2, Список предместья Кадыковка – 2, Список кооператива «Согласие» – 2. Списки рыбаков и домовладельцев носили правый характер и включали в свой состав, среди прочего, бывших полицейских чинов, игравших роль в «цензовой» думе при Сулькевиче [4, №№ 262, 269, 279, 285; 18, № 363].

Общие итоги крымских муниципальных выборов (включая отмененные результаты в Керчи) представлены в таблице 6. Конечно, таблица эта во многом условна, так как при ее составлении приходилось порой опираться исключительно на названия списков. Так, в категории «правые списки» оказались и наследники дореволюционных монархистов (например, прослеживаются определенные связи между феодосийской Церковно-общественной группой и Союзом русского народа [2, с. 91–92], а в евпаторийском «деловом» списке присутствовали черносотенцы [18, № 361]), и группы, объединенные исключительно экономическими интересами (в керченской Торгово-промышленной группе были представлены и русские, и евреи [5, л. 23]). Татарские списки также пришлось объединить, так как, в отличие от еврейских списков, четко делившихся на «буржуазные» и социалистические, политическая дифференциация в татарской среде еще не завершилась: если в Симферополе было выставлено три татарских списка, то в Евпатории единый татарский список включал и левых, и правых, и умеренных, а в других городах идеологическую ориентацию того или иного татарского списка установить вообще не представляется возможным.

Таблица 6

Общие итоги городских выборов в Крыму в начале 1919 г.

	Списки	Количество гласных	% мест
1	Татарские и мусульманские списки	107	19,49
2	РСДРП (включая «Бунд»)	86	15,66
3	Правые списки (домовладельческие, деловые, церковно-приходские, торгово-промышленные)	82	14,94
4	ПСР	62	11,29
5	ПНС	58	10,56
6–7	Левые списки (демократические, профсоюзные, трудовые, кооперативные)	35	6,38
6–7	Еврейские списки (сионисты, крымчаки)	38	6,92
8	ТНСП	8	1,46
9	Еврейские социалистические списки (СЕРП, «Поалей Цион»)	6	1,09
10	Греческие списки	5	0,91
11	Немецкие списки	4	0,73
12	Группа «Единство»	3	0,55
13–14	Армянские списки	2	0,36
13–14	Украинские списки	2	0,36
	Списки неопределенной ориентации	42	7,65
	Нет данных	9	1,64
	Всего гласных в 14 думах	549	100,00

Из таблицы видно, что на первом месте по количеству мест находятся татары, сумевшие провести масштабную кампанию по мобилизации своего электората, но, как уже говорилось, они не представляли собой единой политической группировки. Если же говорить не о совокупности различных списков, а о конкретной политической партии, то реальным победителем выборов стала РСДРП, которая в действительности получила больше мандатов, чем указано в таблице, так как в небольших городах партийные списки обычно не выставлялись, а ее члены баллотировались от широких левых коалиций («демократических» и т.п.).

Д. С. Пасманик, анализируя результаты выборов, отметил, что «с.-д. всплыли на большевистской волне», за них «голосовали рабочие и все, что мыслит и чувствует по-большевистски, все, что протестует против буржуазно-демократического правительства, против Добровольческой армии и против вооруженной борьбы с большевиками». В Крыму, лишенном крупной индустрии, не было базы для победы социал-демократов, но, несмотря на это, они победили в целом ряде городов (особенно характерен был пример Ялты, в которой

отсутствовали фабрики и фабрично-заводской пролетариат) [22, № 33]. Министр С. А. Никонов вспоминал, что председатель Совета профессиональных союзов Крыма и гласный симферопольской думы Л. П. Немченко «был вполне легальным работником под ярлыком социал-демократов интернационалистов, но все мы знали, что он большевик чистой воды» [16, с. 233]. Газета «Прибой» привела список надписей, оставленных севастопольскими избирателями на поданных за меньшевиков записках: «Да здравствуют Советы!», «Помоги вам Боже покорить под ножи змеев», «Да здравствует народовластие», «Смерть белой гвардии» [18, № 377]. Таким образом, РСДРП фактически стала легальным прикрытием для тех симпатизантов большевиков, кто не был готов брать оружие и идти партизанить в керченские каменоломни или заниматься подпольной агитацией. Как покажут дальнейшие события, победа меньшевиков окажется пирровой, а их новоприобретенный электорат – эфемерным.

Пасманик полагал, что новоизбранные думы будут недолговечны и «умрут преждевременной смертью», правда, он считал, что это произойдет «не вследствие внешнего насилия, а по причине внутреннего бессилия» [22, № 33]. Первое его предположение оказалось верным, второе – ошибочным. Городские думы Крыма, избранные в январе – феврале 1919 г., просуществуют до апреля месяца, когда будут разогнаны вернувшимися в Крым большевиками, а их место займут городские советы рабочих и красноармейских депутатов.

Список использованных источников и литературы

1. Ак Сес = Голос правды (Симферополь). 1919.
Ak Ses = Golos pravdy (Simferopol'). 1919.
2. Бобков А. А. Разворот солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918 / Вступ. ст. С. В. Волкова. – Феодосия – Симферополь: Издательская фирма «Оригинал-М», 2008. – 384 с.
Bobkov A. A. Razvorot solntsa nad Akvilonom vruchnyu. Feodosiya i feodosiitsy v Russkoi smute. God 1918 / vstup. st. S. V. Volkova. – Feodosiya – Simferopol': Izdatel'skaya firma «Original-M», 2008. – 384 s.
3. Вестник Крымского краевого правительства (Симферополь). 1918.
Vestnik Krymskogo kraevogo pravitel'stva (Simferopol'). 1918.
4. Вольный Юг (Севастополь). 1919.
Vol'nyi Yug (Sevastopol'). 1919.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 455. Оп. 1. Д. 9333.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK). F. 455. Op. 1. D. 9333.
6. ГАРК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9670.
GARK. F. 455. Op. 1. D. 9670.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 47.
Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. R-446. Op. 2. D. 47.
8. ГАРФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
GARF. F. R-6400. Op. 1. D. 7.
9. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. – Берлин: Книгоиздательство «Медный всадник», 1926. – 367 с.
Denikin A. I. Ocherki russkoi smuty. T. 5: Vooruzhennyye sily Yuga Rossii. – Berlin: Knigoizdatel'stvo «Mednyi vsadnik», 1926. – 367 s.
10. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 728 с.

- Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobeditelei. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Krymu. 2-e izd., ispr. i dop. – Simferopol': AntikvA, 2008. – 728 s.
11. Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. – Симферополь: ИПП «Таврия», 2002. – 192 с.
- Korolev V. I. Politicheskie partii Ukrainy i Kryma. Istoriya i sovremennost'. – Simferopol': IPP «Tavriya», 2002. – 192 s.
12. Крым в 1918–1919 гг. / публ. А. Гуковского // Красный архив. – 1928. – Т. 4(29). – С. 55–85.
Крым в 1918–1919 гг. / publ. A. Gukovskogo // Krasnyi arkhiv. – 1928. – Т. 4(29). – С. 55–85.
13. Местные и региональные выборы на территории бывшей Российской империи в 1917 – 1922 годах (городские думы, советы, парламенты новых государств) / Сост. В. В. Булат. СПб.: Нестор-История, 2019. 176 с.
Mestnye i regional'nye vybory na territorii byvshei Rossiiskoi imperii v 1917 – 1922 godakh (gorodskie dumy, sovery, parlamenty novykh gosudarstv) / sost. V. V. Bulat. SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 176 s.
14. Набоков В. Д. «Крым в 1918/19 гг.» / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. – 2015. – № 1. – С. 221–257.
Nabokov V. D. «Krym v 1918/19 gg.» / publ. A. S. Puchenkova // Noveishaya istoriya Rossii. – 2015. – № 1. – С. 221–257.
15. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 621. Картон 2. Д. 4.
Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (NIOR RGB). F. 621. Karton 2. D. 4.
16. Никонов С. А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности. В 3 т. Т. 3: 1917–1938 / публ. В. А. Соломонова и Е. Е. Федорова. – М.: Изд-во «Новый хронограф», 2018. – 448 с.
Nikonov S. A. Moi vospominaniya. Iz revolyutsionnoi bor'by i kul'turno-obshchestvennoi deyatel'nosti. V 3 t. T. 3: 1917–1938 / publ. V. A. Solomonova i E. E. Fedorova. – M.: Izd-vo «Novyi khronograf», 2018. – 448 s.
17. Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. – Paris: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1926. – 226 с.
Pasmanik D. S. Revolyutsionnye gody v Krymu. – Paris: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1926. – 226 s.
18. Прибой (Севастополь). 1919.
Priboi (Sevastopol'). 1919.
19. Раков В. В. Муниципальные выборы января – февраля 1919 года в Крыму // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «IV Феодосийские научные чтения». Феодосия: [Б.и.], 2017. С. 128–133.
Rakov V. V. Munitsipal'nye vybory yanvarya – fevralya 1919 goda v Krymu // Trudy mezhdistsiplinarnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «IV Feodosiiskie nauchnye chteniya». Feodosiya: [B.i.], 2017. S. 128–133.
20. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-2092. Оп. 1. Д. 12.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota (RGA VMF). F. R-2092. Op. 1. D. 12.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 998.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 71. Op. 35. D. 998.
22. Таврический голос (Симферополь). 1919.
Tavricheskii golos (Simferopol'). 1919.
23. Чемакин А. А. Муниципальная политика правительства С. Сулькевича и выборы в городские думы Крыма (лето – осень 1918 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2023. – № 1. – С. 42–54.

Chemakin A. A. Munitsipal'naya politika pravitel'stva S. Sul'kevicha i vybory v gorodskie dумы Kryma (leto – osen' 1918 g.) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. – 2023. – № 1. – S. 42–54.

24. Южные ведомости (Симферополь). 1919.

Yuzhnye vedomosti (Simferopol'). 1919.

25. Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. Крымскотатарская газета «Акь Сес – Голос правды» (1918–1919): идейно-политическая позиция и проблемно-тематическое своеобразие // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 124–147.

Yablonovskaya N. V., Dzhelilova L. Sh. Krymskotatarskaya gazeta «Ak" Ses – Golos pravdy» (1918–1919): ideino-politicheskaya pozitsiya i problemno-tematicheskoe svoeobrazie // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2021. – № 1. – S. 124–147.

26. Hoover Institution Archives (HIA). Krymskoe Kraevoe Pravitel'stvo records. Box 2. Folder 3. A complete set of voting papers [ballots] for the elections to the Crimean Diet 1919.

Chemakin A. A. Elections to the city dumas of Crimea in January – February 1919: electoral law, candidate lists, general results

The article examines the elections to the city dumas of Crimea, which were held by the second Crimean Regional Government in early 1919. The elections were held under the old law of the Provisional Government with some changes (the voting age was raised from 20 to 21 years, and a semi-annual residence requirement was introduced). The main winners of the elections were the Mensheviks, who were supported not only by their adherents, but also by sympathizers of the Bolsheviks, and the Crimean Tatar lists, who managed to conduct an effective campaign to mobilize their electorate. The Kadets, the main government party, performed successfully in Simferopol, but their results in other cities were not particularly outstanding. The Socialist-Revolutionaries, whose philistine electorate either ignored the vote or sided with other parties, suffered serious losses. The author publishes full electoral statistics for Simferopol, Sevastopol, Feodosia, Bakhchysarai, and briefly describes the results of the elections in all other cities of Crimea (Yevpatoria, Alupka, Karasubazar, Kerch-Yenikale, Alushta, Perekop and Armenian Bazaar, Yalta, Dzhankoi, Saryi Krym, Balaklava).

Keywords: Crimea, Civil War, city dumas, Social Revolutionaries, Mensheviks, Kadets, Crimean Tatars.

УДК 94(497.1)“1962/1983”

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СЛУЖЕБНЫХ КАРЬЕР
В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НАЧАЛО 1960-Х – НАЧАЛО 1980-Х ГГ.)**

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет
Российская Федерация, г. Севастополь
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Предпринята попытка применить к Югославии концепцию Б.Андерсона о влиянии служебных карьер на развитие национальных идентичностей. В 1960-е – 1980-е гг. замыкание политических карьер в республиканских границах усилилось. Предпринятые в начале 1960-х гг. меры по развитию горизонтальных контактов республик не дали ожидаемых результатов. Республики усилили дополнительные возможности давления на центр. В 1964-1969 гг. произошла дальнейшая децентрализация правящей партии, спецслужб и частично военного дела. В результате межреспубликанское движение кадров сохранилось только в армии, а работа в центральных союзных органах перестала быть вершиной служебной карьеры, этот статус перешел к республиканским должностям. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Югославии закономерно усилились националистические движения. После их подавления в кадровую политику были внесены изменения: занять высшие должности в республиках можно было только продемонстрировав лояльность Югославии во время предыдущей работы в центральных органах. Для успешной работы этого механизма поддержания югославской идентичности требовались независимые арбитры, но кадровая система препятствовала их воспроизводству, и к началу 1980-х гг. они вымерли. После этого кризис югославской идентичности в рядах партийно-государственной бюрократии стал неизбежен.

Ключевые слова: Югославия, кадровая политика, партийно-государственная бюрократия, идентичности, республиканизм.

Данное исследование основано на идеях Б.Андерсона, что пространственная конфигурация служебных карьер у региональных бюрократий влияет на формирование их идентичностей [1, с. 114–122]. В статье предпринята попытка проследить, как особенности карьерных маршрутов югославской партийно-государственной бюрократии влияли на баланс между югославской и национальными идентичностями. Проблема рассмотрена на материале 1960-х – начала 1980-х гг. К этому времени политика децентрализации, начатая с 1950 г., существенно сузила возможности для формирования югославской идентичности в среде партийно-государственной бюрократии. В Югославии действовало правило, по которому партийные и государственные работники могли делать управленческую карьеру только в пределах той республики, где родились. Их перемещения из республики в республику по общему правилу были невозможны. Исключения составляли военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел (включая спецслужбы), пограничники, таможенники, работники некоторых служб транспорта и связи. Из республиканских рамок можно было выйти, перейдя на

работу в центральные органы федерации, но в результате децентрализации количество должностей на этом уровне многократно уменьшилось.

К началу 1960-х гг. высшее руководство Югославии осознало, что замыкание республиканских кадров в региональных границах чревато негативными последствиями. Поэтому в 1962 г. был проведен в жизнь ряд мер, призванных оживить циркуляцию кадров между республиками и союзным центром и повысить их общегославскую лояльность. Э. Кардель в 1961 г. предложил ввести ротацию кадров. По его словам, когда кто-то долго сидит в одной республике, он не может видеть вещи под другим углом, а центральное руководство теряет способность понять интересы республик [18, s. 198–199]. Это была здравая идея, но она не предполагала горизонтальное движение кадров между республиками, допуская только вертикальную циркуляцию между республиками и союзным центром. Так или иначе в государственном аппарате массовая ротация началась с весны 1963 г., а в партии с декабря 1964 г. Тито выступил в марте 1962 г. с критикой союзных хозяйственных чиновников, в первую очередь в плановом секторе, и предложил обновить центральный аппарат свежими кадрами из республик [18, s. 259]. Тут же начались активные кадровые перестановки в правительстве, а летом 1962 г. Союзная Скупщина внесла поправки в закон о публичных служащих, облегчающий обновление союзного госаппарата.

Привлечение новых кадров в партийный и государственный аппарат в 1962–1963 гг. вновь использовалось как лекарство от местничества. Например, Б.Крайгер, зарекомендовавший себя как борец за местные интересы, был снят с должности главы словенского правительства и переведен в Белград на должность заместителя председателя Союзного исполнительного веча. То же самое происходило внутри Сербии. Более десяти воеводинских политиков были переведены на разные новые должности в союзном и центральном республиканском аппарате, чтобы излечить их от чрезмерного увлечения автономизмом. Г.Тиквицкий и Д.Богданов стали заместителями председателя Союзной хозяйственной палаты, П.Релич перешел в конституционный суд и т. д., а С. Дороньский вошел в правительство Сербии [2, с. 132, 152].

В 1967 г. эффективность этого лекарства признали даже аналитики ЦРУ: «Многие новые люди, даже те, которые в свое время очень выделялись в отстаивании большей региональной автономии, обнаружили значительный интерес к статусу кво и стали защитниками федеративного концепта, когда сейчас несут большую ответственность в высших эшелонах партийных и государственных органов. Многие и дальше будут использовать эмоциональную привлекательность партикуляризма в отношениях со сторонниками на публике, но большинство, по всей вероятности, вытеснит этот вопрос в своем подходе к решению национальных проблем» [14, s. 239]. Впрочем, как будет показано ниже, данный оптимизм был чрезмерен.

В 1960-е гг. наконец были реализованы безуспешные планы 1950-х гг. по взаимным поездкам республиканских политических лидеров. Союзные руководители заняли позицию «договаривайтесь сами друг с другом», и

республиканские лидеры в случае необходимости решить те или иные вопросы обречены были идти на двусторонние горизонтальные контакты. Взаимные визиты региональных политиков перестали быть экзотикой.

Казалось бы, эти меры должны были укрепить единство страны, но они запоздали. Как мы уже упоминали, республики превратились в центр притяжения для своих кадров еще в 1950-е гг. При таких условиях, когда к середине 1960-х гг. союзный аппарат был пополнен новыми кадрами с мест, он был в сущности наводнен агентами республиканских центров. А когда союзные руководители в эти же годы стимулировали республики к выстраиванию двусторонних контактов, они использовали эти горизонтальные связи не для укрепления Югославии, а чтобы выработать совместные планы по ослаблению общегославского центра. Особенно активные горизонтальные контакты по объединению сторонников дальнейшей децентрализации Югославии наладил хорватский лидер В.Бакарнич. 16 ноября 1964 г. он побывал в Македонии и сумел склонить ее руководство на сторону реформаторов, аналогичных успехов он добился и в Боснии [17, s. 221, 226]. В результате в 1960-е гг. усиливается давление из республик, чтобы реформировать партию и децентрализовать крупнейшие государственные учреждения, где движение кадров сохраняло внереспубликанский характер и свободно происходило по всей территории Югославии. Это в первую очередь армия и спецслужбы.

Пока шла кампания по оздоровлению руководящих кадров, в апреле 1963 г. была принята новая конституция. Она предполагала перенос части хозяйственных функций федерации на республики и на независимые банки, тем самым сокращая численность союзного аппарата управления и, как следствие, уменьшая потенциальную возможность выхода служебной карьеры с республиканского на союзный уровень. После принятия конституции сторонники дальнейшей децентрализации активизировались и направили свой натиск на центральные органы СКЮ. Уже летом 1964 г. под их влиянием был подготовлен проект нового партийного устава, который усиливал кадровую роль республиканских ЦК. Во-первых, менялась очередность проведения съездов: как правило съезд СКЮ должен был проходить после республиканских. Во-вторых, в способ формирования ЦК СКЮ проникал принцип делегирования: политические секретари республиканских ЦК вводились теперь в ЦК СКЮ в силу занимаемой должности, а ЦК СКЮ должен был формироваться по республиканским квотам, для которых республики сами предлагают свои кандидатуры [7, l. 40, 49, 66–67]. Идея республиканских квот не прошла, а остальные нормы нашли отражение в уставе СКЮ, утвержденном на VIII съезде в декабре 1964 г. и были реализованы на практике в последующие годы.

Деятельность югославских спецслужб до сих пор изучена плохо, потому о борьбе за их децентрализацию мы знаем лишь в самых общих чертах. С 1946 г. спецслужбы входили в состав союзного министерства, а позже секретариата внутренних дел в качестве управления государственной безопасности. С 1963 г. управление было переименовано в службу государственной безопасности, но на внутреннем устройстве органов это не сказалось – вся система секретариата внутренних дел в начале 1960-х гг. сохраняла кадровое единство в масштабах всей

страны. Однако к тому времени в республиках уже предпринимались попытки ограничить передачу информации в центральные союзные органы секретариата [18, s. 184–185], т. е. взять под контроль работу кадров, но пока еще не их движение. Согласно утверждению В.Бакарича уже в первой половине 1960-х гг. хорватская политическая верхушка хотела добиться самостоятельности хорватской госбезопасности от союзной, лишив ее союзного влияния, а в 1965 г. занялась этим более серьезно [17, s. 241]. К лету 1966 г. аналогичные амбиции появились у партийного руководства Словении и отдельных сербских политиков типа П. Стамболича, известное недовольство работой спецслужб назрело в Боснии [12, s. 70, 98, 104, 108, 247, 621].

Тем временем в высшем руководстве Югославии разгорелся политический конфликт из-за различного отношения к рыночным реформам. Их главным противником оказался А.Ранкович, фактически второй человек в тогдашней партийно-государственной иерархии. Чтобы удар по Ранковичу оказался сокрушительным, была затеяна целая интрига. В результате его ввергли в политическое небытие не за противодействие реформам, а за попустительство произволу спецслужб в отношении высших руководителей страны. В июле 1966 г. на Брионском пленуме ЦК СКЮ он был снят со всех должностей и отправлен на пенсию. Вся эта история до сих пор вызывает много вопросов, но нам сейчас важно, что благодаря ей усилилась политика децентрализации: в 1966 г. она охватила спецслужбы и вновь распространилась на партию, а в 1968 г. затронула армию. Соответствующие требования были выдвинуты в процессе подготовки и проведения Брионского пленума [12, s. 89, 91, 108, 234, 350–351].

По реформированию спецслужб решение было принято 14 сентября 1966 г. и полностью реализовано в следующем году. В 1967 гг. от службы госбезопасности на федеральном уровне остались только отделения, ответственные за координацию работы в целом. Все прочие задачи были переданы республиканским подразделениям, теперь они отвечали за оперативную безопасность и разведку. Соответственно численность центрального аппарата многократно снизилась [13, s. 25].

Принципы реформы партии были сформулированы 19 сентября 1966 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ, среди них один касался децентрализации союзных партийных органов: вводились республиканские квоты для членов Исполкома и нового органа – Президиума ЦК СКЮ, а их кандидатуры вносились республиканскими ЦК [12, s. 511–516]. Этот принцип был применен при подготовке IX съезда СКЮ в 1969 г.: республики полностью самостоятельно предложили и избрали свои кандидатуры для ЦК СКЮ, а союзный съезд их только формально утвердил [9, s. 328, 330–331]. Соответствующее положение отразилось в ст. 44 нового устава СКЮ, принятого на съезде. В сравнении с проектом 1966 г. оно было дополнено принципом равноправного представительства республик и краев в ЦК СКЮ, переименованного в постоянную конференцию. Как венец политики децентрализации СКЮ был провозглашен объединением самостоятельных республиканских и краевых организаций, которые несут совместную

ответственность за его работу [19, с. 283, 297]. Так с 1969 г. ЦК СКЮ формировался исключительно путем делегирования, а политический вес республиканских руководств необычайно увеличился.

Черед армии наступил немного позже. Югославская народная армия всегда пользовалась особым покровительством Й. Броза-Тито, была его любимым детищем и находилась на особом положении. Это была самодостаточная замкнутая организация, которую все децентрализации обходили стороной. Армейские кадры были полностью автономны в своем обеспечении, ибо у армии были свои больницы, поликлиники, базы отдыха, сельхозпредприятия, гостиницы и т.п. [5, с. 287], т.е. они могли жить в своем внутреннем мире лишь эпизодически соприкасаясь с местным населением. Что особенно важно, армейские кадры постоянно перемещались по всей территории страны. Внутри ЮНА культивировалось чувство югославской общности. Армейский представитель О.Креачич на заседании идеологической комиссии ЦК СКЮ в мае 1956 г. подробно описал, какими методами там способствовали взаимному сближению народов Югославии: в армии сознательно направляли призывников на прохождение службы в другие республики, каждая часть комплектовалась представителями всех республик, точно так же офицеры были распределены по всем республикам, при наборе в «офицерские школы» пропорционально учитывалось процентное соотношение поступающих и населения республик. Все эти принципы Креачич отнес к работе по укреплению общегославского патриотизма [8, л. 86]. Конечно, в ЮНА не могли знать о будущих идеях Б. Андерсона, но для формирования югославского патриотизма действовали вполне в их духе.

Однако даже в ЮНА с 1950-х гг. движение кадров сталкивалось с постепенно нарастающими проблемами. Армейский плавильный котел югославизма работал исправно, но у отдельных народов сокращалось число желающих в него погружаться. Всё меньше словенцев и хорватов поступало в военные училища, традиционно игнорировали военную карьеру албанцы, поэтому среди офицеров непропорционально возрастал удельный вес сербов и черногорцев. Стремление югославских политиков привести состав офицеров в соответствие с национальным составом страны не давало результатов [4, с. 264; 6, с. 118, 120].

Причины этого явления, видимо, многообразны, например, для этнического сознания сербов и черногорцев характерна мощная военная традиция, а у словенцев она отсутствует, но было среди этих причин и межреспубликанское движение офицерских кадров. Нежелание покидать территорию своей республики заметно тормозило приток в армию словенской и отчасти хорватской молодежи. О.Креачич еще в мае 1956 г. констатировал: «Есть случаи, когда офицеры из Словении хотят проходить службу только в Словении, и тут и там слышится от словенцев, что если бы существовала национальная армия в Словении, намного больше словенцев записывалось бы в офицеры» [8, л. 86]. Партийное руководство Словении подыгрывало этим тенденциям еще с начала 1950-х гг., когда пришло к выводу, что офицеры словенцы должны сохранять связь со своей республикой, где бы они ни служили: «По всем важнейшим политическим акциям на местах нужно привлекать

к работе, в частности в родном регионе, также офицеров, которые служат вне Словении. С ними проводить конференции и оповещать их о явлениях в Словении и на месте» [20, s. 270]. В перспективе эта мера могла существенно ограничить циркуляцию армейских кадров, если они не могут оборвать пуповину, соединяющую их с родной республикой.

Наконец, после отставки А. Ранковича поборники децентрализации взялись за ЮНА. В авангарде реформаторов шли хорватские и словенские руководители. В октябре 1966 г. первый секретарь ЦК СК Хорватии В. Бакарич публично пожаловался, что из Хорватии почти никто не поступает в военные академии [17, s. 245]. Словенские инициативы по этому вопросу тоже продвигал республиканский ЦК. Согласно данным комиссии по межнациональным и межреспубликанским отношениям ЦК СКС, собранным в 1968 г., в 1961–1964 гг. резко упало число словенцев, поступающих в военные училища, следствием чего стало падение доли словенцев среди офицеров ЮНА. По мнению комиссии, словенцы не шли в офицеры, так как не хотели служить в других регионах из-за языка обучения детей и трудностей с трудоустройством жен. Чтобы повысить долю словенцев в офицерском корпусе в комиссии предложили увеличить долю военных, которые бы несли службу на территории республики, и учитывать принцип экстерриториальности только при получении специальных технических знаний [15, s. 164].

Вскоре на внутренние центробежные процессы наложился международный фактор – подавление «Пражской весны». В ответ на советское вторжение в Чехословакию с сентября 1968 г. в Югославии началась реформа армии, одна из составляющих которой – создание территориальной обороны. Она получила собственную командную систему, организованную по республикам и подчиненную республиканским властям, что привело к частичному территориальному прикреплению армейских кадров. Терроборона состояла из тактических подразделений, относимых к воинским формированиям второго эшелона, однако служба в ней приравнивалась к службе в ЮНА [3, с. 273–274, 308–309]. Уступая словенскому давлению в армейском командовании с 1969 по 1970 гг. обсуждали вопрос расширенного использования национальных языков, были выдвинуты проекты повышения доли офицеров, которые бы служили на родной территории. Однако с 1971 г. обсуждение подобных идей прекратилось [15, s. 170–172]. Вероятно, на это повлияло массовое националистическое движение в Хорватии, когда Тито осознал, что армия – последняя опора единства Югославии. Так движение кадров ЮНА в республиканских рамках не замкнулось и осталось экстерриториальным, и армия стала главным исключением из общего правила. Когда в начале 1990-х распад Югославии принял необратимый характер, ЮНА осталась единственной общегославской силой. Именно поэтому в 1991 г. она выступила как самостоятельный политический фактор, пытаясь насильственно предотвратить крушение федеративного государства.

Во второй половине 1960-х гг. в Югославии всё более заметно начали проступать побочные последствия децентрализации и реформ в кадровой политике.

Республики стали центрами притяжения даже для союзных кадров. Изменились «референтные группы», на которые теперь ориентировались члены ЦК. «Члены Центрального комитета все больше вели себя как делегаты избравших их региональных партийных организаций, а не как представители центрального партийного учреждения», – отмечает историк Л. Коэн [11, р. 154] и добавляет в другой работе: «Новые политические директивы передали региональным партийным органам ответственность за отбор своих собственных должностных лиц. После 1966 г. кадровая комиссия в ЦК в Белграде прекратила свою деятельность, хотя подобные комиссии остались в некоторых республиках и краях» [10, р. 108]. Д. Биланджич указывает, что в этой системе отношений функционеры федерации развернулись к своим республикам, «ибо публичная руководящая должность чаще всего является единственным источником личного существования функционера» [9, s. 329]. Официальные югославские историки хорошо раскрыли последствия такого поворота: поскольку во второй половине 1960-х гг. право размещения высших и средних кадров перешло от ЦК СКЮ к партийным организациям республик, федеративные учреждения попали в зависимость от них [16, s. 281]. Эти процессы вызвали сильное сопротивление федеральной администрации, поскольку там всё заметнее снижалось качество управления: «Выдающиеся личности неохотно шли на работу в союзную администрацию. Они разворачивались к центрам новой политической силы, а она явственно росла в республиках. Стало даже трудно сформировать союзное правительство, в которое республики слали, как правило, личностей второстепенного ранга» [16, s. 282].

С точки зрения пространственной характеристики, это всё означало, что вершиной служебной карьеры теперь являлась должность в республиканском центре, а работа в союзных органах это случайное отклонение от магистрального карьерного маршрута, всецело пролегающего в пределах одной республики. В рядах партийно-государственной бюрократии возникли благоприятные условия для окончательного вытеснения общегославской идентичности республиканскими. Надо ли удивляться после этого, что с конца 1960-х гг. в Югославии оживляются националистические настроения? Особый размах они приобрели в 1971 г. в Хорватии, где развивались при благожелательном отношении молодой части республиканского партийного руководства.

Предпринятые в 1971 г. конституционные реформы дополнительно ослабили роль союзного центра. Казалось бы, Югославии угрожал скорый распад, но высшие партийные руководители страны придумали как с помощью карьерных маршрутов укрепить югославскую идентичность партийно-государственной бюрократии и в то же время не поставить под сомнение роль республиканских центров как высших точек служебной карьеры. Найденное решение стало логическим продолжением традиционного метода, когда региональные кадры лечили от местничества, переводя на работу в центральные органы.

С 1972 г. воссозданные и укрепленные кадровые комиссии СКЮ предъявляли республиканским представителям, направляемым в органы федерации, требование, что все они должны вести себя как члены единой внеэтнической и

межрегиональной политической организации, а не как послы республик и провинциальных партийных аппаратов. Дальше решающую роль приобретала кадровая характеристика. Хотя некоторые выходцы из республик стремились задержаться в Белграде и дальше работать в союзных органах после истечения сроков их пребывания в должности, большинство предпочитало вернуться в свой собственный организационный сектор на региональном уровне. Лица, желающие работать республиканскими и краевыми функционерами, могли подняться к этим карьерным вершинам, только если на работе в Белграде зарекомендовали себя борцами за общегославские интересы и проблемы. Чтобы они не впадали в соблазн лоббизма, союзные органы применяли еще одно противоядие — распределяли кадры, прибывшие из республик, пропорционально, дабы земляки не концентрировались в каком-нибудь одном учреждении [10, р. 114, 117, 134]. Для придания устойчивости новой системе республиканские политики увлекающиеся местничеством или же склонные к национализму в начале 1970-х гг. были подвергнуты чисткам и устранены из политической жизни.

Подражая рассуждениям Б.Андерсона, можно сказать: когда все эти выходцы из разных республиканских номенклатурных кланов встречались вместе в союзных учреждениях, они задавались вопросом «Почему мы все здесь?» Так как они не представляли свою республику в силу занимаемой должности в республиканском аппарате, на это у них следовал один ответ «Потому что мы все югославы». В свою очередь, когда такой работник переходил в республику и подбирался там к вершинам карьерной лестницы, он мог задать вопрос «Почему я здесь?» и ответить на него «Потому что я доказал, что в первую очередь я югослав, а не серб или хорват». Теперь работа в федерации превратилась из случайного в необходимый элемент восходящего карьерного маршрута, и югославская идентичность партийно-государственной бюрократии временно укрепилась.

Этот изящный рецепт, рожденный в начале 1970-х гг., имел существенные ограничения. Во-первых, продолжительность работы в союзных органах составляла всего лишь четыре года, чего мало для выработки устойчивой идентичности чиновника. Во-вторых, общее число партийно-государственных работников, которых нужно было пропустить через союзные должности, существенно превышало имевшиеся у федерации возможности. Из-за децентрализации в союзном аппарате осталось слишком мало должностей. Например, в 1965–1981 гг. средняя численность партработников в расчете на одну республику или край была в 1,5–2 раза выше их численности на союзном уровне [10, р. 103]. В Югославии было шесть республик и два края. Получается, пропустить через работу в союзных партийных органах можно было в среднем не более 1/12 части аппарата каждого из этих субъектов.

Но было и третье, более серьезное ограничение. Для поддержания этой системы требовалось какое-нибудь политическое ядро, которое не связано с республиканскими кадрами и может независимо от их влияния определять, кто ведет себя в соответствии с югославскими интересами, а кто нет. Между тем, система ротации не оставляла шансов на развитие кадрового ядра, связанного

исключительно с союзным центром. Несмотря на отмеченные попытки отдельных людей задержаться в Белграде, значение союзных кадров в правительстве Югославии из года в год снижалось [10, р. 134]. Они постепенно уходили на пенсию, а новая смена почти не воспроизводилась. Аналогичным образом оказалось невозможным воспроизводство политиков общегославского масштаба, которые могли бы своим авторитетом поддерживать эту своеобразную систему. С этим в Югославии всё было плохо даже в благополучные времена: еще в 1956 г. председатель идеологической комиссии П. Стамболич констатировал, что в стране имеется только четыре человека, о которых можно сказать, что они общегославские политики – это Тито, Ранкович, Кардель и Моша Пьяде [8, л. 51]. М. Пьяде умер в 1957 г., А. Ранкович был вычеркнут из политической жизни в 1966 г., Э. Кардель умер в 1979 г., а Й. Броз-Тито – в 1980 г. Правда, эпоха горизонтальных республиканских контактов выдвинула еще одну общегославскую фигуру — В. Бакарича, которого в конце 1970-х гг. даже воспринимали как возможного преемника Тито, но и он скончался уже в январе 1983 г. Ни одного общегославского политика в стране не осталось, а принципы коллективного руководства в государстве и партии, закрепленные в конце 1960-х гг., сделали их появление невозможным. Состав Скупщины и президиума СФРЮ, ЦК и Президиума СКЮ формировались по делегатскому принципу, и их члены на практике были только политическими представителями своих республик. В 1985 г. историк Д.Биланджич писал: «После смерти Тито прошло почти пять лет. В политической жизни за это время не появилось ни одного сигнала рождения такого нового лидера Югославии. Конституция страны и устав партии это запрещают. Но не только это является причиной, что не было кандидата в «наследники»... Сейчас даже на отдаленном горизонте нет такого общегославского массового движения, которое могло бы породить мощную харизматическую личность». Тито «был первым, но, похоже, неповторимым лидером всех югославов» [9, с. 471]. Тем самым никаких арбитров в межреспубликанских конфликтах к началу 1980-х гг. не стало. Преемникам Тито хватило сил сохранить единство до 1989 г., а затем обостряющиеся социально-экономические противоречия его взорвали.

Таким образом, в начале 1960-х гг. высшее руководство Югославии предприняло попытку оживить движение кадров, чтобы уменьшить их республиканскую замкнутость. Она оказалась запоздалой. Республиканские бюрократии накопили к тому времени времени такой потенциал, что использовали усиление взаимных контактов для дальнейшей децентрализации. В 1960-е гг. децентрализация охватила правящую партию (с 1964 по 1969 г.), спецслужбы (в 1966–1967 гг.) и отчасти армию (1969 г.). Возможности выхода карьер за пределы республик еще больше сузились. В результате должности в республиканском аппарате стали восприниматься как вершина служебной карьеры, а баланс между югославской и национальной идентичностями резко сдвинулся в пользу последних. В начале 1970-х гг. этот баланс был несколько изменен за счет нововведений в кадровой политике. Республиканские должности остались венцом карьеры, но путь к ним отныне пролегал через работу в органах федерации и демонстрацию

югославской лояльности. Эта система функционировала, пока во главе федерации сохранялись политики, способные оценить лояльность к Югославии как независимые арбитры. Сложившаяся система служебных карьер не могла воспроизводить такие кадры и в начале 1980-х гг. они физически вымерли. Вскоре после этого начался политический кризис, приведший к распаду Югославии. Примечательно, что единственной силой, пытавшейся до самого конца противостоять распаду федерации, оказалась армия. Только там к тому времени сохранялось межреспубликанское движение кадров и поддерживалась на этой основе югославская идентичность. Проведенное исследование показывает полную применимость концепции Б. Андерсона к Югославии и позволяет лучше объяснить развитие националистических настроений в среде партийно-государственной бюрократии.

Список использованных источников и литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2016. – 416 с.
Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – Moscow, 2016. – 416 p.
2. Бјелица С. Спорови око аутономије Војводине. – Књ. 1: 1961–1974. – Београд, 2015. – 342 с.
Bjelica S. Sporovi oko autonomije Vojvodine. – Knj. 1: 1961–1974. – Beograd, 2015. – 342 s.
3. Улуњан Ар. А. Балканскиј «шит социјализма». Оборонна политика Албаније, Бугарије, Румуније и Југославије (середина 50-х гг. – 1980 г.). – М., 2013. – 912 с.
Ulunyan Ar. A. Balkanskiy «shchit sotsializma». Oboronnaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 50-h – 1980 g.). – Moscow, 2013. – 912 p.
4. Фрејдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). – СПб, 2001. – 318 с.
Freydson V. I. Istorija Horvatii. Kratkiy ocherk s drevneyshih vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.). – Saint Petersburg, 2001. – 318 p.
5. Чкречић Д. Поглед искоса: људи, судбине, коментари. – Београд, 2009. – 457 с.
Čkrebić D. Pogled iskosa: ljudi, sudbine, komentari. – Beograd, 2009. – 457 s.
6. Abazović M. D. Kadrovski rat za BiH (1945–1991). – Sarajevo, 1999. – 458 s.
7. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 102: Stenografske beleške sa sednice IK CK SKJ od 6 i 7 jula 1964. godine u Beogradu. – 145 l.
8. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/VIII: Ideološka komisija CK SKJ. – Kutija 5. – P. II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. – L.1–108.
9. Bilandžić D. Historija Socijalistike federativne republike Jugoslavije: glavni procesi: 1918–1985. – Zagreb, 1985. – 830 s.
10. Cohen L. Regional elites in Socialist Yugoslavia: Changing patterns of recruitment and composition // Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia. – London, Boston, Sydney, 1983. – P. 98–135.
11. Cohen L. J. The Socialist Pyramid: Elites and Power in Yugoslavia. – Oakville, 1989. – 499 p.
12. Četvrta sednica CK SKJ. Brionski plenum. (Stenografske beleške sa Četvrtog plenuma, materijali Izvršnog komiteta CK SKJ, izvod iz stenografskih beležaka Šeste sednice CK SK Srbije, reagovanja domaće i svetske javnosti, pisma, telegrami, izjave i dr.) / priredio je Jovan P. Popović. – Beograd, 1999. – 957 s.
13. Dimitrijević B. Intelligence and security services in Tito's Yugoslavia // Istorija 20. veka. – 2019. – № 2. – S. 9–28.
14. Dokumenta CIA o Jugoslaviji: 1948–1983 / priredio M. Pavlović. – Beograd, 2009. – 335 s.
15. Gabrič A. Slovenščina in Jugoslavanska ljudska armada // Prispevki za novejšo zgodovino. – 2014. – №2. – S. 155–177.

16. Morača P., Bilandžić D., Stojanović S. Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Kratak pregled. – Beograd, 1977. – 356 s.
17. Mujadžević D. Bakarić. Politička biografija. – Slavonski Brod – Zagreb, 2011. – 383 s.
18. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M.Zečević. – Beograd, 1998. – 311 s.
19. Ustav Saveza komunista Jugoslavije // IX kongres Saveza komunista Jugoslavije. – Beograd, 1969. – S.279-307.
20. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. – 386 s.

Y. V. Shakhin. Spatial aspect of service careers in the Yugoslav Federation (early 1960s – early 1980s)

The article attempts to apply to Yugoslavia B. Anderson's concept of the influence of service careers on the development of national identities. In the 1960s – 1980s the closure of political careers within the republican borders intensified. Some measures taken to develop horizontal contacts between the republics in the early 1960s didn't give the expected results. The republics have increased additional possibilities of pressure on the center. There was a further decentralization of the ruling party, intelligence services and partially military affairs in 1964–1969. As a result, the inter-republican movement of personnel was preserved only in the army, and work in the federal bodies ceased to be the pinnacle of a service career, this status was transferred to republican positions. In the late 1960s – early 1970s nationalist movements naturally intensified in Yugoslavia. After their suppression, changes were made to the personnel policy: it was possible to occupy the highest positions in the republics only by demonstrating loyalty to Yugoslavia during previous work in the central bodies. Independent arbitrators were required for the successful operation of this mechanism for maintaining the Yugoslav identity, but the personnel system prevented their reproduction, and by the beginning of the 1980s they died out. After that, the crisis of Yugoslav identity in the ranks of the party-state bureaucracy became inevitable.

Keywords: Yugoslavia, personnel policy, party-state bureaucracy, identities, republicanism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Беднарчик
Геннадий
Игоревич** переводчик, преподаватель французского языка колледжа Черниховски (г. Нетания, Израиль)
- Бочарникова
Александра
Владимировна** кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра экологической безопасности Российской академии наук – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН» (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
- Петрова
Элеонора
Борисовна** доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
- Постникова
Екатерина
Георгиевна** доктор филологических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск, Российская Федерация)
- Прохорова
Татьяна
Александровна** кандидат исторических наук, заведующая научно-архивным отделом ФБГУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»» (г. Севастополь, Российская Федерация)
- Руев
Владимир
Леонидович** кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)
- Сарапулкина
Татьяна
Викторовна** заместитель директора по музеефикации и охране объектов культурного наследия ФБГУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»» (г. Севастополь, Российская Федерация)
- Тарнягина
Евгения
Андреевна** аспирант Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Твердохлебов Николай Иванович	кандидат исторических наук, независимый исследователь (Симферополь, Российская Федерация)
Чемакин Антон Александрович	кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Шахин Юрий Владимирович	кандидат исторических наук, доцент Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация)

СОДЕРЖАНИЕ

Бочарникова А. В.

Коренные малочисленные народы Севера и Сибири и идентичность:
горожане и переселенцы 3

Петрова Э. Б., Беднарчик Г. И.

Два путешествия в Тавриду российского музыканта
Арведа Портена: к 150-летию выхода в свет книги
«Артистическое турне в глубь России» 17

Постникова Е. Г.

Послевоенный Крым глазами подводника:
проблема выхода из войны 43

Прохорова Т. А., Сарапулкина Т. В.

Археологические выставки в музее-заповеднике
«Херсонес Таврический»: научная концепция
и экспозиционный подход 65

Руев В. Л.

Хроника пребывания императрицы Екатерины II
в Херсоне в мае 1787 г. 101

Тарнягина Е. А.

О попытках создания Оун в Симферополе
в период немецко-фашистской оккупации:
по документам органов государственной безопасности 115

Твердохлебов Н. И.

Дипломатическая деятельность М. С. Воронцова 125

Чемакин А. А.

Выборы в городские думы Крыма в январе – феврале 1919 г.:
избирательный закон, кандидатские списки, общие итоги. 134

СОДЕРЖАНИЕ

Шахин Ю. В.	
Пространственный аспект служебных карьер в Югославской федерации (начало 1960-х – начало 1980-х гг.)	151
Сведения об авторах	162